

Мемориальная доска на здании бывшего Управления БАМЛАГа (ныне – Железнодорожный техникум) в г. Свободном (Дальний Восток).
Скульптор Н.Л.Карнабеда.
Фото П.В.Флоренского.
1993 г.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской,
детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу,
Марии-Тинатин

8–18 февраля 1935 г.
Соловки

1935.П.8. Соловки. Дорогая Аннуля. Кажется я уже ответил на твои вопросы в последнем письме. Нового у меня ничего нет. Ты спрашиваешь о здоровье*. Я здоров, только последние дни был легкий грипп, в самой слабой форме, но уже почти прошел. Сейчас лишь кашель да насморк.

П.11. Сегодня получил письмо твое и Олино. Твое – на отдельном листочке, без обращения, и похоже как будто другого такого же листочка, т.е. начала письма, не хватает¹. Напиши, было ли оно. Я очень рад, что ты немного развлекаешься и хотел бы, чтобы ты жила так, как тебе веселее и приятнее. Ты просишь не брить бороду. Но со времени моего переезда с БАМа, когда меня ограбили в Кемии, часть бритвенного прибора пропала, так что с тех пор я и не брился ни разу и хожу здесь с бородой, тем более, что ходить за этим делом к парикмахеру как то* неприятно, да и нет времени². Впрочем, главное, почему я не устроился с бритьем, – это твое желание. Зато, когда я вспоминаю об этом твоём желании, мне начинает особенно хотеться быть с вами, с тобою, если не дома, то хотя бы так, как в Сквородине. Сейчас ночь, все спят, а я сижу и пишу тебе, моя дорогая, и вспоминаю, как встретил тебя по приезде в Сквородино. Помнят ли еще дети о поездке³ и рассказывают* ли что-нибудь мальчишкам? Устроился ли Вася [большей] с квартирой?

1935.П.14–15. Вот опять ночь, время летит и я никак не успеваю писать – целый день с утра до ночи занят. Только что пробили двенадцать часов часы Спасской башни, провизжали трамваи Красной площади (это все по радио, висящему почти над моею койкой) и я сажусь за письма. Прежде всего поздравляю вас с домашними праздниками⁴ – Васюшку и тебя – дважды, а еще Олечку. Вас это с запозданием, хотя я и вспоминаю о ваших днях более или менее вовремя. Когда же открывает-

ся окно (радио) на Красную площадь и близко от себя слышу московские звуки, то воспоминание делается особенно живо.

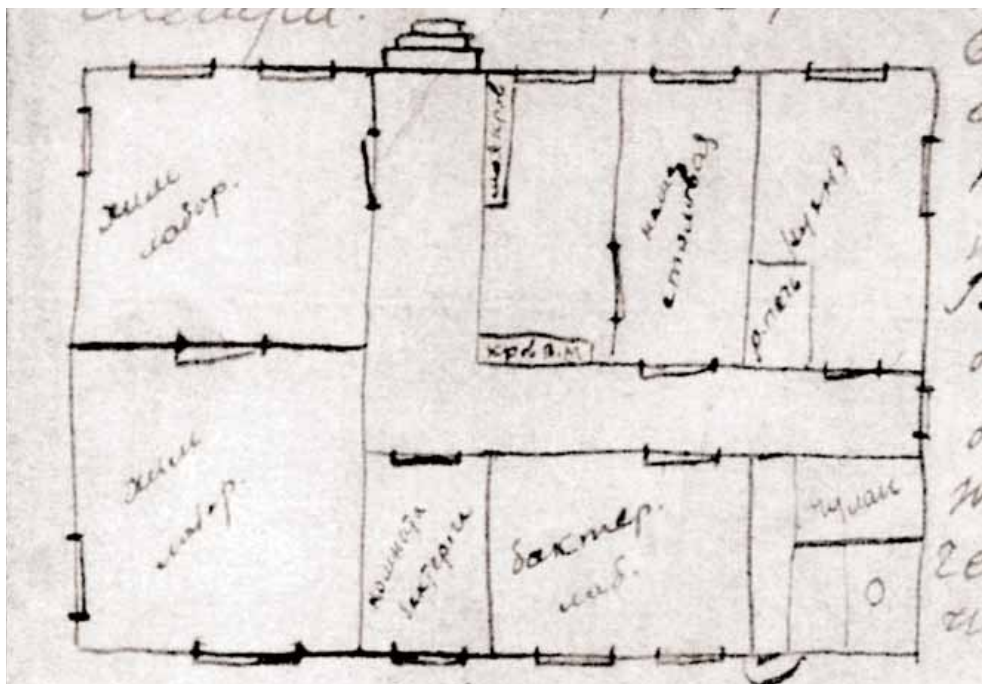
А.И. спрашивает, получаю ли я его открытки. Да, получаю и, видимо, вполне аккуратно, но отвечать ему не могу по двум причинам: первая – не знаю его адреса, а вторая – по ограниченности своих возможностей писать, т.к. не хочу вас лишать письма.

1935.И.17. В день твоих именин* я, наконец, перевез свои вещи на новое местожительство – в центральную лабораторию⁵, а сегодня вечером переселился туда и отпраздновал переселение халвою, тобою присланной. Эта лаборатория в 2-х километрах от Кремля, расположена в лесу, место тихое и уединенное, так что можно будет поработать⁶. Жилая комната помещается через корридор* от лабораторных рабочих помещений, двух комнат, и следовательно можно сидеть в лаборатории сколько хочешь и проводить опыты с утра до ночи и с ночи до утра. Задача, стоящая передо мною, – проработка вопроса о водорослях. Дела очень много, но зато задача важная и полезная. Летом, вероятно, здесь красиво, среди природы; теперь же все занесено снегом, но по своему* тоже хорошо.

1935.И.18. Письма никак не могу закончить. После гриппа – слабость и потому поздно вечером совсем засыпаю и ничего не могу сообразить. Надеюсь, что в более ровной рабо-

Келейный корпус
Филипповой пустыни,
где в 1933–1935 гг.
была лаборатория
Йодпрома.
Фото М.А.Вервальда.
1970-е гг.

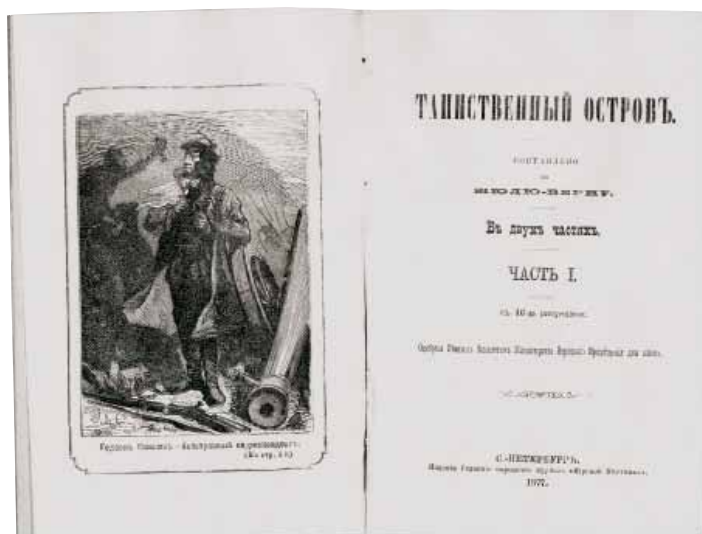
План-схема
Келейного корпуса,
где в 1933–1935 гг. была
лаборатория Йодпрома.
Рис. Н.Я.Брянцева.
18 февраля 1934 г.
Архив семьи Брянцевых

те здесь скоро оправлюсь совсем. Рад, что мама стала ходить, да и тебе станет м.б. несколько легче. Очень кланяюсь ей, как всегда, хотя иногда и забываю написать об этом. Кланяйся также С.И. пожелай ей здоровья и спокойствия. Скажи, что я всегда вспоминаю о ней с душевной теплотой и был бы очень рад получить сюда экземпляр ее «Воспоминаний», когда он появится на свет из печати. Боюсь только, что она сильно сократила «Воспоминания»⁷ и тем их подпортила. Относительно Мика не волнуйся, он выровняется, я верю в него, его грубость пройдет сама собою. Скажи ему, что я понемногу пишу для него специально «Оро» и потому хотел бы получить рукопись или копию; но чтобы по дороге не пропала, снимите копию. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь здорова и весела. Вчера получил письмо твое, кажется, которое ты писала перед отъездом Киры.

1935.И.10. Дорогой Вася, пишу тебе уже под утро. Целый день и целую ночь возился с налаживанием производства нитрита натрия, которого нам не доставили, так что производство должно остановиться. Приходится изворачиваться, совсем как на «Таинственном острове» Жюль Верна. Только нет

всегда вовремя подоспевающего капитана Немо, и потому промышленность без ресурсов* идет не так гладко, как в романе. Трудность получения нитрита в том, что при перегреве нитрит распадается до Na_2O и дает со свинцом, основным реагентом, плумбаты, которые недопустимы в производстве иода. Поэтому надо всю систему выдерживать в течение многих часов при температуре не выше 400° , но и не давать ей охлаждаться до затвердевания. Работая на плите, и притом весьма скверной, сделать это весьма трудно. Приходится то подкладывать дрова, то вытаскивать горящие головни и, конечно, все время мешать и мешать смесь. Теперь я добился ничтожного содержания в продукте плумбата натрия, а раньше его было очень много.

Сейчас подмораживает и наблюдается интересное явление. Высокие, до половины небосвода, стройные световые столбы над фонарями, вроде лучей прожектора, но совершенно вертикальные. Сначала я принял их за столбы северного сияния, но потом сообразил, что это не так по их неподвижности. А северного сияния я до сих пор все еще не видел и очень о том жалею. Водорослевая работа все еще не начиналась, но быть может начнется на днях. В Иодпроме* я внес ряд рационализаторских предложений и большая часть их уже освоена производством. В частности построены по моему проекту некоторые аппараты силами наших иодпромовских* рабочих. Один

Книга Жюль Верна
«Таинственный
остров»

из них б. студент и работал в тресте точной механики, так что сообразителен по части конструкций и хорошо работает.

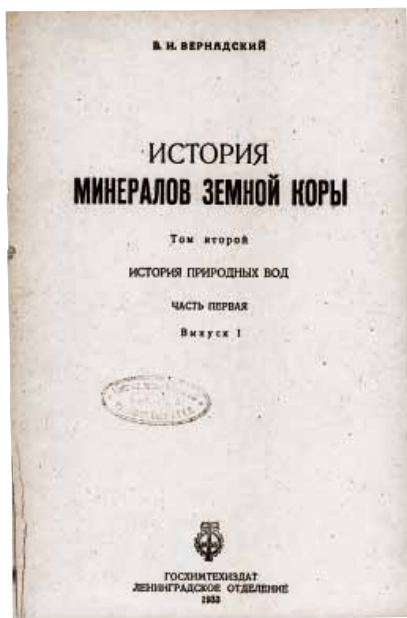
П.11. По окончании процесса варки, фильтрации, взвешивания и т.д. я пошел в лабораторию анализировать продукт. Солнце только всходило и возле него, вниз и вверх, шли великолепные столбы света – явление довольно редкое и очень красивое.

Разработанный мною процесс, как показывают предварительные опыты, удался и с завтрашнего дня мы пускаем его в производство. Вместе с тем я, вероятно, переселюсь в лабораторию, чтобы проводить там работу по использованию водорослей. Лаборатория стоит в лесу, на берегу одного из бесчисленных здешних озер. Там тихо и относительно уединенно, так что если мое переселение состоится, можно будет, хотя и без необходимых удобств, все же несколько поработать. Напиши мне, над чем ты теперь работаешь, пишешь ли что-нибудь. Как у тебя со спектрометрическим анализом? Напиши, как теперь твое здоровье. Если придется увидеть Вл. Ив., то спроси его о судьбе моей статьи по картографии («четыре краски»⁸) и его мнение о присланных работах по замерзанию воды⁹. Я крайне извиняюсь перед ним, что не мог написать ему о «Воде»¹⁰, т.к. книга осталась на станции¹¹, а здесь другого экземпляра нет. Скажи ему, что я крайне заинтересован ею и жалею только, что

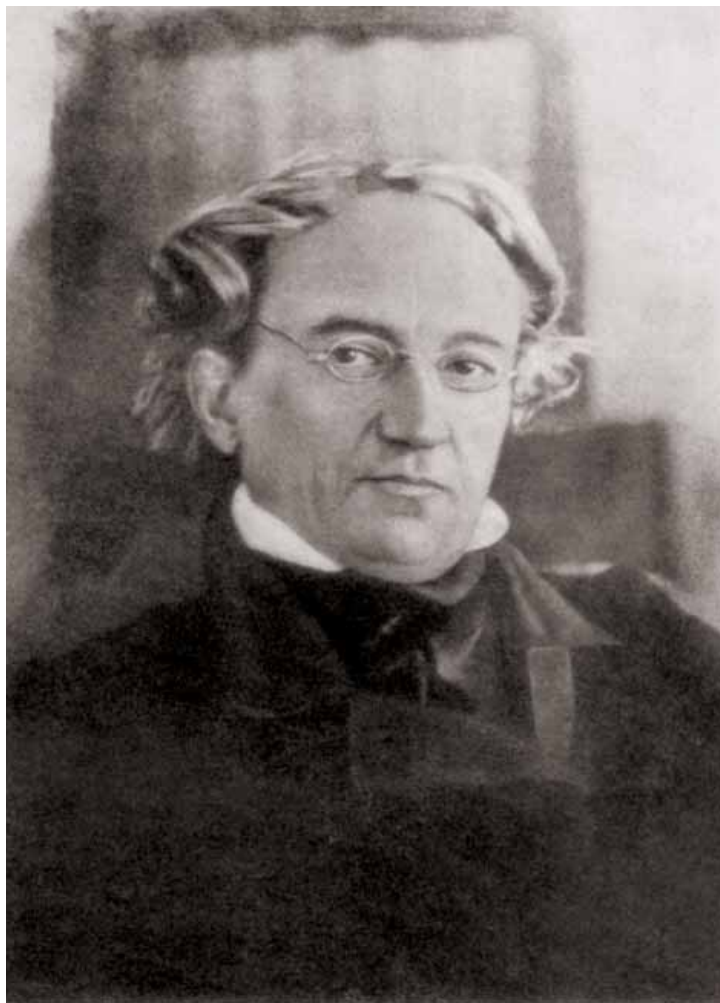
недостаток времени не позволил ему изложить богатейший материал, у него имеющийся, более конкретно и сочно. Книга его должна была бы быть втрое толще. Большинство мыслей, им высказываемых, очень созвучны мне, я думал о том же, хотя и подходил с неск. иных отправных пунктов. Крепко целую тебя, дорогой. Кончаю: ждут взять письмо.

1935.П.8. Соловки. Дорогая Олечка, ты просишь написать тебе о Тютчеве и Достоевском, которых ты неправильно объединяешь как единомышленников. Однако, между ними – глубокое различие, не только по личному складу, но и по основным установкам мироощущения и мировоззрения. Твое внимание поразил хаос. Но у Тютчева хаос, ночь – это корень всяко-

Книга В.И.Вернадского
«История минералов
земной коры»

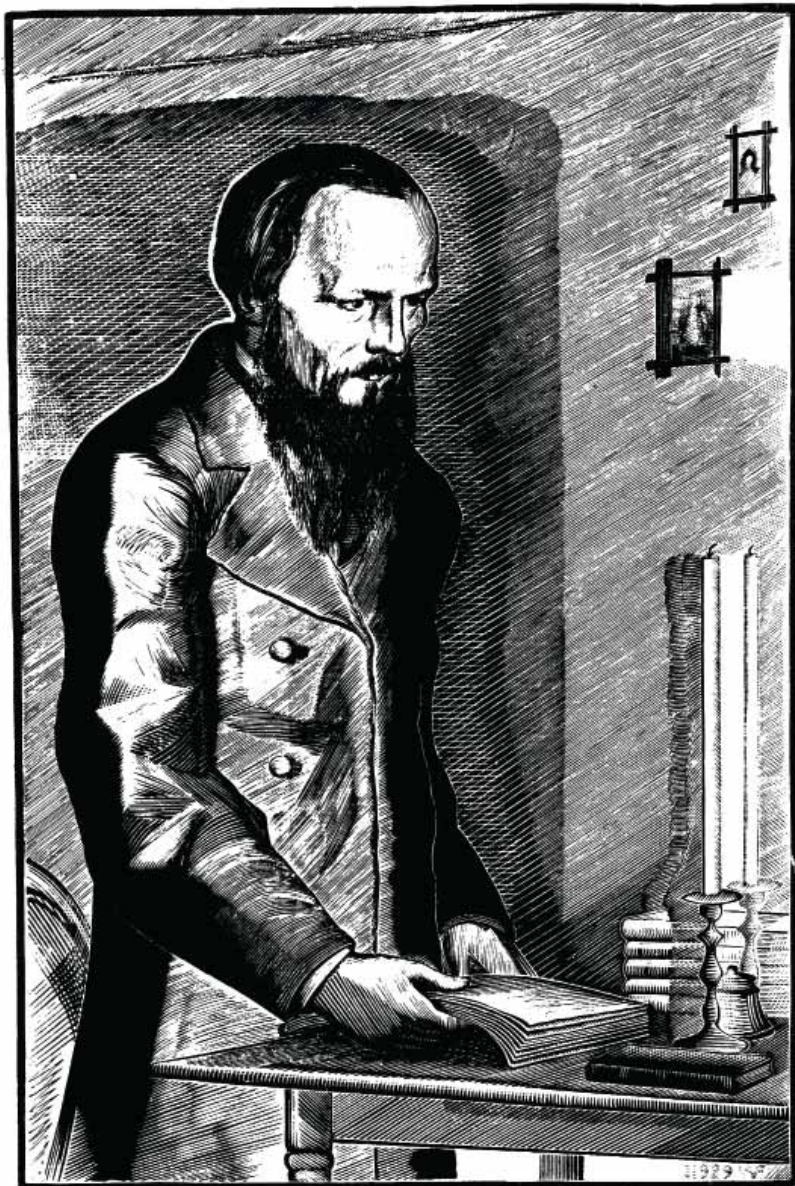

Федор Иванович
Тютчев

го бытия, т.е. первичное благо, поскольку всякое бытие благо. Хаос Тютчева залегает глубже человеческого и вообще индивидуального различения добра и зла. Но именно поэтому его нельзя понимать как зло. Он порождает индивидуальное бытие и он же его уничтожает. Для индивида уничтожение есть страдание и зло. В общем же строе мира¹², т.е. вне человеческой оценки, это ни добро, ни зло, а благо, ибо таков закон жизни. Хаос у Тютчева, как и у древних греков, есть высший закон мира, которым и движется жизнь. Без уничтожения жизни не было бы, как не было бы ее и без рождения. Человечество со всеми своими установлениями и понятиями есть одно, хотя и важнейшее, детище хаоса. И когда хаос не считается

Федор Михайлович
Достоевский.
Грав. В.А.Фаворского.
1929 г.

с понятиями человеческими, то это не потому, что он нарушает их «назло», что он борется с ними и противопоставляет им их отрицание, а потому, что он их так сказать не замечает. Тютчев не говорит и не думает, что хаос стремится поставить вместо человеческих норм и понятий о добре им обратные; он просто попирает их, подчиняя человека другому, высшему, хотя часто и болезненному для нас закону. Этот высший

закон мы способны воспринимать как красоту мира, как «златотканый покров»¹³; и радость жизни, полнота жизни и оправдание жизни – в приобщении к этой красоте, в постоянном восприятии и сознании ее.

У Достоевского, частично понявшему¹ такое мироощущение, но лишь частично или, точнее сказать, временами подымающегося до него, вообще говоря совсем иначе. Достоевский остается на только человеческих оценках и разрушительную деятельность хаоса воспринимает и толкует, как борьбу с добром, как причинение страданий для страданий, как человеческое же действие, но извращенное, направленное на зло. Достоевский, хотя и не везде и не всегда, видит в хаосе не корень жизни, а извращение жизни, перестановку добра и зла, т.е. человеческую же нравственность, но наоборот. Это – злое желание разрушать добро, доставлять страдания, уничтожать только и именно потому, что разрушается и страдает доброе. И Достоевский вскрывает в человеке, больном, извращенном человеке, особенно в себе, т.к. он был больной изломанный человек, эту извращенность, это желание зла ради зла. Сейчас не важно, прав Достоевский, или нет. Важно лишь то, что он и Тютчев говорят о разном: в то время как Тютчев выходит *за* пределы человечности, в природу, Достоевский остается в пределах первой и говорит *не* об основе природы, а об основе человека. Когда же он возвышается до тютчевского мироощущения, то основу природы называет *Землю* – понятие весьма близкое к тютчевской «Ночи»: «Жизнь полюбить прежде ее смысла»¹⁴, это уже довольно близко к Тютчеву. Обрати внимание: у Тютчева много страдания, но никакой карамазовщины, а у Достоевского не только страдание, но и выдуманное, нарочитое самомучительство и мучительство всех окружающих: таковым был Достоевский не только в своих чувствах, мыслях и литературе, но и в жизни.

Ты снова спрашиваешь о льде. Но я писал для тебя через Тику, надеюсь ты уже получила мой ответ, так что писать снова нет надобности. Ты удивляешься, что сочинение твое не клеится. Что же тут удивительного. Надо много-много работать, учиться, перерабатывать написанное, снова передумывать и снова писать, да и тогда полное удовлетворение получается редко. Видишь множество дефектов, которых б.м. и не за-

1 Так в тексте. Вероятно, *понявшего*.

метят другие, но которые сам хорошо сознаешь. «Ты сам свой высший суд»¹⁵. Посмотри, даже Пушкин, и он переделывал десятками раз, прощупывая каждое слово, меняя, добиваясь полной точности мысли и полного совершенства звука. Писание – дело трудное. Сообщаешь о переговорах мамы относительно твоей работы при агрономической станции. Учиться на практике, по крайней мере предварительно, очень полезно, но печально, что надо жить не дома, и это меня беспокоит. Кроме того я не знаю, что именно будешь делать ты, так что мне трудно отсюда сказать что либо* определенное. Сообщи подробности. Крепко целую тебя, дорогая. Тороплюсь кончить письмо, чтобы хоть сегодня, наконец, отправить его.

1935.II.16. Дорогой Кирилл, получил ли ты мое письмо? Сейчас хочу тебе написать неск. слов – несколько вопросов химической викторины, относительно которых подумай и спроси кого-ниб. тонко знающего анализ. Это вопросы, встретившиеся мне на практике и разрешенные лишь частично, да и то применительно к задачам практики. Вот эти вопросы:

1) Как определить (без рН) щелочность раствора, содержащего наряду со щелочами много нитритов щелочных мет.

2) Как определить щелочность раствора, в котором кроме щелочей содержатся иодиды* и иодаты* щелочных металлов?

3) Отчего в растворе нитрита натрия, содержащего плумбат натрия, при осаждении свинца двуххромовокислым калием, выделяется то хромат свинца, то, повидимому*, гидроокись хрома, причем условия осаждения тождественны, кроме массы раствора и концентрации раствора двуххромовокислого калия?

4) Как определять при помощи перманганата содержание в растворе нитрита натрия, если присутствуют хлориды, бромиды и иодиды* щелочных металлов?

Нашел ли ты что нибудь* в моей руде? Я все таки* думал, что она не простая, т.е. не железная, а содержит в себе что-нибудь более интересное. Какова судьба статьи, которую ты писал вместе с руководителем?

Среди прочих работ сейчас должен приступить к налаживанию в нашей мастерской регенерации свинца из глета, конечно совершенно без приспособлений, в чем и заключается трудность. Как твое здоровье. Крепко целую тебя, милый.

Николай Иванович
Быков, организатор
и заведующий
Сковородинской ОМС.
1930-е гг.
Архив ОМС, г. Тында

Дорогой Мик, сегодня я видел чернобурую* лисицу, пробиравшуюся недалеко от Кремля, т.е. Соловецкого, по поверхности замерзшего озера. Это, вероятно, одна из недавно прилетевших сюда на аэроплане. Тут, несмотря на обильный снег, уже начинает чувствоваться весна. Каждый вечер я вижу перед собою Москву, когда радио передает бой часов Спасской башни, визг трамваев, уличный шум и окрики. Когда будет возможность, пришлите мне общую тетрадь, лучше всего в *клетку*.

Теперь я поселился в химической лаборатории, в лесу; при ней есть и биологическая, и в ней содержатся звери: морские свинки, кролики и белые мыши. Всех их очень много. Рождаются маленькие свинки,

которые между собою уже месяца через 4 начинают драться между собою! Кормят их сеном, овсом, брюквой, репой. Что ты проходишь по физике? Все ли понимаешь? Очень важно, чтобы ты хорошо понял, что такое масса и какое отличие ее от веса. Крепко целую тебя, дорогой.

Дорогая Тика, милая дочка, стали ли твои щечки розовые? Не забыла ли ты своего папу? Напиши мне, читаешь ли ты что-нибудь и что именно. Как идет немецкий? Надеюсь, ты скоро будешь хорошо читать по немецки*. Учат ли вас в школе рисованию? Мне хочется знать, что ты рисуешь дома и что, если только рисуешь, *в школе*.

Крепко целую мою дорогую милую дочку Тикуюлку и прошу ее почаще писать мне и не забывать, что у нее есть папа, который скучает о ней и очень ее любит.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный. Штемпели: Рабоче-Островск – 22.02.35; Загорск – 25.02.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская, 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. I-ая колонна, дополн. список № 1. Дополнит. письмо № 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1935 г. 25 февр.».

Письмо на двойном листе (368×228 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила фиолетовые и синие.

I Повтор в тексте.

Вид Филипповой Пустыни
и ее окрестностей с борта самолета.
Фото В.П.Столярова. 2003 г.

Схема расположения объектов
Филипповой пустыни –
лаборатории Йодпрома.
Сост. В.П.Столяров, 2002 г.
Фонды МАКЭ

Окрестности
Сергиева Посада.

Слева направо: Василий
и Кирилл Флоренские,
мальчик Церевитинов,
В.М.Гиацинтов, Мик
и Оля Флоренские.
П.А.Флоренский.

Фото Ф.В.Церевитинова.
Ок. 1925 г.
Архив семьи Флоренских

1. Намек на то, что письма просматриваются цензурой.

2. О проблемах с бритьем пишет и Р.Н.Литвинов: «За недостатком бритвы я отпустил с октября бороду и она быстро достигла размеров моего неженатого состояния» (22 февраля 1935 г.).

3. Пользуясь покровительством начальника БАМЛАГа всесильного Френкеля, Н.И.Быков перевел П.А.Флоренского и П.Н.Каптерева из лагеря г. Свободный на ОМС для занятий научной работой.

Из воспоминаний О.П.Трубачевой: «Выехали 31-го июня. Ехали две недели. Приехали уже к папиным именинам. Там все цело. Цветение было потрясающее. Поезд останавливался и стоял подолгу. Пассажиры выскакивали и собирали чудесные букеты.

Папа встречал. Жили на верху сопки (пройдя Мерзлотную станцию дальше, от железной дороги по правой стороне). Он снял проходную комнату в деревенском доме. Хозяева жили в одной комнате в глубине, мы – в другой. При входе в нее была печка, два топчана и стол; комната о двух окнах. <...> Ходили в гости на Мерзлотную станцию к Николаю Ивановичу Быкову (когда он приглашал). Занимался папа со мной и Игорем Быковым в комнате, где мы жили. Я сидела на топчане, папа против меня. Папа рассказывал и во время прогулок – больше об истории открытий физических законов, о сопутствующих этим открытиям

явлениях и по истории, стараясь оживить школьный курс, пробудить интерес. Проходили курс 8-го класса. Игорь Быков был очень способный мальчик, задачи как орехи щелкал. <...> Папе далеко нельзя было отлучаться. За железную дорогу ходил только однажды. <...>

Папа занимался со мной и с Игорем по физике. Читал нам лекции по механике и электричеству. <...>

Я в 8 классе не училась. В Сквородино занималась, чтобы пройти программу по физике с тем, чтобы сдать экзамен осенью» (архив семьи Флоренских).

4. О домашних праздниках см. комм. № 7 к письму П.А.Флоренского от 14 января 1935 г.

5. 19 июля 1925 г. в системе УСЛОНа в бывшей Филипповой пустыни, располагавшейся в 2 км к востоку от Кремля, был организован Биосад, в котором и находилась Центральная лаборатория. В 1927 г. вместо Биосада были созданы «Питомник пушных зверей» (на островах Долгой губы) и Биостанция в здании бывшей биостанции на Сельдяном мысу.

В 1929 г. в Филипповой пустыни сторожем числился епископ Иларион, принимавший в своей келье посетителей (об этом см.: *Волков О.В.* Погружение во тьму. Из пережитого. М.: Госкомиздат СССР, 1990. С. 25).

Заключенный Флоренский П.А. переехал в Центральную лабораторию Йодпрома 16 февраля 1935 г.

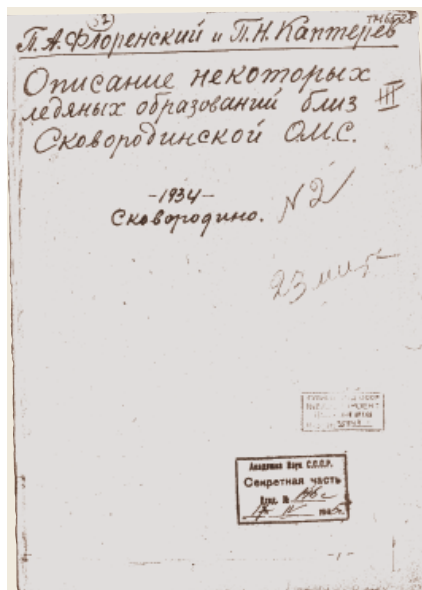
Ныне это место – снова Филиппова пустынь, где возведен памятный крест.

6. Из писем Р.Н.Литвинова жене: «Переход из жилья в лабораторию происходит по теплomu коридору, а при желании может быть сделан не только в нижнем платии, как мы всегда ходим, но и в одном белье, и даже без всякой опасности простудиться» (23 января 1935 г.); «Работы последние недели много. Мы перешли в значительной части на работы по исследованию и использованию водорослей. Приходится работать в условиях полной изоляции от мира. Иногда дело упирается в нехватку какой-либо пустяковой мелочи – приходится долго придумывать, как обойти это препятствие. Но пока что кое-чего достигнуто. То, чего не удавалось достать, делаем из подручного материала» (22 февраля 1935 г.).

7. Воспоминания С.И.Огнёвой «Полвека моей жизни» не публиковались.

Стимулируя Софию Ивановну к работе над ними, П.А.Флоренский подарил ей две больших переплетенных тетради, написав на первой странице одной: «Воспоминания Софии Ивановны Огнёвой. 20.XII.30», второй: «Дорогой Софии Ивановне Огнёвой с заказом поскорей заполнить эти листы. Священник Павел Флоренский. Вторник, 17 августа 1921 года».

Рукопись работы
П.А.Флоренского
и П.Н.Каптерева
о замерзании воды.
Фонд Краеведческого
музея г. Тынды

Книга Н.И.Быкова
и П.Н.Каптерева
«Вечная мерзлота
и строительство
на ней»

Эти воспоминания представляют интерес для понимания жизни профессуры Московского университета. Они сохранились в семье Е.П.Крюковой, родственницы С.И.Огнёвой, в двух вариантах – полном рукописном и машинописном, который в 1930-х гг. готовил к печати Сергей Иванович Огнёв. Этот вариант действительно содержит много пропусков, часть которых сделана по конъюнктурным соображениям.

8. Рукопись статьи П.А.Флоренского «Картографическая теорема о четырех красках. 1933. X. 15» сохранилась в семье Быковых, и в 1960 г. Ирина Николаевна Быкова передала ее П.В.Флоренскому (не опубликована).

9. Рукопись о замерзании воды директор ОМС Н.И.Быков отослал В.И.Вернадскому еще летом 1934 г. (см. его письмо от 21.06.34 / архив РАН РФ, дело № 217 // https://ras.ru/vivernadskyarchive/3_actview.aspx?id=865&print=1):

21 июня 1934 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович

Препровождаю Вам перепечатанную рукопись о замерзании воды с чертежами, о которой я говорил при нашем свидании. Авторы профессора: Флоренский Павел Александрович и Каптерев Павел Николаевич.

Ваш отзыв и замечания, которые будут конечно учтены в постановке всей исследовательской работы станции по изучению веч. мерзлоты, не откажите направить на ст. Сковородино Уссурийской жд.: мерзлотная станция БАМ ОГПУ, Директору станции Быкову Николаю Ивановичу.

С совершенным уважением

Н.Быков

За ответ заранее приношу глубокую благодарность.

Статьи о замерзании воды не были опубликованы, но собранные материалы вошли в книгу: *Быков Н.И., Каптерев П.Н. Вечная мерзлота и строительство на ней*. М., 1940.

10. *Вернадский В.И.* История минералов земной коры. Т. II: История природных вод. Ч. I. Вып. 1. Госхимтехиздат, 1933; Вып. 2. ОНТИ: Химтеориздат, 1934; то же / Избр. соч. Т. IV. Кн. 2. М.: АН СССР, 1960.

11. П.А.Флоренский имеет в виду Опытную мерзлотную станцию в Сковородино.

12. Проведение реформы русской орфографии, готовившейся с начала XX в., дважды (1912, 1917) откладывалось. 27 декабря 1917 г. Наркомат просвещения за подписью А.В.Луначарского издал декрет о введении нового правописания, правила которого предусматривали, в том числе, упразднение некоторых букв. Так, вместо буквы *i* стали писать *и*, в результате слова, имеющие разное значение, приобрели одинаковое написание. Например, *мир* и *мир*: *мир* как отсутствие войны (отсюда

Картографическая теорема о четырех красках.
Sur le Théorème des quatre couleurs en cartographie.
И. А. Флоренский Р. А. Флоренский

1. Проблема четырех красок и топика.

Общезвестное положение о достаточности четырех красок при расцветке любой географической карты, давно уже установленное картографами эмпирически, пока еще представляет лишь топологическую проблему (Vierfarbenvorlesung) и не может считаться в Analysis situs теоремой. Доказать это положение до сих пор не удавалось. Однако, как это можно было предвидеть с самого начала, подобие доказательства и не могло удасться, поскольку в предполагаемую теорему вводится термин «карта», топологически не раскрытый. Между тем, действительность или недействительность теоремы о четырех красках очевидно зависит всецело от топологических свойств («топики») той двухмерной поверхности, в которой содержится геометрическая схема карты, и следовательно данная картографическая карта на одной поверхности может казаться расцветиваемой четырьмя красками, а на другой — как угодно много их.

Исторически, в отношении проблемы четырех красок делалась та же ошибка, что и при аналогичных попытках доказать постулат Евклида о параллельных, когда эти постулаты обсуждались безотносительно к природе пространства, в котором параллельные строятся. Но на самом деле возможность, и при этом единственность, параллели данной прямой через данную

слово
1. Вводный термин топика почерпнут от τόπος по аналогии с термином метрика — от μέτρον.

Первая страница рукописи П.А.Флоренского «Картографическая теорема о четырех красках». Архив семьи Флоренских

мирный), и *мир* как космос (отсюда *мирские* люди, *мировой* судья). Поэтому в названии романа Л.Н.Толстого «Война и мир», где война противопоставлена всему обществу, написание слова *мир* в форме *мир* ведет к искажению смысла, так как в этом контексте название выглядит просто как сравнение военной и мирной жизни. Конечно, в поэзии Тютчева говорится о *мире*.

13. Из стихотворения Ф.И.Тютчева «День и ночь» (не позднее нач. 1839 г.), а также из стихотворения «Святая ночь на небосклон взошла...» (1848–1850).

14. *Достоевский Ф.И.* Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 2. Гл. 3.

15. *Пушкин А.С.* Поэту (1830).

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

8 февраля 1935 г.

№ 40. <...> За последнее время уже 6 писем получил. Вести от вас – это в теперешней моей жизни – все, что может радовать. Ведь сейчас вы там переживаете исключительный период истории, каждый день говорит о новых достижениях, новых победах, новых радостях. И даже тяжелые потери декабря и января, несмотря на их тяжесть, не затмевают торжества строительства. Как восторженно я чувствовал бы себя в дни съезда, при открытии метро и пр., <...> новые импульсы работы, новые импульсы творчества давал бы каждый день. Но здесь я лишен такого самочувствия. Все окрашивается в тяжелое со страхом за будущее, при полном бессилии помочь.

<...> Ты напрасно думаешь, что я затушевываю вопрос о своем питании. Я действительно сыт, и в количественном отношении ем даже слишком много. Вот пример (сегодняшний день). Утром – каши перловой полтарелки, пирожок с картофельной начинкой и довольно больших размеров, 2 стакана какао со сгущенным молоком. В 4 часа обед – тарелка супа и картофельный пуддинг* с печенкой (мясо, правда, бывает редко), 2 стакана чаю. Сейчас товарищи ушли в театр смотреть Островского «Без вины виноватые», а я готовлю ужин – на оставшемся от обеда супе варю макароны, добавив толокна, масла. По количеству очень много, не поедаю даже своего пайка – 650 г черного хлеба и подсушиваю из остатков сухари. А что касается качества, то добавляя присланные тобой масло, молоко, какао, белые сухари и пр., я дополняю все до нормы. <...>

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой, дочери Элеоноре

15 февраля 1935 г.

№ 41. Дорогое мое любимое солнышко!

После моего последнего письма от тебя нет весточки. Снова тревожно на душе. А в других вестях официального характера я все больше и больше сомневаюсь. Не понимаю, но факты – упрямая вещь, с ними необходимо считаться. От А. ничего нет, да и перемен никаких, у меня никаких перемен. Слушали по радио VII съезд, теперь 2-й колхозный съезд¹. Невольно вспоминается 1-й съезд², на котором я был. Сейчас только со стороны радуюсь достижениям страны, но эта радость отравлена. Тяжело, тяжело. Отсутствие ответа навеивает разные тяжелые мысли. Прочитал в газете и про бюджет. Убедился, что Ед[иная] г[идро]м[етео]служба еще сохранила самостоятельность бюджета. Ведь это наше с Г.С. достижение. Много нам это стоило. И бюджет службы примерно таков, как был при нас, следовательно, и в этом отношении нам упрёка никто не может послать. Не знаю, пока не хочу знать, как развивается она. Не хочу растревлять свои нервы.

А с нервами своими я воюю. Продолжаю обтирания, принимаю присланный тобой [нрзб.] гуляю ежедневно, хотя и немного. Возобновил сеансы гипноза, но он на меня пока не действует. Последний раз, вчера, врач уверил, что он загипнотизировал мною руку и она не будет болеть. «Я приказал ей категорически не болеть». Но рука, очевидно, не хочет признавать его авторитета, сегодня болит даже больше обычного. Кстати, еще об одном противонервном средстве. Последние дни возобновил работы с камнем, за ними очень хорошо отдыхаю и успокаиваюсь. Завтра ко мне придут двое – один старик-инвалид и другой такой же категории, как я, – буду их обучать накладке камней. С каким бы наслаждением я занимался своими каменными картинами у вас, рассматривал бы их вместе с вами и делал бы их для вас. Даже этого я лишен сейчас. Невольно вспоминаешь «Хижину дяди Тома» Бичер Стоу. Там такие же лишения, хотя смысл жизни абсолютно иной, да и время другое. Ведь уже треть XX века прошла. Жутко! Я не помню, писал ли я тебе прошлый раз, что я б.П послал шестое [письмо] С. Если верить О.Ю., то я абсолютно ничего не понимаю.

Прошлый раз я писал, повторю еще раз, что твои сомнения относительно моего питания абсолютно неосновательны. Ты должна быть в этом отношении абсолютно спокойной. Я часто превращаюсь в кулинара. Уже два раза готовил себе и сокамерникам (2) шарлотку. Купили мы сушеную дикую грушу; из нее и из черных сухарей, с добавлением немного повидла, масла готовил шарлотку. И по вкусу, и, особенно, по питательности оказалось очень недурно. Сала у меня еще много, масла еще 2 бутылки и одна баночка нетронуты, за крупу и рис еще не принимался. Даже консервы еще есть – банка с мясогорохом и компот. В этот месяц премвознаграждение (часть зарплаты, выдаваемая на руки, остальная идет на основное содержание) получил значительно больше – около 10 р., из них закупил еще груш и ячменного кофе. Ни о питании, ни о деньгах не думай. Все внимание уделяй сохранению своего и Элиного здоровья. Ведь кончатся же когда-нибудь беспричинные и бесцельные кошмары. Тогда здоровье нужно будет особенно.

Как-то в голове не мирятся большевизм и абсолютная бессмыслица. Плохо только, что я старею, ведь мне уже шестой десяток идет – четвертый год. Это на старости лет получить благодарность за то, что 35 лет тому назад я окончательно откололся от класса, в котором родился, и предпочел студенческую голодовку на грошовых уроках безбедному существованию. За то, что искренне отдал все свои силы и знания рабочему классу. Великий богатырь не может так оплакивать, почему я жду конца всем издевательствам. По крайней мере, так хочется. Хотя это желание уже давно, а толку нет. Я всемерно борюсь за бодрость, хочу ее сохранить. Не хочу я терять уверенность в Соввласть и в Партию и поэтому не теряю надежды, что разумное восторжествует. А это разумное несо-

измеримо важнее моей личной судьбы. Если бы настоящий коммунист узнал, в чем дело, он пошел бы на геройство, чтобы добиться выслушивания меня, а я добиться этого отсюда не могу. Детка моя родная, дело, очевидно, затягивается снова и снова, возьми себе отпуск, передохни немного, хоть отоспись и откормись немного. Когда подумаешь, как ты со своим моральным состоянием, в матери-

Почтовая марка
из серии, посвященной
строительству первой
очереди (1932–1935)
московского метро.
Худ. И.Г.Таранов. 1935 г.

Гимназист Алексей
Вангенгейм.
Весна 1899 г.
Архив Э.А.Вангенгейм

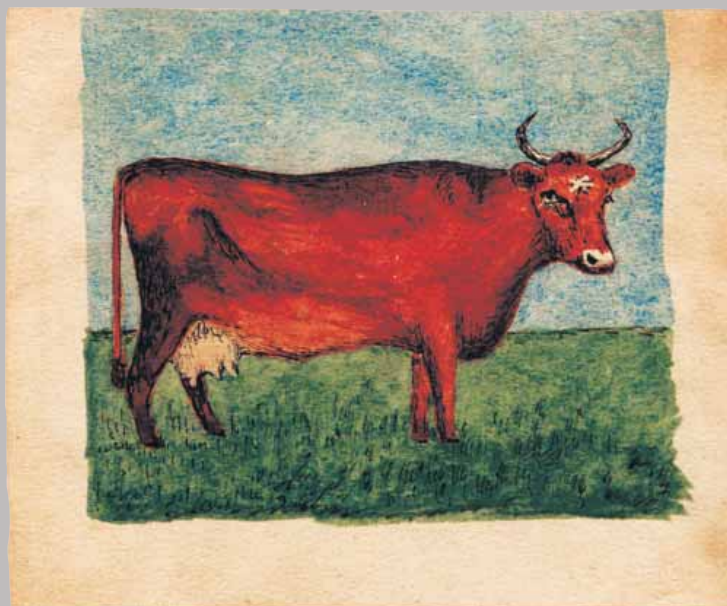

альной нужде поднимаешь колоссальную советскую работу, невольно приходишь к выводу, что здесь подлинное, настоящее, нисколько не выигрышное геройство. Береги себя, моя родненькая! Как хочется тебя видеть, расцеловать. Но пока это возможно только условно. Целую тебя много и горячо.

Твой весь Алексей

Дорогая моя звездочка!

Жду от тебя весточки, да вот последнюю неделю не дождался. Видимо, почта шалит. А без твоих и маминых писем мне очень скучно. Этот раз посылаю тебе две старые русские

№ 19
ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРКИ,
ДВЕ РАСТОПЫРКИ,
СЕДЬМОЙ ВЕРТУН.
Кто такой?

Загадка о корове. Рис. А.Ф.Вангенгейма. 1935 г.
Архив Э.А.Вангенгейм

загадки, в одной из них почему-то ноги названы четверками. Может быть потому, что у всех животных их всегда четыре. Как твои куклы провели время в санатории? Поправились ли все? Или они ждут моего приезда? <...> Пиши. Пока всего хорошего. Целуй нашу дорогую мамочку. Привет бабушке и тетям. Тебя целует крепко любящий тебя папа. 15.II.35.

1. Речь идет о II Всесоюзном съезде колхозников-ударников, состоявшемся в Москве 11–17 февраля 1935 г.

2. I Всесоюзный съезд колхозников-ударников состоялся в Москве 15–19 февраля 1934 г.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

20 февраля 1935 г.

Соловки

Дорогая моя Вита,

Твое письмо от 7 февраля получил <...> Очень рад за Вас, что Вы можете пользоваться изобильным и разнообразным ассортиментом Ваших и булочных, и гастрономических магазинов. Вижу, что за два года произошли значительные сдвиги в деле улучшения жизненных условий и видны громадные успехи. Посижу на острове дольше, то дождусь того, по-видимому, что вся черновая работа по переустройству жизни будет на материке завершена и передо мною откроются картины, условия и действительность, дышащая во всем своим изобилием. Утешаюсь такой блестящей перспективой. А скромность желаний и требований, вошедших как бы уже в привычку (время для этого достаточно) позволит произвести оценку с большей контрастностью, чем это получается у Вас, в силу того, что Вам приходится ежедневно наблюдать эти улучшения. <...>

Спрашиваешь меня, как принимать йод. Если он у Тебя кристаллический, то его нужно растворить в спирте, сделать 10% раствор, при этой концентрации он весь растворится, больше не следует, так как это выходит за пределы насыщения. Принимать его следует в молоке каплями, все увеличивая. Это Ты знаешь. Но нужно иметь в виду, что йод действует, благодаря своей летучести, на слизистые оболочки, и при насморке или других раздражениях этих оболочек его принимать нельзя.

Вооруженная
охрана на лыжах.
1920-е гг.
Собрание А.И.Сидорова

Хочу тебя успокоить насчет нашего леса. Никаких волков у нас в лесу нет. Вообще я Тебе, кажется, не раз описывал тишину соловецкого леса. Это исключительная редкость, он поражает своим спокойствием не только зимой, но даже летом. Нет этого щебетания птиц разнообразнейших пород и трескотни разных насекомых, так как представители как первых, так и вторых встречаются, и то в очень ограниченном количестве. В нашем лесу имеются олени, но это очень спокойные

животные. Бегают у опушки черно-бурые лисицы, но те совершенно не трусливые, как бы ручные. Хитрее простые лисицы, и я очень слежу, чтобы та или иная кумушка не утащила у меня кролика. Исключительное спокойствие леса могло бы настраивать на разнообразные мотивы мистического характера разве, но я пока далек как от мира астрального (мира эмоций), так и от мира ментального (мира рассудка). Ни подвиги индийских Раджи Йогов, достигших совершенства в части подчинения своего интеллекта рассудку и полной сосредоточенности своего «Я» в сфере чистейшего рассудка, убивших в себе всякие проявления чувств – желания, гнев и т.д., меня не прельщают. Не прельщают меня и представители, которые добились или добивались погрузиться в мир эмоций и довели до предела подчинение своего «Я» голосу души и сердца. Хотя я неожиданно очутился на Соловецком архипелаге, где, быть может, и были когда-нибудь сподвижники этой категории, но не ощущаю на себе их влияния из потустороннего мира, в который они пытались заглянуть. Исповедую мировоззрение материальное, а потому спокойно хожу по лесу.

Милая моя, я бы тоже хотел повидать Тебя и поговорить с Тобой. Обнимаю и целую Тебя, Коташу и Капочку. <...>

Ваши [Н.Брянцев]

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

22–24 февраля 1935 г.

Соловки

1935.И.22. Соловки. № 9. Дорогая Аннуля. Вот уже 6-й день, как я живу на новом месте. Все было бы хорошо, если бы я тут не захворал, правда не сильно, грипом*, так что сейчас раскис и временами непреодолимо засыпаю. Впрочем я уже значительно поправился. Работаю над разными вопросами химии, отдельными подготовительными участками общей работы по водорослям, а также доделываю некоторые работы для мастерской Иодпрома*. Здесь опять совсем тепло, вчера было даже нечто вроде дождя. Часто метет метелица. Как-то на днях я открыл наружную дверь на стук, и при-

Пелена святителя Филиппа. XVI в.

шедший не вошел, спрыгнул в прихожую: столько намело снега снаружи. Что-то давно не получал от вас писем. Кстати, я прошу тебя сообщать № моего письма, полученного тобою, т.к. я совсем не знаю, все ли письма мои доходят.

II.24. Опишу тебе место, где я живу теперь. Оно находится в 2 км от Кремля, в лесу, на берегу озера. Лаборатория стоит на холме и летом, вероятно, отсюда открывается хороший вид. Сейчас же все занесено снегом. Кроме лаборатории имеется еще одно строение. В лабораторном помещении 6 комнат. 3 под лаборатории, 2 жилые, а 1 – кухня и зверинец одновременно, звери живут также в биологической лаборатории и на чердаке – кролики. Весь дом – каменный, еще монашеской стройки; вероятно здесь было что-ниб. вроде дачи. Все место называется Филипповским скитом¹, т.е. называлось, а теперь зовется Биосадом. В XVI в. здесь жил Филипп Колычев, впоследствии митрополит Московский, которого удушил Малюта Скуратов. Находясь на Соловках Филипп проявил большую энергию и хозяйственность: соорудил систему каналов между бесчисленными здешними озерами, механизировал разные предприятия – мельницы, возку, подъем тяжестей, вообще занимался строительной и инженерной деятельностью. Недалеко от лаборатории сохраняется избушка, в которой жил Филипп, и даже древняя уборная. Была здесь

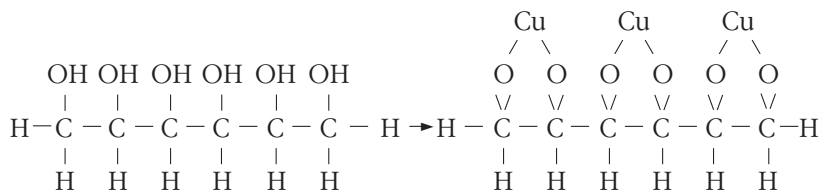
также и церковь, но она сгорела дотла. Как помнишь, день моего рождения, 9 янв., попал на ряд революционных событий²: смерть Ленина, история с рабочими, убийство митр. Филиппа. Т.о. я попал, можно сказать, в свое место – начало деятельности этого последнего. Здесь я усердно работаю, и хотя для работы правильной очень много не хватает, а главное – литературы, но все же надеюсь кое-что сделать. Сейчас сижу за анализами, налаживаю методику анализов или неизвестных, или мне неизвестных из за* отсутствия справочников. Все это подготовка к работе по использованию водорослей.

В отношении питания теперь я обставлен гораздо лучше прежнего и вполне сыт, так что пожалуйста не беспокойся обо мне.

Все время думаю о вас, как вы живете и как справляетесь с трудностями. Как хотелось бы помочь тебе, моей дорогой, но ничего не могу сделать отсюда. Кланяйся маме; надеюсь, она теперь несколько поправилась.

Каждый раз дотягиваю письмо до последнего срока, все не могу кончить. Вот сейчас, надо итти* на лекции по математике и сдать письмо, сегодня последний срок. А письма я не окончил и второпях даже не знаю, о чем писать. Хотелось бы написать тебе что нибудь* такое, что тебя утешило бы и взбодрило, но не умею, моя милая, я этого. Моя же жизнь проходит в работе и хлопотах по работе, так что я ничего, кроме лаборатории, не вижу. Безпокоюсь о тебе, о детях, о маме. Но что сказать вам, кроме того, что вас люблю, о вас думаю и для вас живу. Крепко целую тебя, моя хорошая.

Дорогой Кирилл, за неимением чего-либо более интересного, расскажу* тебе о подработанном мною определении «полиитного числа», т.е. количественно характеризующего содержание многоатомных спиртов, начиная с глицерина и далее. Мне понадобилось оно для определения маннита в водорослях. Определение многоатомных спиртов основано на их способности замещать водород гидроксила медью в сильнощелочной среде. Тогда, если известно, какой именно из спиртов находится в растворе, м.б. вычислено и полное количество его. Напр. для маннита реакция идет по уравнению $C_6H_8(OH)_6 + 3CuSO_4 + 6NaOH = C_6H_8(CuO_2)_3 + 3NaSO_4 + 6H_2O$, т.е. по схеме

Этот маннит меди (как и другие металлозамещенные полиитов) растворим в воде, в отличие от окиси меди, нерастворимой, и кроме того отличается сапфирово-синим цветом в отличие от голубого с зеленоватостью оттенка иона меди. Определение полиитного числа веду титрованием испытуемого раствора $1/5\text{N}$ или $1/10\text{N}$ медного купороса, предварительно подлив к раствору 5N NaOH или 5N KOH в большом избытке против реакции, напр. раз в 40 – напр. на 10 см^3 раствора кубика 2–3 щелочи, если содержание маннита не велико. Титрование должно вестись по каплям при хорошем взбалтывании. Тогда облачко гидрата окиси меди растворяется и жидкость остается прозрачной, пока все 6 гидроксидов маннита не будут замещены медью. Конец титрования устанавливается по тонкой опалесценции раствора. Каждые 3 кубика раствора купороса соответствуют 1-му кубику раствора маннита той же концентрации (нормальности); следов., 63,8 г меди соответствует 60,7 г маннита. Для других спиртов расчет соответственно видоизменяется.

Эта реакция дов. чувствительна. Т. напр. $1/1000\text{N}$ раствор маннита м.б. оттитрован, хотя и не оч. точно, в количестве неск. кубиков, т.е. при общем количестве маннита порядка $2-4 \cdot 10^{-4}$ г. Если бы применить нефелометр, то чувствительность и точность описываемого способа можно было бы значительно повысить. Вероятно мне придется заняться устройством какого-ниб. простенького нефелометра. Целую тебя, дорогой Кира. Письмо Тике вышло зоологическое, а тебе – сплошь химическое. Еще раз целую. Пиши.

Дорогой Вася, ты совсем забыл своего папу, ничего не пишешь. А мне ведь нужно знать, что ты делаешь, чем занимаешься, что думаешь. Пишешь ли что-нибудь. Непременно пиши, и записывай мимолетные и систематические наблюдения и мысли, и обрабатывай их. По собственному опы-

ту я вижу, что накопление большого материала впрок ведет к тому, что большая часть его остается непроработанной и не приведенной в порядок. Старайся воспользоваться хоть опытом моей жизни и более рационально тратить труд, т.е. поскорее оформлять найденное. Более крупные обобщения и более полная систематизация придут в свое время, и ничто не мешает потом вернуться к старому, пересмотреть, дополнить и исправить сделанное, но уже более сознательно и целеустремленно. Еще. Старайся при исследовании вовлекать в круг разсмотрения* возможно больше различных характеристик и сопоставлять их между собою. Тогда сами собою будут приходиться выводы, которые иначе потребовали бы большого напряжения и удачи. Особенно важно пользоваться различными физическими способами изучения вещества, т.к. химия дает слишком бедные, слишком далекие от действительного вещества характеристики, – говорит неконкретно и слишком вообще. Крепко целую тебя.

1935.П.22. Соловки. Дорогая Тика, в лаборатории, где я живу теперь, много интересных для тебя обитателей. Прежде всего кролики, их 12. Большинство их живет на чердаке и возится там с таким шумом, словно люди. Самый большой из них – темно-серый, совсем как заяц и называется Зайчиком. Через каждые 10 дней его взвешивают на весах, таких как бывают в лавках. На чашке весов он сидит смирно и вообще людей, кажется, нисколько не боится. Затем тут живут морские свинки, их 8. Из них 4 мальчика, 2 девочки и 2 мальчика, недавно родившиеся. Свинок зовут: Рыжий, Чиганоска – Черный цыган, Девчонка, Черненький, Желтенький и Мамашка; у Мамашки двое детей, пока не получивших названия, обоих же вместе называют Негодяйчиками, т.к. они выскакивают из своих ящичков и бегают по комнате. Всех свинок взвешивают через каждые 10 дней. Кормятся они сеном, овсом, брюквой, репой. Иногда они, несмотря на смирность, учиняют между собою драки и даже мальчики ранят друг друга. Свинки разных мастей: одни черные с белыми пятнами, другие же трехцветные. Для тебя самые интересные были бы, пожалуй, белые мышки. Их 30 штук, взрослых, подростков и совсем маленьких; эти 3 мальчика так малы, что их можно принять за маленькие комочки ваты.

Мышки белые не такие юркие, как серые, и потому не противны. Припоминаю как у меня, в возрасте 3–4 лет, жили две мышки, тоже белые. Они лазили за шиворот и вылезали в рукав, и я их совсем не боялся. В общем эти зверушки очень хорошенькие, совсем белые, без малейшего пятнышка. Наконец надо упомянуть еще большущего кота. Его зовут здесь каждый по своему*. Кто – Василий Иванович, кто Алихан, а кто просто Котик. Этот Котик таскает рыбу и временами оставляет следы своего пребывания на постелях. Был тут еще голубь и немецкая овчарка Джеки, щенок, которая росла в большой дружбе с Котиком и спала с ним в одном ящике. Но теперь ни голубя, ни Джеки нет. Все перечисленные звери доставляют немало забот. То их кормят, то укладывают спать, то укрывают сеном, то чистят им их ящики, то разнимают драки, причем тогда они кусают разнимающих, то взвешивают, – одним словом хлопот с ними больше, чем с людьми. Морские свинки урчат, вроде голубей, но более высокими голосами, а маленькие издают звуки как воробушки; поэтому здесь их и называют воробушками. Вот, все письмо вышло звериное. Целую тебя, дорогая Тика. Пиши своему папе и не забывай его.

Дорогой Мик, скоро у нас будет в ИТР доклад о пушном промысле и о здешних зверях. Постараюсь запомнить его и сообщить тебе, т.к. ты стал интересоваться зоологией. Между прочим, у берегов Соловецких водятся губки, и весьма недурные (образцы их имеются в лаборатории), морские звезды, много раковин и, главное, замечательные водоросли. Вероятно богатство морской фауны и флоры объясняется отрогами Гольфштрема, которые, хотя и с трудом, но попадают в горловину Белого моря. Сам я сижу в четырех стенах и потому никаких зверей не вижу. Но вероятно летом ктонибудь* из них и попадетсЯ мне на глаза.

Когда я жил еще в Кремле, то слушал музыку – по радио. Правда, я радио терпеть не могу и оно только портит музыку, но тем не менее я слушал московские концерты и в частности аплодисменты. Теперь лишь изредка приходится слышать что-ниб. музыкальное, т.к. тут, в лаборатории, радио нет, а в Кремле бываю редко и ненадолго. Но слушая музыку, я думаю, как то* вы там, дома, играете и как наверно подвигаетесь вперед, и мне

делается приятно сознавать, что мой Мик будет уметь играть хорошие вещи и понимать их. Напиши, что ты проходишь по физике и все ли тебе понятно. Еще напиши, когда у вас начнут проходить химию. Рассказывают* ли тебе Вася и Кира что-нибудь? Крепко целую тебя, дорогой, заботься о мамочке, старайся быть поласковее с Тикой, Олей, Васей, Кирой и бабушкой. Как хотелось бы мне, чтобы ты хорошо знал немецкий. Еще раз целую тебя крепко.

Дорогая Оля, давно не получая писем от тебя, я уже не знаю, о чем тебе писать. Получила ли ты объяснение, почему вода расширяется при замерзании? Когда читаешь какое либо* произведение, старайся понять, как оно построенно в отношении композиции, и именно каково целевое назначение той или другой подробности композиции. Особенно поучительны в этом отношении разрывы изложения, повторения, сдвиги во времени и пространстве и, более всего, *противоречия*. Часто стараются объяснить противоречия борьбою нескольких вариантов – эмбриональным сюжетом, вторгающимся в основной. Психологически это, вероятно, и бывает нередко так, но суть дела не в том, откуда в композиции взялась известная сюжетная тема, а *для чего* она, ради чего сохранена автором, несмотря на ее противоречие с темой основной. Когда же внимательно взглядишься, то увидишь, что это противоречие служит к усилению эстетического действия произведения, что оно, противоречие, заостряет впечатление. Можно сказать, что чем величественнее произведение, тем более в нем можно найти противоречий, и это не раз давало повод глупым критикам обвинять великих творцов (начиная с Гомера, а затем Гёте, Шекспира и др.) в беспомощности, невнимательности, даже недомыслии. Глубокая ошибка. Великими противоречиями изобилуют даже математические и физико-математические творения и притом величайшие, напр. «Трактат об электричестве и магнетизме» Кларка Максвелла или работы Кельвина. Крепко целую тебя, моя дорогая. Пиши.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 10.03.35; Загорск – 13.03.35.

Траурная почтовая марка, выпущенная в день похорон В.И.Ленина – 27 января 1924 г. Худ. И.И.Дубасов

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская, 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. I труд. колонна, список Иодпрома* № 1. Дополнит. письмо № 2».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «14 марта 1935 г.».

Письмо на двойном листе (322×184 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Чернила синие.

1. Подробнее о Филипповой пустыни см. комм. № 5 к письму П.А.Флоренского от 8–18 февраля 1935 г.

2. П.А.Флоренский не совсем точен:

– он родился 9 января 1882 г. по ст.ст., т.е. 21 января по н.ст.

– В.И.Ленин умер 21 января 1924 г. по н.ст.

– события 9 января 1905 года ст.ст., больше известные как Кровавое воскресенье, по н.ст. датируются 22 января.

– митрополит Филипп был удушен Малютой Скуратовым 23 декабря 1569 г. Память его с 1591 года отмечалась 23 декабря, а с 1660 года – 9 января, т.е. по н.ст. также 22 января.

Разница между старым и новым стилями зависит от периода, на который приходится описываемый факт. В XIX веке (с 01.03.1800 по 29.02.1900) эта разница составляла 12 дней, в XX–XXI (с 01.03.1900 по 29.02.2100) – 13 дней.

В России новый стиль (н.ст.) был введен декретом СНК от 25.01.1918, который установил день после 31.01.1918 считать 14 февраля (а не 1-м), т.к. разница между стилями в XX в. составляет 13 дней.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

22 февраля 1935 г.

Остров Соловки

Дорогая Варя. Твои письма, конечно, самое лучшее, что может быть в отшельнической жизни. Я <...> особенно ценю твои письма. В них так много существенного; особенно приятно читать о Кольке. Чтобы покончить с деловой частью письма в самом же начале, сообщаю, что книга «Industrial Chemical Calculation»¹ была со мной в камере № 9 и была оставлена с прочими книгами и вещами при отъезде из Нижнего для передачи тебе. Судя по тому, что я получил в посылке масло в алюминиевой фляге, ты эти вещи получила. Когда меня выпустят, я непременно постараюсь рассчитаться за эту книгу, торопиться же с этим делом совершенно не следует.

Метельный февраль.
Фото В.П.Столярова
2006 г.

В этом месяце я получил только два дополнительных письма <...> Первое я послал в самых первых числах месяца, а последнее нужно сдавать 25 числа. Поэтому приходится торопиться. Между письмами прошел такой большой срок, что нужно писать в историческом стиле. Погода стоит по-прежнему очаровательно мягкая, так что на шапке совсем не приходится спускать ушей, вернее, наушников. День прибавляет свою длительность с неизменным постоянством и теперь стал как настоящий нижегородский. Февраль тут ветреный и метельный. Дорогу к нам совсем засыпало и ночью нужно идти очень внимательно, чтобы не провалиться в сугроб. Под окнами северной стороны дома снежный вал выше окон. Утром приходится расчищать дорогу от крыльца, а то придется со двора прыгать вниз в прихожую. Очень часто ветер, но все время или западный, или юго-западный, т.е. теплый. Море у берегов замерзло, но дальше есть свободная вода. За все время я помню один безоблачный день, вернее, полдень, и две ослепительно яркие лунные ночи. Говорят, что март тут бывает очень солнечный, в апреле начинаются иногда оттепели, а в мае море тает и начинается навигация. С навигацией связаны всякие приятные для островитян разговоры об вывозах и т.д. Длительных аборигенов тут очень немного. Во всяком

случае, единственное, что привлекает меня вне острова, это перспектива быть ближе к тебе. Получить свидание отсюда – вещь почти невозможная и очень редкая. Нужно сказать, что, с одной стороны, мне очень хотелось бы опять тебя видеть, потому что это было бы очень большим счастьем, но, с другой, даже как будто и не хочется, потому что хотя я и попал в новое положение и по не зависящим от меня причинам, но как-то не хочется показывать себя в виде лагерника. Конечно, это глупо. Но ты помнишь, как я не любил, когда меня трогали, когда я был нездоров, как будто стыдно быть больным. Так и тут. Я знаю, что тебе безразлично по существу, в каком ты увидишь меня юридическом состоянии. Но как мне противно состояние моей беспомощности! В таком виде как будто даже стыдно показываться своей любимой Варьке, хотя я и знаю, что так думать никак нельзя. Но пока эта возможность видеть тебя так далека, что, пожалуй, нет смысла особенно задумываться на эту тему. Во всяком случае, это от нас пока мало зависит, а там видно будет.

Теперь о себе, в частности о здоровье. Приходится применить уже стандартную фразу о том, что оно в отличном состоянии. Простуд не было, жизнь характера почти санаторного, великолепный воздух, достаточный моцион, умеренный физический труд, который я несу не по неизбежной необходимости, а потому, что он мне приятен. Питание умеренное, но достаточное. Сна хватает. Работы последние недели много. Мы перешли в значительной части на работы по исследованию и использованию водорослей. Приходится работать в условиях полной изоляции от мира. Иногда дело упирается в нехватку какой-либо пустяковой мелочи – приходится долго придумывать, как обойти это препятствие. Но пока что кое-чего достигнуто. То, чего не удавалось достать, делаем из подручного материала. <...> Я <...> постепенно украшал дырами свои брюки: сначала сзади, потом на коленях. В конце концов я попробовал получить казенные вещи. Получил варежки и портянки новые, а теплые брюки 2-го срока, т.е. поношенные, в очень заплатанном состоянии. Правда, они стиранные, но надеть их я все-таки не решился. Начал хлопотать о смене и получил новые, совсем удовлетворительные, в которых и хожу. Они слегка коротковаты, но носить их можно, что я и делаю. Вот гим-

Рисунок из письма
Р.Н.Литвинова
от 22 февраля 1935 г.
Архив семьи Литвиновых

настерка никак не лезет. У меня размер крупный, а у нее мелкий. Так ничего хорошего у нас с ней и не вышло. Она лежит на чемодане под «кроватью» и дожидается момента возможной смены. Кровать я поставил в кавычки, так как это совсем не кровать, а монашеский диван-ложе. Нужно сказать, что это вещь очень удобная и даже уютная. На ней

лежит тонкий матрас, покрытый простыней, на подушечном месте подушка, а под ней, для увеличения размеров, брезентовый плащ и набитая сеном палатка. Спится на этой комбинации отлично и даже сны снятся приятные. Не так давно снился мне Николай Романович, примерно того вида и размеров, каким я его помню. Верно, он заметно вырос, так что на улице мы бы, пожалуй, и не узнали друг друга, потому что за недостатком бритвы я отпустил с октября бороду и она достигла размеров моего неженатого состояния. С боков она имеет цвет воротника серого моего пальго, а снизу прежний цвет. Прическу сначала завел прежнюю, а потом стал стричься под машинку, что гораздо удобнее в отношении мойки. В баню ходим раз в неделю. Расстояние очень приличное, но тут как-то легче сходить за три версты в баню, чем дома принять ванну. Таким образом, ты видишь, как понемногу человек перевоспитывается. Тут было слабовато с утварью – я делаю деревянные вилки и достиг некоторого успеха в этом отношении. Ручка, которой я пишу тебе, сделана специально для этого письма, так как все ручки заняты, так как их гораздо меньше, чем нужно, а я не люблю, чтобы мне мешали писать. Сегодня выходной день и мои сожители стали дружно писать домой, но пописав, прилегли подумать, причем процесс мышления сопровождается громким храпом. Время приблизилось к обеду, и я прерву письмо до вечера.

Обед окончен. Меню: суп из овощей, куда вошли брюква, морковь, картофель, ячменная крупа, заправка мукой, поджаренной на говяжьем сале. Второе – макароны с нижегородским маслом + зеленым сыром московского происхождения. После обеда кофе, конечно, черное. К нему – сушеные абрикосы с Кавказа. На десерт – крепкий сон. В комнате жарко и сухо. Все дела закончены. Завтра, после обеда, нужно идти в Кремль на заседание БРИЗ, где мне и моему приятелю² вы-

ступать в качестве экспертов. Послезавтра – туда же на занятия математического кружка. О чем будут разговоры по пути – сказать трудно, но если собеседник близко знал Белого, Брюсова, Блока и других поэтов, то можно ручаться, что если снег не будет слишком глубок и дорога не невыносима для разговора, то будет очень интересно. Теперь я никак не могу жаловаться на общество. Правда, что отдельные крупные люди встречаются тут как исключение, но все-таки они есть, так что можно говорить на такие темы, на которые в Горьком было не с кем беседовать. О поэзии, о науке и прочем. А когда вечером, около 11 часов, мы будем идти домой, то слева на дороге будет лежать незанесенный снегом валун, напоминающий громадную, свернувшуюся в снегу черную собаку, который я называю мысленно «Псица» и к которому я отношусь с исключительным почтением. Вероятно, так возникают идолы у дикарей.

Кольке привет. Расскажи ему, что черно-бурые лисицы, которых привезли на аэроплане, живут недалеко от нас, и я их два раза видел. Один раз днем, а раз ночью. Что у нас опять родились морские свинки – очень маленькие – как мышата. Их поят из стеклянной трубки молоком, и они пищат тоненьким голоском, а кот все вертится около дверей комнаты, где они живут, и хочет их съесть. Но его ловят, бьют и выгоняют в кухню, чтобы он занимался мышами. <...> Аэропланы летают довольно часто, но посылок не возят. Таким образом, до мая посылок на острове не будет. Мои запасы пока держатся. Масла осталась большая жестянка, сахара около кило. В свободной продаже тут есть брынза, сушеные груши и яблоки. Покупал брынзу. Предчувствую табачный кризис. Вот и все новости. Следующее письмо буду писать послезавтра.

Только что выходил на двор, посмотреть погоду. Тепло и с крыш капает. Ветер с Гольфштрема.

Целую тебя, Варенька, крепко.

Р[оман]

1. Возможно, Р.Н.Литвинов говорит о книге: Industrial Chemical Calculation by Houggen O.A. L., 1931. 504 pgs. (Хьюген О.А. Промышленный химический расчет. Лондон, 1931. 504 с.).

2. Р.Н.Литвинов имеет в виду П.А.Флоренского.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

24 февраля 1935 г.

О. Соловки

Очень любимая Варенька. Только вчера отправил тебе письмо, но так как завтра, рано утром последний срок сдачи февральских писем, то тороплюсь набросать еще несколько слов своей бедной старухе. За эти сутки новостей, конечно, не было, да пожалуй, их не было и за всю зиму. Поэтому это письмо нужно рассматривать как поздравительное. В этом году наш юбилей будет траурным праздником, но все-таки праздником. Ты очень хорошая, и я это всегда очень понимал, а в особенности теперь. И, конечно, я был очень счастлив эти 4 года. Вероятно, если бы ты была бы и не очень хорошая, я бы все-таки бы тебя очень любил – потому что уж очень ты мне всем подходишь. Поэтому я все-таки с радостью вспоминаю годы

Фото В.П.Стоярова.
2008 г.

своей настоящей семейной жизни и надеюсь, что после «каникул» с еще большим счастьем я буду смотреть на тебя и Кольку. И никогда не буду вступать в парикмахерские диспуты. В моей теперешней жизни мне не на что жаловаться, главное страдание – это невозможность быть с тобой и с вами. Идешь по лесу, видишь черное, как траурные материи, небо, дорога в глубоком снегу, а с запада дышит теплый морской ветер. Это хорошо, так хорошо, что хочется петь – и думаешь, и бормочешь под нос твое какое-нибудь нежное имя, и сразу станет так, что уже не хочется петь, а думаешь о тебе. И что бы ни было – обычное или необыкновенное, всегда я вспоминаю тебя. Ты обходила все дороги острова, по которым я ходил, ты много раз смотрела ужасное величие Кремля, тихо присутствовала при разговорах с интересными людьми и слушала шум леса и пение ветра в проводах. Ты смотрела невидимыми и невидящими глазами на северное сияние. Твои письма – единственное, что связывает с настоящей жизнью. В эту черную ее полосу воспоминание о годах, прожитых с тобой, – и радость и огорчение. Если бы их не было, вероятно, я смотрел бы на все с наплевательной точки зрения, что, конечно, имеет свои плюсы. Но теперь это невозможно. Вспомнишь о тебе, дорогая, и совсем по-другому смотришь на вещи. Буду надеяться, что, может быть, будущий наш юбилей можно будет праздновать по-другому. Больше не хочу писать на эту тему, потому что не хочу и сам еще думать об этом, да и тебя огорчать воспоминаниями.

А больше писать, пожалуй, и не о чем. Остаются здоровье и погода. Здоровье за двое суток не изменилось ни в какую сторону, т.е. в очень хорошем состоянии, а погода перешла в самую настоящую оттепель. Оказывается, что далекий южный и теплый

...Черное, как траурные материи, небо,
дорога в глубоком снегу...
Фото В.П.Столярова. 2008 г.

гость, Гольфштрем, плывет к нам примерно полгода и, таким образом, сейчас он самый теплый. В Белое море он заползает только хвостиком, но зато нагревает воздух. А поэтому у нас неприлично облачно и тепло. Окна в неотапленном помещении, которые были в замерзшем состоянии, оттаяли, а выходить на двор в валенках положительно страшно.

Наши лабораторные дела идут неплохо. Нашли кое-что новое, до сих пор как будто бы неизвестное. Но в наших условиях очень трудно иметь нужные книги, приборы и реактивы. Таким образом, все приходится делать на месте. А недостатки цепляются друг за друга и мешают страшно. Но зато всякую удачу очень ценишь. Как ни странно, но чего тут и не хватает в особенности – это времени. Встанешь, позавтракаешь, попьешь чаю – пошел в лабораторию. Думаешь, что, скажем, что-нибудь около часу – оказывается, уже 5 с чем-то и пора обедать. Таким образом проходит время после обеда, так что не хватает времени не только на умные книги, но и на английские романы. Книжку держишь по 4–5 дней. Темпы чтения убийственно тихие. Умных книг никак нельзя читать. Прочел 5–10 страниц и заснул. Спится тут отлично. Вначале я каждую ночь раза три вставал по гидравлическим нуждам, так как тут не то вода обладает такими свойствами (страшно мягкая, на самоваре еще монастырской эпохи нет ни пятнышка накипи), не то вегетарианский режим и обильное чаепитие, но теперь, хотя вода и пища остались прежними, но ночные экскурсии прекращены. Топим в последние дни раз в 5–6 дней, а в комнате тепло. Сны снятся странно пестрые и немного обидные. Видишь все так неуловимо. Иногда ты, но на такой короткий срок, что превалирует чувство неудовлетворенности. Иногда Колька. А так все ненужное. То толкучка со всяким старьем, то так называемый «собачник» (место, куда при аресте сначала сажают). А иногда события совсем давно прошедшей эпохи, когда люди разделялись на интересных и «взрослых». Увы! Их уже совсем не осталось, но все-таки они приходят иногда напоминать о своей прошедшей жизни. Самая потрясающая новость вчерашнего дня состоит в том, что получены первые авиапосылки. Говорят, что часть из них была отправлена домой, почему и распространились слухи о том, что их вообще не будет. Но в конце концов посылки стали получаться. Тариф авиапочты очень высок,

так что нет смысла посылать что-нибудь тяжелое и неконцентрированное. Если условия посылки не окончательно безумны, то единственное, что бы мне хотелось иметь, это некоторое количество табаку, желательного самого дешевого, и одну из счетных линеек¹, желательного советскую. Немецкие в случае продажи вытянут большую цену.

Варюшенька! Пиши мне почаще. Совсем не надо длинных писем, главное почаще. Открытку, я знаю, гораздо труднее опустить, чем написать, но все-таки, если бы ты знала, как чудесно получить хоть несколько слов от тебя! На Кольку как корреспондента я, конечно, не рассчитываю, ни в его теперешнем нежном возрасте, ни потом, при его тяжелой писемописательской наследственности. Я всегда как-то подумывал, что писать, в сущности, не о чем, так как все более или менее известно. Но теперь, когда я так отрезан от вас, мне хочется заказать тебе кое-какие сообщения. А именно: насколько улучшилась жизнь сравнительно с прошлым годом, какие товары пошли в свободную торговлю, насколько изменился город, что происходит с соседями. Если будет случай, спроси <...> возможно ли было бы переснять одну или две страницы из «Ullmann»¹ (Химическая Энциклопедия из моей бывшей лаборатории), в частности слово «mannit»^{II}. Другой путь заключается в том, чтобы попросить кого-нибудь знающего немецкий язык перевести эту статью и дать проверить перевод <...> Кроме того, хорошо бы попросить <...> чтобы он посмотрел «маннит»² в Бельштейне³ и сказал, какие нерастворимые соединения он дает, и дал бы переписать таблицу растворимости маннита. Если <...> согласится сфотографировать маннит в Ульмане⁴ и Бельштейне, было бы самое лучшее. Заодно очень приятно было бы иметь копии (фото) и с тебя с Гадом. У тебя есть примета о собственных фотографиях. Вероятно, Колька будет достаточным противоядием. Но если не хочешь, то не надо. Во всяком случае, мне не нужна твоя фотография для того, чтобы вспоминать о тебе, потому что нет часа в сутках, в который я не вспоминал бы о своей милой старухе Варьке. Целую крепко. Если письмо дойдет к юбилею⁵, то поздравляю.

Роман

I Ульмана (нем.).

II Маннит (нем.).

1. Логарифмическая линейка (счетная линейка) – счетный инструмент для упрощения вычислений, с помощью которого операции над числами заменяются операциями над логарифмами этих чисел. Применяется при инженерных и пр. расчетах, когда достаточна точность в 2–3 знака.

2. Маннит – шестиатомный спирт, содержится во многих растениях. Маннит и его производные применяют для получения поверхностно-активных веществ, олиф, смол, лаков, взрывчатых веществ, а также в пищевой промышленности, парфюмерии.

3. Р.Н.Литвинов говорит о всемирно известном полном справочном систематическом «Руководстве по органической химии» (Handbuch der Organischen Chemie) Ф.Ф.Бейльштейна, 3-е издание которого вышло в 1899 г. В 1899–1906 гг. вышли 4 тома дополнений к третьему изданию. В 1906 г. вышел том генерального указателя к Справочнику.

4. Имеется в виду «Энциклопедия технической химии» (1915–1923), редактором и частично автором которой был Ф.Ульман.

Ульман Фриц, швейцарский химик-органик. Разработал способ получения двух- и многоядерных ароматических систем (реакция Ульмана). «Энциклопедия технической химии» переиздавалась под названием «Ullmanns Encyclopadie der technischen Chemie», 3 изд., т. 1–19, 1951–1970.

5. Р.Н.Литвинов поздравляет жену с 5-летием со дня их свадьбы, состоявшейся в марте 1930 г.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

24 февраля 1935 г.

№ 43. <...> Сегодня проходил чистку ударников. В числе ударников оставлен, следовательно, буду надеяться и в марте на дополнительные письма. Может быть, получу 3, как было все последние месяцы до февраля. Чистку прошел благополучно, хотя не удивительно, т.к. работаю действительно добросовестно и выполняю много работ по общественной нагрузке. Последние дни все свободное время должен был отдать одному поручению – разрисовать большую стеклянную витрину рисунками по стратосфере. Вчера вечером как раз к началу торжественного заседания по случаю 23 февраля отнес в клуб.

Не забудь позвонить О.Ю. Я просил его передать тебе результаты, если не может ответить мне хотя бы открыткой. Как с рукописью!? Подействовало ли письмо Успенскому? Почему

Дмитрий Владимирович
Успенский, начальник
Управления Беломорско-
Балтийского лагеря.
1930-е гг.

ты не хочешь попросить Н.К., ведь это не личное дело, а интересующее и ее. М.б. она помогла бы. <...>

1. А.Ф.Вангенгейм имеет в виду потерявшуюся при пересылке рукопись о педкабинете.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

1 марта 1935 г.

№ 44. <...> Питаемся хорошо. В своей должности камерного куховара я приготавливаю вкусные и сытные ужины. Вчера и сегодня едим жареную навагу, удалось купить. Выработались у нас наиболее всех устраивающие определенные обязанности

по камере. В частности, на мне, кроме приготовления ужина, лежит рационализация нашего маленького хозяйства. Кончаю завтра ремонт термоса для кипятка. Благодаря ему мы имеем горячую воду в любой час суток. И рабочий день мы поделили очень целесообразно – одни работают с утра, другие вступают позднее, зато конец работы чаще смещен. Фактически работа библиотеки-читальни получается с 9 до 24 часов. Работы много, мне особенно приходится работать много, когда приходят газеты. Но работа сама по себе не утомляет. <...>

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

3–7 марта 1935 г.

1935.III.3. № 10. Дорогая Аннуля, сегодня наконец получил письмо от вас, за № 3, от 14.II. Меня огорчила кончина Дав. Ив., столь неожиданная. В нек. отношениях мы были близки, и потеря его для меня весьма чувствительна. В особенности же жаль, что не удалось проститься с ним, тем более, что я очень ценил его отношение к Кире и его руководство Кириной работой. Хорошо, что ты была на его похоронах. С каждым годом редуют ряды людей, которых я знал, и даже не знаемых мною в молодости, но знакомых последних двух десятилетий. И тем

Геологическая экскурсия
на берег Москвы-реки
в Кунцево для
наблюдения юрских
отложений с аммонитами.
Слева направо: профессор
Московского нефтяного
института им. И.М.Губкина
Д.И.Иловайский, Адриан
Ефимов, И.С.Ефимов и
П.А.Флоренский. 1920-е гг.
Архив семьи Флоренских

более оснований переносить все внимание на детей. А второе – чувствовать себя ближе к тем, о которых дельфийский оракул когда-то сказал «большинство», – к усопшим. Впрочем, ты напрасно думаешь, что у меня настроение унылое. Оно – всегда ровное и трудовое; работаю много, кое-что делаю как будто с успехом, стараюсь не терять времени. Некоторое время я слегка похворал, гриппом, но это, кажется, не меняло моего настроения. Теперь все прошло.

Отвечаю тебе на твое письмо. Во первых* о посылках. Вы наслали мне всего так много, что до сих пор запасы еще далеко не изсякли*, хотя я пользуюсь ими ежедневно, угощаю живущих со мною и даже незванных* гостей, не спрашивавших разрешения на доступ к чемодану и мешку. Повторяю, еще порядочно осталось разных разностей, а я вовсе не экономлю их. Даже папиросы еще есть, несмотря на мое курение и на постоянное угощение других. Единственное, что мне действительно нужно прислать, это общую тетрадь, лучше всего в клетку или

вовсе без графления, и несколько простых тетрадок, лучше – в клетку. Не забывай, что я получаю здесь «премиальные», т.е. нечто вроде зарплаты, которой мне вполне хватает на выр[у]чку выдач из ларька¹. А покупать здесь кроме как в ларьке нечего и негде. Я смог даже починить свой чемодан и сделать замок и застежки. Денег, посланных тобою раньше, я так и не брал из кассы, – это довольно хлопотно, а кроме того они мне и не нужны. Поэтому пожалуйста не вздумай посылать мне деньги.

Далее, ты спрашиваешь об угле, как удобрении. Угли в земле не гниют и не истлевают и могут лежать веками и тысячелетиями. Удобрением они ни в коей мере служить не могут, хотя частично м.б. и выщелачиваются из них некоторые соли. Однако уголь, в не слишком большом количестве, м.б. и полезен растениям, поскольку он делает почву более проницаемой для воздуха и для влаги. Но тем не менее я считал бы гораздо полезнее для растений сжигать уголь нацело и лишь в таком виде, т.е. в виде золы, вводить в почву. Имей, впрочем в виду, что для плодовых деревьев главный недостаток наших почв – в фосфоре, зола же содержит фосфора мало. Нужно поэтому стараться вводить фосфор иным способом – суперфосфатом, пережженными костями (костяная¹ мука) и т.п. фосфорными

¹ Речь идет о костной муке – минеральной подкормке, содержащей кальций и фосфор.

Геологическая экскурсия
студентов Московского
нефтяного института
им. И.М.Губкина
на берег Москвы-реки
в с. Коломенское. Третий
справа В.П.Флоренский.
Фото Т.Н.Соколовой.
1953 г.
Архив семьи
Флоренских

удобрениями. Очень хорошо, что ты возишься иногда в саду и что любишь растения, это мне нравится. Напиши, когда придет время, прижились ли дальневосточные растения и цвели ли сибирские пионы. Особенно занимает меня княженика, очень уж милое это растение и очень хороши его ягоды.

Раз Мик начал носить костюм взрослого, ты переделала бы ему мою черную сюртучную пару, ткань ее очень добротна. Или пусть Кира носит хотя бы брюки, если только они ему впору.

1935.III.5. Сегодня получил письма – твое (4-е) от 22.II. и Олино от 21.II. Кажется на большую часть твоих вопросов я ответил. Спрашиваешь о табаке. Получаю по карточке махорку в ларьке и кроме того у меня все еще есть папиросы, присланные вами, несмотря на курение и на угощение других. О приезде ко мне брось думать: это совершенно невозможно, а если когда станет возможно, то я напишу тебе. Оплаты за лекции, о которой ты спрашиваешь, я не получил, но об этом нудно разговаривать. Ты мне так и не сообщила, получила ли ты с БАМа мое белье и прочие вещи, а также посланную отсюда доверенность. На географич. и технические вопросы отвечаю Мике. Васе совершенно необходимо мыться почаще и лучше, не только ради чистоты, а ради его здоровья, об этом помни; хорошо знаю, что при его сложении это очень важно. Тут все время вроде весны, то слегка подморозит, то начинает таять. Всю зиму я так и не видел зимы. Но снега очень много, все завалено и после ветров и метелицы итти* от лаборатории, где я живу, в Кремль бывает иногда не легко, вязнешь в снегу.

Питаюсь я теперь очень хорошо, и много и вкусно; изготовил даже сыр из творога. Вообще, условия жизни очень удобные и работы, во многих отношениях, – тоже. Много работаю, тем более, что надо только пройти через корридор*, чтобы оказаться в лаборатории, где я и сажу целый день и часть ночи.

Спрашиваешь о географии Соловков. Чтобы не писать наобум или неточно, я отложу это до другого письма, когда освежу в памяти то, что знал, а сейчас под руками нет книг. Крепко целую тебя, моя дорогая. Получил письмо от А.И., вместе с вашими. Кланяюсь С.И. и маме.

Дорогая Оля, напрасно ты говоришь маме, что она недостаточно добра. Как раз наоборот. Но не забывай, мама устала,

измучена, о ней надо позаботиться и утешить ее. Боюсь, ты переутомляешься и потому твои нервы и душевное состояние не в порядке. Тут, на островах Соловецкого архипелага, существуют замечательные сооружения, называемые в археологии лабиринтами², а в народном языке «вавилонами». Это – выполненные из камней, преимущественно валунов, величиною с голову, иногда меньше, до кулака, узорные дорожки с запутанным ходом; в одних случаях промежутки между каменными лентами идут непосредственно к центру, в других же случаях – разветвляются и приводят к тупику. Попав в центр обыкновенно не сразу можно выбраться оттуда, и после прохождения некоторого пути приходишь на старое место. Форма лабиринтов различная – круглая, эллиптическая, подковообразная. В середине лабиринта бывает сооружение из камней,

Копия рисунка
из книги
Н.Н.Виноградова
«Соловецкие
лабиринты».
Архив семьи
Флоренских

напоминающее маленькую гробницу. На прилагаемом рисунке показан план Большого лабиринта Соловков. Подобных сооружений существует вообще много – в Англии, в Бретани, в Скандинавии, на Кавказе (вроде лабиринта); все они считаются принадлежащи[ми] родственным культурам, но ни народность, их строившая, ни время их построения, ни назначение – неизвестны. Среди разных предположений кажется наиболее вероятно, что они относятся, по крайней мере в основном, к неолиту и ко временам примерно V–VI века до нашей эры; строили их, как думают, германцы, оттесненные кельтами, и затем лопари, заимствовавшие эти постройки от германцев. Думают, что устройство лабиринтов связано с культом умерших и назначено для воспрепятствования душе умершего, похороненного в центре, выйти наружу, – первоначально по крайней мере. Впрочем, эти предположения, хотя и более вероятные, – дело темное. Кромлехи, менгиры, кэрны^{*3} и, наконец, древний Критский лабиринт – вероятно родственны между собою и с лабиринтами Соловков и Мурмана, хотя различаются между собою размерами, начинающимися огромным дворцом-лабиринтом Кносса (на Крите) и кончая клумбами или постройками в несколько метров поперечником, а затем – узорами и вышивками на тканях. Мурманские лабиринты измеряются несколькими десятками метров, соловецкие – меньше. Лично я этих лабиринтов не видел, но когда стает снег, постараюсь посмотреть и тогда напишу тебе о них снова, уже по личным впечатлениям.

Часто вспоминаю вас, особенно когда иду по дороге, лесом и полем. Людей в большинстве случаев совсем не встречается, разве изредка проедут какие-нибудь сани с поклажей на командировки.

Я просил тебя прислать мне «Оро» или копию с него, но ты ничего не ответила. Если нельзя, то так и сообщи. Сообщи также, получила ли ты объяснение, почему вода расширяется при замерзании. Скажи маме, что длина и ширина¹ Большого Соловецкого острова приблизительно равны между собою, кажется около 20 км, и что по форме этот остров очень похож на Африку. Островов на Белом море несчетное количество, кажется

¹ Так в тексте. Вероятно, *ширина*.

нет ни одного моря, столь изобилующего островами, как Белое. Геологически они все недавнего происхождения и поверхность большинства покрыта ледниковыми отложениями, лежащими прямо на кристаллических породах, кажется гл. обр. гнейсах. Когда идешь лесом или полем, то как то* забываешь, что это на острове. Но когда вспомнишь, то появляется странное чувство уединенности и оторванности, тем более, что и навигации теперь нет, а сношение с внешним миром, как здесь говорят «материком», держится на радио и на аэроплане, – нитях весьма непрочных. Ни ты, ни мама мне не сообщили, как же обстоит с работой на опытной агрономической станции. Последнее время я занят изготовлением реактивов для анализа различных продуктов, получаемых из растительной ткани, – готовлюсь к работе по водорослям. Это тоже вроде агрономии, но подводной. Недаром о водорослевых зарослях говорят «подводные леса». Крепко целую тебя, дорогая.

Дорогой Васюшка, сообщаю тебе, что наконец-то увидел северное сияние, даже два раза. Один раз слабое, другой же, хотя и слабое, но вполне явственное. Шел из Кремля в лабораторию в 11^{1/2} часов ночи, или в 12 ч. Дорога идет полем, а затем лесом. В северной части небо было светло, причем свет образовал ярко фосфоресцирующее пятно сегментом, опирающимся на горизонт. Края его неправильной формы и весьма

Северное сияние
над портом.
Рис. Калмыкова.
Почтовая карточка,
изд. Асседоретфегсь.
1910-е гг.

расплывчаты. Цвет свечения слегка зеленоватый. Из сегмента шли длинные светлые, но менее яркие, чем сам сегмент, лучи – лучей 5–6, напоминающие пучки прожекторов. Яркость сегмента и лучей менялась, – во первых* сравнительно медленным изменением, в течение 5–10 мин., а во вторых* подергиванием, вроде отдаленной зарницы, но не так резко. Вообще явление несколько напоминает далекую зарницу, если вообразить ее устойчивой и длящейся. Кроме того от зарницы то, что я видел, отличалось и цветом: зеленоватым, вместо зоревого зарницы. Лучи – пучки света – перемещались по небу, иногда очень быстро, – совсем как прожекторные, когда прожектор наводится. Небо было чистое, звездное, мороз небольшой, безветрено. Но видевшие здешние сияния говорят, что виденное мною – очень слабо и что бывают гораздо более яркие.

Хочу тебе сообщить об одном важном наблюдении, повидимо[му]* подтверждающем и углубляющем теорию цветного зрения Юнга–Гельмгольца⁴. Это наблюдение фосфенов, т.е. световых пятен, видимых при закрытых глазах. Я лежал в постели, утром, когда проснулся. Вот зарисовки того что я видел в нескольких последовательных стадиях (даю наиболее резко отличающиеся друг от друга, но было и много промежуточных). Образ 1 превратился постепенно в 2, а 2 – в 3, через промежуточные, но не непрерывно, а рядом мелких скачков. На фиг. 1 три основных цвета Юнга–Гельмгольца, соответствующие трем родам чувствит. цветовоспринимающих нервных окончаний: зелено-желтый, красный (но не изображен. [резкой], а глубоко[й], малиновой окраски) и голубой. Это обычные, наиболее грубые впечатления. На рис. 2 к тем же цветам добавляется характерное сиренево-фиолетовое окружение, очень нежное, не такое, как изображено у меня. Я не

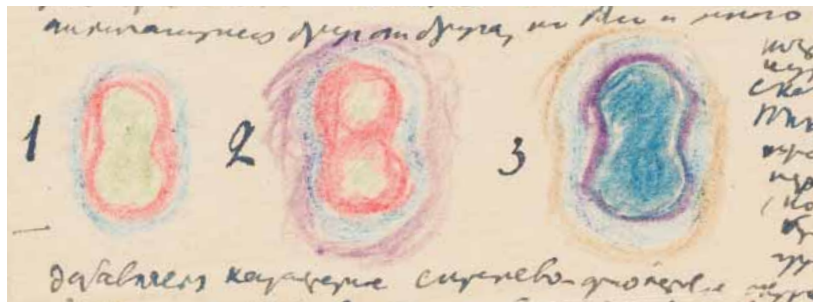

Рисунок из письма
П.А.Флоренского
от 3–7 марта 1935 г.
Архив семьи Флоренских

сомневаюсь, что это внутреннее раздражение нервных окончаний, чувствительных к ультрафиолетовым лучам. На фиг. 3 окаймление коричневатое, это восприятие нервн. окончаний, чувствит. к инфракрасным лучам. Процесс изменения этих фосфенов сводится к втягиванию внутрь периферии и возникновению на освобожденном месте периферии новых цветовых образов. Втягиваемый же цвет как бы *заливается*, и притом постепенно, внутреннюю область. То. наряду с тремя основными нервными окончаниями по Юнгу–Гельмгольцу, несомненно для меня, существуют еще окончания, чувствительные к инфракрасным и к ультрафиолетовым лучам. Это очень важное наблюдение, тем более, что видимость у.-фиол. лучей именно *человеческим* глазом (вместе с глазом дафний), в отличие от глаз всех прочих существ, хорошо доказана (см. «Die Naturwissenschaften¹»).

Форма наблюдаемого фосфена очевидно соответствует входу зрительного нерва и слепому пятну, которые, как два центра, определяют собою лемнискатные контуры каждой окраски.

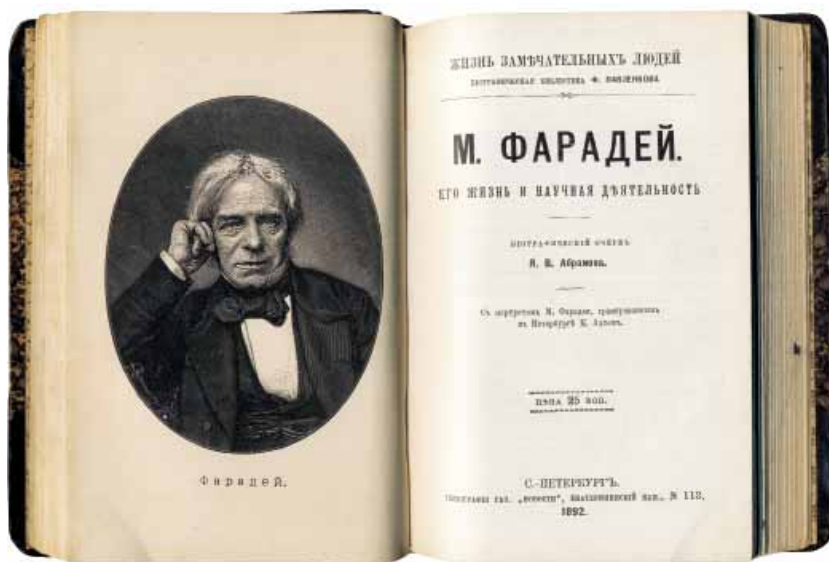
1935.III.7. Вчера шел ночью, в 11^{1/2} часов, из бани и опять наблюдал сев. сияние, не очень сильное, но хорошо выраженное. В северной части неба у горизонта чернел огромный сегмент, частично состоявший вероятно из облаков, но очерченный очень правильной дугой. Над ним шла широкая, яркая у границы сегмента и постепенно расплывающаяся кверху светлая, зеленовато-серая полоса, которая то суживалась и становилась ярче, то расширялась и ослабевала. На подобные изменения требовалось по неск. минут времени. Из сегмента выходило несколько – кажется 4, луча, как прожекторные, но слабые. Млечный луч, упирившийся в темный сегмент, казался, даже при слабом свечении сияния, слабее его, а при сильном свечении – значительно слабее. Явление наблюдалось мною 35–40 минут. Потом сегмент потерял форму, появились отдельные светлые пятна в виде облаков, и сияние стало ослабевать. Далее я его уже не видел, т.к. дорога шла лесом, а потом я вернулся в лабораторию. Небо было ясное, было видно много звезд. Стоял легкий морозец, примерно -4° – -5° , так что холода совсем не чувствовалось. Ветра не было.

¹ Природа (нем).

Сообщаю тебе сделанное мною наблюдение о различии натрия и калия, указания на которое как будто не приходилось встречать в литературе. Это – при осаждении крепкими растворами (5N) едкого натра и едкого кали гидрата окиси меди (я делал с 2N раствором CuSO_4). Едкое кали осаждает только гидр. окиси меди, который через неск. часов (6 напр.) нацело переходит в черную окись меди, тогда как раствор остается безцветным. Едкий же натр дает частично комплекс, растворимый в избытке щелочи и представляющий темносинюю* жидкость характерного для комплексных ионов Cu цвета, причем жидкость постепенно углубляет свой тон; осадка получается меньше, чем при едком кали, и притом *не* переходящего в окись, т.е. не чернеющего. Крепко целую тебя, дорогой Вася.

Дорогая Тика, ты прислала мне очень интересное письмо с песенкой Моцарта, которая мне нравится. Жаль только, что я не знаю ее мотива. Ты стала хорошо писать, с каждым письмом делаешь успехи. Было бы хорошо, если бы твои успехи в музыке не уступали успехам в письме. Ты так и не сообщила мне, рассказала* ли ты Оле, почему вода расширяется при замерзании. Не сообщала также, стали [ли] твои щечки розовыми. Очень хорошо, что мамочка занимается с тобою; я был бы рад, если бы она занималась побольше, только у нее, наверное,

Книга Я.В.Абрамова
о Майкле Фарадее,
рекомендуемая
П.А.Флоренским
сыну Мику

Давыд Иванович
Иловайский,
профессор Московского
нефтяного института
имени И.М.Губкина,
1930-е гг.

нет времени. Кланяйся от меня маме Кене и Ате. Кланяйся бабушке и пожелай ей здоровья. Помогаешь ли ты маме кормить кур и ухаживать за ними? Все наши звери тебе кланяются. Пока ничего нового у них нет, только что корм весь съели, недавно пришлось добывать нового. А съедают они очень много, кажется больше людей. Целую дорогую дочку крепко.

Дорогой Мик, расскажи*, был ли ты на чтении с картинками о Мих. Фарадее. Боюсь только, что это чтение у вас поставлено плохо и ты не узнаешь из него то, что следовало бы знать. Постарайся достать издание «Жизнь замечательных людей», изд. Павленкова, о Фарадее⁵ и о других великих людях. Это чте-

ние очень интересное и полезное. Таких книжек издано очень много в этой серии, о каждом великом человеке особая книжка. Как живут твои голуби? Мама пишет, ты хочешь узнать, как здесь ловят лисиц. Когда я встречусь с звероловами и звероводами, я спрошу* их. А пока сообщу, что знаю. Здесь водятся обычные лисы, которые перебираются с материка по льду, но это возможно не каждый год. Ловят ли их – не знаю. Кроме того здесь начали разводить чернобурых* лисиц, приехавших на аэроплане. Их выпустили на свободу, и иногда их удается видеть, видел как-то и я. Но ловить их пока рано, т.к. они должны размножиться. Впрочем, как раз недавно пытались поймать их в ловушку на мясо, чтобы проверить, есть ли среди них самки. Но лисы оказались хитрыми, мясо немного объедали, а в ловушку не ловились. Звероловные промыслы тут главным образом по морскому зайцу и по нерпе. Кажется, ловить их легко, т.к. они неподвижны и доверчивы, а вообще безобидны. Крепко целую тебя, писать больше негде.

Дорогой Кирилл, от мамы я узнал о кончине Д.И., меня поразившей и огорчившей. Одним все таки* я могу быть довольным, что ты успел, хотя и далеко недостаточно, поработать под его руководством. Мне жаль и его, и тебя, и себя, но в особенности, конечно, его семью. Передай С.В. мой привет и вырази ей от меня сочувствие к ее потере. М.б. в след. письме я напишу ей неск. слов, а тут нет места уже. Вот видишь, дорогой,

твое беспокойство о выборе руководителя отпало само собою, и Д.И-ча ты не огорчил. В жизни часто бывает так, что трудности разрешаются сами собою, только не надо дергаться и проявлять нетерпения. Мама пишет, что ты без работы сейчас. Мне неясно, почему: ведь ты же работаешь по минералогии. Или это только в летнее время? Я сижу в химии, и последнее время по преимуществу в органической. Разбираюсь в разных видах углеводов и их производных, далее пойдут белки; готовлю реактивы, налаживаю методику анализа. Попутно идет другая работа, подготовка к электрохимическим процессам, т.к. я хочу испробовать электрохимический путь комплексного использования водорослей. На ходу уясняются разные детали, неизвестные по книгам, но важные в том или другом отношении. Живем мы уединенно, тихо, в работе, окруженные лесом и снегами. Это особенно хорошо в настоящий момент, т.к. мне нездоровилось и после гриппа обычное ослабление сердца и полиневротические* боли. Серьезного ничего нет, но посидеть дома полезно. Впрочем, читаю лекции по математике и хожу в баню. Крепко целую тебя, дорогой. Я рад, что ты устроился с квартирой, но теперь непременно надо устроиться с едою. Напиши, как обстоят денежные и квартирные дела С.В.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с агитационным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 15.03.35; Загорск – 18.03.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская, 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. 3-я кол., основное, “Иодпром”».

Письмо на двойном листе (370×230 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила синие.

В конверт вложен лист (150×210 мм) очень тонкой пожелтевшей бумаги со схемой Большого лабиринта Соловецкого острова, скопированной П.А.Флоренским из книги: *Виноградов Н.* Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Материалы СОК. Вып. 4. Соловки, 1927.

1. Ларек находился около Кремля.

2. «Известно свыше трехсот подобных изображений древних лабиринтов, из них на территории России – около ста. На Соловках обнаружено тридцать четыре каменные выкладки в форме лабиринтов, в том числе и самая большая в мире. Возраст лабиринтов, называв-

шихся в Поморье еще Вавилонами, – около 4000 лет, это одна из наиболее древних соловецких загадок. Вклад в исследования лабиринтов внесли и сотрудники Соловецкого музея: заключенные Н.Н.Виноградов, П.К.Казаринов и А.А.Евневич» (*Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 524).

3. Современное написание *керны*. Началом каменных нежилых построек считают появление кернов. Это сооружения из кучи камней или одиночные валуны, поставленные на видных местах. За кернами исторически следуют менгиры (от *бретонского* «мен» – камень и «гир» – длинный) – продолговатые камни, поставленные вертикально. Основание менгиров часто вкопано в землю. Их высота колеблется от 1 до 12 м. Группы менгиров из одного или нескольких концентрических кругов называются кромлехами (от *валлийского* «кром» – кривой и «лех» – камень). Кромлехи достигают 100 м в диаметре. Часто к кромлехам примыкают ряды менгиров.

4. Немецкий ученый Г.Гельмгольц автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии; основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения.

Английский ученый Т.Юнг один из основоположников волновой теории света. Объяснил аккомодацию глаза, разработал теорию цветового зрения.

5. *Абрамов Я.В.* М.Фарадей: Его жизнь и научные деяния. СПб., 1892. (ЖЗЛ).

Книга выпущена издательством Ф.Ф.Павленкова, которое в 1880–1890 гг. было одним из крупнейших в России. Павленков издал 750 книг, в т.ч. серию «Жизнь замечательных людей», Энциклопедический словарь. Издательство существовало до 1917 г.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

7 марта 1935 г.

О. Соловки

Милая Ва. <...> Твои письма всегда единственная радость в несколько однообразной жизни на монастырском острове. Жаль только, что эта радость бывает не так часто. Видимо, почта опять пошаливает. Отвечаю на твои вопросы: начало навигации обыкновенно бывает во 2-й половине мая. Аэропосылки, о которых я уже писал тебе в прошлом письме, вообще иногда приходят. С неделю тому назад было получено около четырех десятков аэропосылок. Но, с другой стороны, один из моих сожителей получил письмо, в котором говорится, что

Дорога от Филипповой пустыни к монастырю. Фото монаха Онуфрия (Поречного). 2009 г.

посылка была принята, а потом вернулась обратно. Что касается необходимости посылки – то я уже писал тебе, что запасов хватит до самой навигации, а может быть, и дольше. Пшено почти не тронут, прочие крупы тоже. Масло еще есть, сахар тоже. Главное горе – с табаком. Выдают мало, прикупать не всегда возможно. Если бы все не курили бы – был бы удобный случай бросить курить. Но так как кругом все дымят, то будет все время отчаянный соблазн, а ты, конечно, помнишь, как меня легко соблазнить. Ах, Варька, какие были раньше, лет пять тому назад, приятные соблазны! Можно сказать, что все-таки единственное утешение мое в том, что я вовремя соблазнился. И сейчас, на сон грядущий, каждую ночь, приняв горизонтальность, я повторяю во многих вариантах самое нежное и самое волнующее имя.

Итак, начав с табака, я невольно перешел на совсем другое, не имеющее никакого отношения к нему, – на валюту когда-то так скупно расходимого фонда нежных слов. Этого очень трудно избежать при писании письма тебе. Твои письма в этом отношении лучше моих. Все очень существенно и осязательно. Простые слова о простых вещах и несколько слов, которые вдруг чрезвычайно ярко напомнят тебя и твое отношение ко мне. Видишь, как высоко ценятся твои письма. Не думай, что я буду их меньше ценить, если они будут не-

много чаще. Это совсем не упрек. Я знаю, что ты очень занята, знаю, как трудно сесть за письмо, и даже как трудно его опустить, и что дальше начинается область скитаний письма по белу свету к Белу морю, область, в которой может заблудиться и пропасть самое мудрое и длинное письмо. Во всяком случае, еще раз надеюсь на то, что в один из ближайших дней увижу письмо из Нижнего. Ну, прости за нытье, продолжку ответ на твое письмо <...>

Я уже тебе писал, что извне на свидание сюда не ездят. Поэтому навигация имеет самое отдаленное отношение к возможности свидания. Кроме того, и по самому существу дела я боюсь, что это будет стоить тебе очень дорого в смысле нервов. Возможно, что весной или летом произойдут какие-нибудь существенные перемены, вроде перевода на материк. Тогда вопрос об этом станет гораздо реальнее. А пока что приходится утешаться соображениями философского порядка. С точки зрения юридической практики большое утешение заключается в том, что дело мое как со стороны количественной, так и качественной сравнительно мелкое и фантастическое, что поэтому я не теряю надежды, что в случае пересмотра вероятность ликвидации его не исключена. А пока что я живу совершенно спокойно. Жизнь (пока что) наладилась совсем неплохо, время идет, борода становится все длиннее, и нет никаких оснований думать, что политические условия не изменятся в сторону для нас более благоприятную. Поэтому я сижу не тоскую.

Работа становится с каждым месяцем интереснее. Ты помнишь, какое удовольствие мне доставляло сооружение всяких вещей из ничего. Вот это занятие меня развлекает и тут в полной мере. Приходится строить сложные приборы при наличии самых скудных возможностей. Появляется сверхспортивный интерес и пока что с положительными результатами. Мы теперь атакуем водорослевую проблему. Нужно сказать, что методика этой работы создается из ничего. Приходится определять вещества, о которых в лучшем случае написано несколько строк, и вещества, о которых вообще ничего не известно. Работаем иногда далеко за полночь, переходя все нормы. Разговоры в часы нерабочие крайне поучительны и приятны, а темы разнообразны. То поэты, то наука в самых

разнообразных аспектах. То химия, то математика, то физика, то археология. С точки зрения интересных разговоров на научные темы я, конечно, выиграл, сравнительно с Нижним. Настроение... некогда быть настроенным – или вертись в лаборатории, или ешь, или спишь, или ходишь в лесу, днем любишь елями на глубоком снегу в северном солнце, ночью смотришь на черное небо с ярчайшими звездами или любишь северным сиянием. Даже англо-романы как-то не приходится читать. Роман, который хватил бы только на один вечер, теперь растягивается на целую неделю. Погода понемногу становится весеннее. Уже было дней пять оттепели, потом похолодало до $-3-4^{\circ}$ и так пока держится. Днем все чаще солнце и каплет с крыш, но оттепели настоящей нет. Здоровье продолжает быть в отличном состоянии. Один день болел живот, но, как и дома, на следующий день все прошло. Голова, чтоб не сглазить, ни разу не болела. Слоны появляются реже, и, если приходится ликвидировать слонишку, я это делаю всегда с огорчением, так как дома это делалось всегда более приятным способом. Понемногу портняжничаю, и довольно неудачно. Пуговицы, которые я пришиваю, опять и опять отрываются. Думаю, что дело в нитках. Поэтому я пробую каждый раз другой сорт, но результат неизменен. Хорошо, что как-то вовремя их ловишь, так что пуговичный фонд не уменьшается. <...>

С удовольствием прочел, что Колька растет и немного капризничает. Мне объяснили, что эти два явления весьма тесно связаны одно с другим, а во-вторых, что рост идет толчками и притом так, что период роста вверх сменяется ростом вширь. Расскажи ему, что к нам прилетает птица с совсем красной грудью, как в красном жилете, и дразнит кота. Кот подкрадывается к ней, а она делает вид, что не замечает. Когда кот совсем близко, она взлетает на дерево и скоро совсем улетает. Очень бы хотелось увидеть вас с Колькой. Может быть, можно было бы сняться. Конечно, если это не связано с какими-нибудь важными приметами. Хотя нужно сказать, что как будто в Горьком и не осталось приличных фотографов. А плохая фотография мало удовлетворяет. <...>

Как ваши дела с электрочайником? Как ваш быт? Играешь ли на пианино? Что с кем произошло? Как бабушка? Как цены? Как базар? У нас в ларьке несколько дней была навага по 1 р.

50 к. кило. Мы купили 10 кил[о], по 2 кил[о] на рыло, и быстро с ней справились. Но после прекращения оттепели прекратилась и навага. Примерно раз в месяц бывает разрешение на покупку примерно кило творогу. Правда, он сепараторный и очень тощий, но из него мы научились готовить сыр, вроде тильзитского, достаточно вкусный. После сыроварения в марте, посмотрев на процесс внимательнее, я пришлю тебе рецепт, если ты изъявишь желание. Американские журналы сложи. Будем надеяться, что они не очень устареют к тому моменту, когда я смогу их читать. Книг у меня с собой слишком достаточно для того, чтобы было неудобно с ними таскаться. Теперь начинает появляться опасность нехватки бумаги. Моих запасов хватит на март и апрель, при расчете 3 письма в месяц. Дальше до навигации придется «стрелять» или же пустить в ход книгу, которую я, в сущности, и взял на этот случай и которая пока еще нетронута. От Любы известий не имею <...>

Ну, крепко тебя целую, Варенька. Не знаю, что с тобой и что ты и когда ты делаешь, но знай, что нет дня и часа, когда бы я не вспоминал о тебе и не помнил о тебе. Во всей моей одиссее самый тяжелый момент – это твое отсутствие и отсутствие надежды на близкую возможность жизни с тобой и Гадом. Ну, будем думать, что все как-нибудь устроится.

Ром[ан]

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

13 марта 1935 г.

О. Соловки

Милая Варенька. Нынче месяц юбилеев. Я уже поздравлял тебя с наступающим днем пятилетия нашей свадьбы, хотя и не думаю, чтобы ты получила письмо вовремя. Во всяком случае, я этот день помнил очень точно и провел его по возможности торжественно. К обеду были фляки¹ с гречневой кашей, а к чаю я сохранил еще торгсиновскую фруктовую карамель. Утром этого дня мне принесли письмо от тебя, которое я прочел с большой радостью. Нужно сказать, что письма приходят в очень причудливой непоследовательности. Сначала я получил открытку конца февраля, потом письмо от 26.И, а потом пись-

мо 16.И. Таким образом, видимо, что в конце концов все письма более или менее доходят, а так как ты пишешь много, то и я буду понемногу получать письма. Относительно посылки с пропавшими частями одежды, если она была зашита в тряпку и была последней по счету, то самое вероятное, что я ее совсем не получил. Из посылок неполных, вскрытых на материке, была несомненно одна, а именно та, в которой была банка консервов от Кольки. Другие дошли в видимой целости, а наши приемщики очень тщательно проверяют вес и целость тары, так что можно полагать, что есть вероятность, что она вообще не дошла. Попробуй справиться на почте. Относительно авиапосылок можно сообщить, что они приходят. <...> Но еще нужно добавить, что в период растепели авиаплощадка приходит в негодность и почтовые рейсы кончаются. Поэтому в апреле, когда ты, вероятно, получишь это письмо, уже нет никакого смысла посылать что-нибудь. У нас тут, на острове, с неделю стояла оттепель. Так как сапоги мои были плохи, то я отдал их в чинку и всю неделю сидел дома. Вчера хорошо подморо-

Баня.
Рис. А.А.Евневича.
1933–1934 гг.
Архив МАКЭ

зило, я ходил в баню и на обратном пути взял свои сапоги, которые теперь на резиновом ходу. На гололеде очень скользко, но можно ходить в валенках. Брюки на мне казенные, теплые, ватные, новые. К лету, если не будет географических перемен, получу летние одежды. В общем, в этом отношении дело как будто бы понемногу налаживается, как и всегда, когда осмотришься и познакомишься с обстановкой и людьми.

Последнее время у нас в ларьке была навага по цене 1 р. 50 к. кило. Поэтому мы сделали оптовую закупку и едим ее в самых разнообразных видах: жареную, вареную, пареную и даже в выходной день ели пирог с навагой. Усиленное питание и приближение весны странным образом отразились на сне. Сплю я по-прежнему и всегдашнему хорошо и прочно, но начали сниться какие-то нелепые сны. В чем именно дело, утром не помнишь, но чувствуешь, что сон снился и был ужасно безтолковый.

Работа наша понемногу движется. Уже работает электрохимическая установка, собранная по частям со всего острова. Результаты пока что не окончательные, но обещающие. Работы так много, что даже страдает самым решительным образом чтение английских романов, а это, как ты понимаешь, признак серьезный. Дня и вечера как будто не хватает. В Кремле почти не бываю. Нужно было бы по существу сходить в библиотеку, потом по общественной работе зайти в колонну (это наша административная единица), потому что я цех-уполномоченный. Но некогда. Даже письмо тебе сел писать в такое неприличное время, что не хочется смотреть на часы. Действительно, стрелки указывают третий час, а публика еще не спит. Кто пишет, кто возится с химическими реактивами. Нужно укладываться спать, все равно списков на дополнительные письма нет и завтра письма все равно не отправить. Вчера был у нас выходной, и мы с приятелем² пошли прогуляться по другой дорожке, не по постоянной, по которой мы ходим в Кремль. Это была тоже лесная дорожка, но до чего скудны эти ели и березы! Возраст их почтенный, но рост ничтожный. На снегу почти никаких следов – если говорить не о человеческих. Никаких птичьих звуков. Совершенное царство спящей царевны, которой нет. Единственные звериные следы – это черно-бурых лисиц, которых, как я уже писал тебе, привезли на аэроплане,

которые достаточно ручные, кормятся около Кремля и от скуки играют на свинарнике с фокстерьером и поросенком. Я тоже устроил себе игрушку – стеклодувную горелку, и выдуваю всякие приборы для лаборатории. К моему великому огорчению никак не могу сделать капиллярного электрометра, прибора, ради которого я и устроил эту горелку. Когда лопаются спай, я очень недоволен.

Что же еще изменяется в моей жизни? Дни и борода становятся понемногу все длиннее, но скорость изменения никак не ощущается. Впечатление от бороды странное: как будто, по мере роста, количество белого становится все меньше и меньше, и я молодею. Здоровье мое – в отличном состоянии. Опять приходится писать, что если бы не мои дорогие – ты и сын – там где-то, в остатках прошедшего для меня Нижнего, то жаловаться ни на что бы не приходилось. Но без тебя мне каждый день по-другому тоскливо, и скучно, и обидно. Ужасно глупо черт знает сколько быть без тебя и Гада. Но охами дела не поправить! Время покажет что-нибудь лучшее, потому что все меняется. Пока что снег убывает, дороги становятся хуже и воздух весеннее. Каким далеким кажется прошлый март и наши путешествия в Швейпром! Тогда тоже намечалась весна и никто не мог предполагать, что через год я буду разговаривать о науке и принципах механики с островитянином в бывшей скитской келии, в которой в электрическом свете блестят склянки с разноцветными реактивами. Ночью полная луна и облака – такие, как видел Бетховен, когда писал «Лунную сонату». Северных сияний уже нет, кончились. Достал и читал журнал, который издавался тут в эпоху литературного расцвета. Из него почерпнул одно интересное сведение – а именно, что навигация открывается тут в половине мая. С навигацией, по преданию, связаны так называемые «чемоданные» настроения, ожидания вывоза, которые сбываются для немногих. Еще одна любопытная подробность, а именно, что нижегородские ботаники имели тесную связь с нашим островом. В Нижний отсылались образцы растений для определений, и даже ездили ассистенты сюда. Но это было в очень давние времена, лет 10 тому назад, когда тут было все по-другому, было кафе, а в ларьках было все что угодно. Между прочим, Пси, очень хорошо бы было, если бы ты сумела как-нибудь послать (а раньше до-

Сугробы.
Фото В.П.Столярова.
2006 г.

стать) метров 5–6 никелиновой или реотановой проволоки для потенциометра. Толщиной эта проволока должна быть 0,2 или 0,25 мм. Моя катушка осталась, видимо, в лаборатории. <...> Стоит она пустяки, а очень нужна. В сущности, можно попробовать послать в письме, хотя бы метра два, если это не будет очень заметно. <...>

Варенька! Как ты чувствуешь себя? Что-то мне снилось про тебя неопределенное. Все-таки этот год прошел нерадостно. Может быть, привычка сделает все это более легким. Во всяком случае могу сказать, что если у тебя нет новых знакомых, то старые неутешительны. У меня хоть есть утешение, правда, очень слабое, в приятельстве с одним из соразработчиков, о чем когда-нибудь расскажу тебе. Вообще положение в этом отношении странное. Как будто видено очень много нового и незнакомого, а с другой стороны писать как бы и нечего. Не писать же о рассказах урок на этапе, а тут и рассказы кончены. Никто ни о чем не рассказывает и все считается само собой понятным. Ну, до свидания, милый Пси. Следующее письмо напишу числа 23–24.

Р[оман]

1. Фляки – это рубец (желудок, а также прочая требуха), тщательно очищенный, несколько раз промытый, опять очищенный с помощью щетки и соли, затем отваренный в мясном бульоне (а варится он не

менее четырех часов), нарезанный тонкими полосками и опять, уже недолго, отваренный в чрезвычайно остром соусе со всевозможными специями и овощами. Подается, как правило, в суповых мисках.

2. Предположительно, Р.Н.Литвинов говорит о П.А.Флоренском.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Михаилу

13–16 марта 1935 г.

1935.Ш.13–14. № 12. Дорогая мамочка, давно не получаю вестей от тебя, да и Анна не может сообщить чего-либо достаточно отчетливого, т.к. давно, по ее словам, у тебя не бывала. Сейчас поздняя ночь. Ложимся мы поздно, т.к. вечером или приходится поздно возвращаться, или идет работа¹. Недавно вернулся из бани, поужинали, напились чаю. Посещение Кремля и его окрестностей, т.е. нескольких строений вокруг него, мы называем «пойти в город», потому что сами живем в лесу, в 2 км от этого города. Дорога идет полем и лесом. Днем она достаточно безлюдна, а ночами не встретишь никого. Разве что пискнет какойнибудь* зверек в лесу, да и то еле слышно. Идешь – и знаешь, что ближе как на 1 км ни в какую сторону нет людей. Безмолвие. Остров окружен льдами, затем морем, вообще бурным и беспокойным. Поэтому чувствуешь себя отрезанным от всего мира, и это особенно сознается при возвращении в лабораторию, в темноте.

Несмотря на северную широту, близкую к Полярному кругу, Соловки, как я писал тебе раньше, теплые, в общем куда теплее Москвы. Сейчас чувствуется весна. С крыш последние дни усиленно капало, дороги осклизли, и снег проваливается под ногами, так что ходить было трудно. Но сегодня, к нашему удовольствию, слегка подморозило, и поэтому можно пойти в валеных* сапогах, несмотря на лужи. Но и холод сомнительный: например я ходил сегодня без перчаток и мои руки, не выносящие холода, совсем не зябли. Вероятно это небольшое похолодание продержится недолго, и пойдет снова таяние снега. Питание мое стало совсем хорошим: получаю сухой паек и готовим сами, как хотим. Кроме того, в связи с потеплением, здесь пустили в продажу запасы местной наваги, соловец-

Заснеженный лес.
Фото Г.В.Смирнова.
2006 г.

кого улова, и все жарят и едят навагу. Конечно и мы не отста-
ли от всех и делаем то же, так что питаемся не только сытно,
но и вкусно. Кроме того, до сих пор у меня не изсякли* при-
сланные вами припасы и каждый день я извлекаю к чаю или к
ужину из чемоданных недр что-нибудь московское или кавказ-
ское, т.к. среди присланного есть и кавказское. В лаборатории
царит тишина, особенно во второй половине дня, когда уходят
работники, приходящие со стороны и здесь не живущие. В об-
щем настолько тихо и уединенно, что мне все кажется, будто я

Батум. Гавань.
Почтовая карточка.
1910-е гг.

плыву на пароходе и что кругом меня море. Кстати же, вожусь с водорослями, при электролизе и химической обработке они начинают пахнуть особенно сильно и мы так и характеризуем в записях процесс: «запах побережья».

1935.III.15. Сегодня выходной день. По этому случаю, а также по случаю удачных опытов ведущий хозяйство в нашей лаборатории смастерил пирог с навагой. Мне было только досадно, что не могу угостить им всех вас. Занялся и писал в промежутках между опытами стихи, потом немного прошлись. День был солнечный, что по здешнему* довольно редко случается. Дорога идет лесом, вдоль каменистых гряд – озов – остатков ледников. Лес здесь по большей части мелкий, медленно растущий, редкий, – почти сплошь ели. Местность неровная, довольно живописная. Вероятно, если бы я был более расположен к Соловкам, то нашел бы ее и просто живописной. Часто вспоминаю всех вас и, вероятно по старости или по особенностям пейзажа, свое детство, но не тифлисское, а батумское. К тому же встречаюсь часто с разными кавказцами всех мастей и национальностей, так что и они наводят на мысли о Кавказе. Как здоровье Сони тети? Целую Люсю. Поправился ли Саша? А главное, напиши, как твое здоровье. Тут очень чувствуется наступление весны: снег подтаивает, воздух совсем теплый, даже бывает иногда солнце. Птицы еще не прилетели; сюда налетает много чашек, которые, как

говорят, кричат в Кремле нестерпимо. В лесу же кругом лаборатории должны петь более приятные птички, которых пока тоже нет. Крепко целую тебя, дорогая мамочка, береги свое здоровье. 1935.Ш.16.

Дорогой Вася, ты так упорно не пишешь своему папе, что он даже не знает, о чем писать тебе. По моему*, напрасно ты предаешься, как обычно, своим чувствам и не пишешь, как общается мама, из за* них. Лучше пользуйся случаем, пока можно, и пиши. Вот, вероятно скоро начнет таять лед, прекратится авиопочта* и не установится еще навигация, писать будет нельзя: говорят, такой перерыв может продолжаться до двух месяцев. О моей жизни ты знаешь из писем к маме, так что сообщить чтонибудь* новое трудно. Жизнь идет в работе, внешне очень однообразна, день походит на другой. Даже читать ничего, кроме специальных книг (да и то немногих, которые можно было добыть здесь), не приходится. Больше все сижу за органической химией, отчасти за почвоведными вопросами. В частности, в связи с работой около иода*, подобрал некоторый материал по распространению иода* в природе. Если хочешь, сообщу его тебе. М.б. у Вернадского подобный материал и есть гденибудь*, но вероятно без конкретных подробностей. Веду лекции по математике, гл. образом в отношении строгого построения и взаимной связи понятий и по их конкретному естественнонаучному содержанию. Последние лекции, впрочем, посвятил т.н. методу областей при изучении кривых и функций. Идею этого метода я вычитал давно в одном учебнике аналитической геометрии (Невенгловского²⁾), потом развивал ее сам. Этот замечательный метод почему-то не излагается ни на лекциях, ни в курсах, даже больших по размеру, а между тем он весьма полезен практически. Обычные приемы изучения кривых, простые по идее, в практическом применении в большинстве случаев оказываются весьма затруднительными или даже неприменимыми, особенно когда функция дана в неявном виде. Этот же метод позволяет обследовать неявную функцию, как алгебраическую, так во многих случаях и трансцендентную, весьма просто и даже наглядно. Суть метода областей – в следующем. Пусть дана функция $\Phi(x, y) = 0$. Разобьем какимнибудь*

Елизавета Павловна
Мелик-Беглярова
с Васей Флоренским.
Сергиев Посад.
Фото П.А.Флоренского.
1915 г.
Архив семьи
Флоренских

способом ее на два равных между собою произведения не-
явных же, но более простых, функций, так что

$$\Phi(x, y) \equiv f_1(x, y) \cdot f_2(x, y) \dots f_n(x, y) = F_1(x, y) \dots F_m(x, y) = 0$$

Вычертим частные произведения первого, т.е.

$$f_1(x, y) = 0 \dots f_n(x, y) = 0$$

и произведения II-го, т.е.

$$F_1(x, y) = 0 \dots F_m(x, y) = 0,$$

и будем обозначать их кривыми группы I и группы II. Оче-
видно, что основная кривая Φ пройдет через все точки пе-

ресечения каждой из кривых I с каждой из кривых II. Этим определится скелет ее. Далее, каждая функция двух переменных, напр. $f(x, y) = z$ получает нулевое значение на соответственной кривой, положительное по одну сторону от кривой и отрицательное – по другую. Всякий переход по плоскости *через* кривую $f(x, y) = 0$ сопровождается переменою знака z . След., плоскость разбивается каждой кривою на полож. и отрицат. области. Основываясь на этом, можно разбить всю плоскость на области, оконтуренные отрезками кривых I и II, в которых точек кривой Φ не может быть и в которой они могут быть, ибо знак произведения $f_1 \dots f_n$ должен быть для каждой точки в области, где м.б. кривая Φ , такой же, как и произведение $F_1 \dots F_m$, т.е. +, а знак области определяется «произведением знаков» частных областей для кривых I и кривых II. Далее, находим по какой-ниб. одной области, для единствен. точки (напр., для начала координат), могут ли быть или нет в этой области точки кривой Φ . Если нет, то заштриховываем область, если да, то заштриховываем любую смежную. Далее заштриховываем области через 2 границы, т.е. по вертикальным углам кривых. Кривая Φ может проходить только в незаштрихованных областях. Подобным же образом рассуждая*, находим направления некоторых касательных, особые точки и т.д., так что картина получается весьма ясная. Вот, дорогой, все письмо ушло на математику, больше нет места. Позаботься о своей еде и о своем здоровье*, не переутомляйся: так работа будет итти* плодотворнее. Пиши, как мне, так и свои работы. Целую тебя.

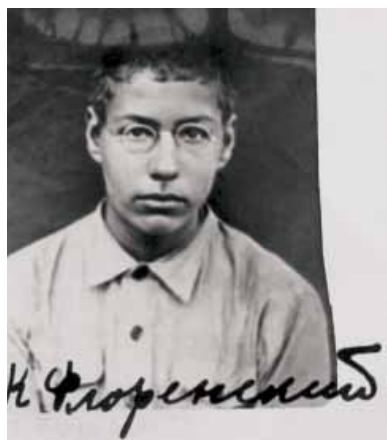
Дорогой Кирилл, прежде всего сообщаю нечто из области образования своеобразных минералов. На сводах и стенах одного из складов все время возникают длинные, состоящие из шелковистых иголочек белого цвета или, точнее, очень светло-серого, сталактиты. Их сравнивали с «горным льном», сходство действительно есть, но с асбестом измельченным. По образчику, который был принесен нам сегодня, выяснилось, что вещество их – углекислый аммоний. Однако видимых причин для образования такого минерала не находится, т.к. в складе хранятся запасы горючего и нет каких либо* разлагающихся органических веществ.

Занимаюсь электролитической переработкой водорослей. Удаётся хорошо выделять весь иод* непосредственно из водорослевой массы, без какой либо* предварительной химической обработки. При дальнейшем продолжении процесса, когда разлагаются хлориды, происходит разложение водорослевой массы и выделяется альгиновая кислота и альгинаты щелочных металлов. Клетчатка и маннит³, а также белковое вещество, остаются в ванне. Дальнейшее разделение при помощи фильтрации (нужно было бы иметь фильтр-пресс) и сублимация упаренного маннита. Процесс этот – новый, предложен мною и кажется пойдет удачно, но, конечно, наладиться с производственной схемой [и] заводской установкой нельзя без большой предварительной работы. Альгиновая кислота⁴ – очень аппетитного вида и просится в желе и другие сласти. Но вероятно можно из нее изготовить нечто вроде заливного, полив уксусом и заправив перцем.

Мама сообщает о твоих занятиях с работами Д.И. Разбираешься ли⁵? Боюсь, запустишь свое учение. Занимаешься ли ты математикой? Знание ее тебе будет совершенно необходимо во всех работах и потому не упускай случая заниматься этими предметами хоть понемногу. Передай мой привет С.В., детям и их бабушке. В прошлом письме я писал тебе по случаю смерти Д.И., но не знаю, дошло ли мое письмо. Устроился ли ты теперь с едою в Москве? Непременно придумай что-нибудь в этом направлении. Сообщи, какие предметы ты теперь проходишь. Вышла ли из печати «Палеонтология» Иловайского⁶? Мне придется, вероятно, наряду с водорослями заниматься здешними почвами – торфянистыми болотными почвами, которые изучены и вообще очень недостаточно. Пока занят составлением программ и планов работ по этой части и подготовкой методики исследования*. Особенность этих почв, связанная с климатическими условиями, – в устойчивости органических веществ. Поэтому, несмотря на изобилие азота в почве, фактически они очень бедны азотом, полезным для растений, и должны без конца удобряться. Задача – дать им такую структуру и такие химические дополнения, при которых бактериальные процессы ускорятся и ор-

Монография
об аммонитах,
подготовленная к печати
К.П.Флоренским после
смерти его учителя
Д.И.Иловайского

Кирилл Флоренский.
Ок. 1930 г.
Архив семьи
Флоренских

ганический белковый азот станет переходить в азот минеральный, т.е. в ионы азотистой и азотной кислот. Физикой почвы я несколько занимался, и в Москве и на БАМе, но не с точки зрения сельскохозяйственной, а общефизической, электрической и строительной. Но сельскохозяйственное использование почв требует более полного знания почвы и вдобавок учета требований со стороны растений, вообще же оно должно более учитывать динамику почвы, чем в грунтоведении, где рассматриваются* горизонты глубинные и почти исключительно минерального состава, т.е. по обеим причинам менее подверженные из-

менениям. Верхние же горизонты, почва в собственном смысле, находится в непрерывном изменении, сильно подвержена действию живых организмах¹, сама содержит много органических веществ и потому представляет комплекс весьма сложный, в котором до удовлетворительной ясности никто еще не разобрался. В особенности же сложен вопрос о почвах торфянистых, поскольку они представляют типичные коллоиды и находятся в непрерывном процессе. Вот, дорогой, все это надо учесть и взвесить, а литературы тут, можно сказать, нет, аппаратуры для физических исследований – тоже. Придется какнибудь* изворачиваться и придумывать. Вообще, похоже все это на «Таинственный остров» Жюль Верна, где тоже все придумывали и осуществляли из ничего. Крепко целую тебя, пиши. Поцелуй мамочку и детей, кланяйся бабушке.

Дорогой Мик, сообщаю тебе последние новости о чернобурых* лисицах. Их всего шесть. Жениться они должны на местных красных лисицах. Чернобурых* лисиц называют здесь серебристочерными*, и я не уверен, что они тождественны с чернобурыми*. Детей от таких браков называют сиводушками и, как я вычитал в газете, мех сиводушек очень ценен. Серебристочерные* лисицы подружились здесь с собаками и поросятами. Бродят они всюду и иногда бьют стекла теплиц, вероятно влезая на верхние части строений. Кажется, около

¹ Так в тексте. Вероятно, *организмов*.

теплиц они заняты ловлей мышей. Несмотря на свою прирученность, лисицы не дают себя трогать. Сегодня, во время прогулки, я видел много лисьих следов, но не знаю, какими именно лисами они оставлены. Собак здесь очень мало. Птиц еще не видать, но, говорят, скоро прилетят чайки и выгонят из своих прошлогодних гнезд забравшихся туда на зиму ворон. Больше никаких новостей о животных не узнал пока.

Сообщаю тебе интересный опыт над превращениями крахмала. Свари самый слабый крахмальный клейстер, высыпав на кончике перочинного ножа крахмала (картофельной муки) в несколько ложек холодной воды, растерев в однородную смесь и влив ее в $\frac{1}{4}$ стакана воды кипящей, причем надо жидкость хорошо размешивать и *слегка* прокипятить, очень недолго. Немножко этого крахмального клейстера налей в пробирку и капни 1 каплю иодной* настойки, несколько разбавленной водою. Клейстер *посинеет*, это реакция на крахмал. Потом подогрей синюю жидкость, но не грей долго, – она обезцветится. Дай ей остыть – она снова посинеет. Снова нагрей – снова обезцветится и т.д. Теперь подлей немного кислоты (серной или соляной) и вскипяти раствор; если иод* улетучится, то придется по охлаждению подлить еще каплю. Раствор получится *фиолетовый*. Это – реакция на амилодекстрин. Еще нагрей – иод* даст *красную* окраску – реакция на эритродекстрин. Еще нагрей – окраски уже не будет получаться – реакция на ахроодекстрин. От нагревания, в особенности с кислотою, сложная молекула крахмала постепенно распадается на более простые, они-то и дают разные цвета окраски. Кислоты надо подливать немного и слабой, кипятить каждый раз 2–3 минуты.

Теперь буду рассказывать* тебе о рыбоводстве. Белое море – замечательное море, нигде нет столько островов, как на нем: все море из островов. Но зато и острова – не острова, а сплошные озера. На Большом Соловецком острове сотни озер, я даже забыл, сколько именно. Куда ни глянешь, все озеро. Озера эти лежат на разной высоте. В XVI веке уже знаменитый Филипп Колычев, впоследствии митрополит Московский, соединил озера протоками, так что вода постепенно переливается из одних в другие. Во многих озерах вода чистая, как в горных; это так называемые озера альпийского типа. Другие озера бо-

лее близки к болотам. В связи с этим разнообразием вод озерных и мягкостью климата давно задумывались над разведением в соловецких озерах рыбы, причем можно было бы подобрать благоприятные условия для рыб различных семейств и образа жизни. Думают, например, что в озерах альпийского типа были бы подходящие условия для сиговых рыб, в других – для леща, карпа, карася и т.д. Однако рыба растет здесь очень медленно и караси возрастом чуть не в десятки лет, – только маленькие карасики. Кажется, главная причина этому – слишком большая пресность воды, отсутствие в воде солей, а это обстоятельство не дает развиваться планктону, да и самой рыбе. Поэтому-то в некоторых из здешних озер рыбы нет вовсе, в других, хотя и есть, но очень мало и мелкая, и только кое где* рыба повелась более удачно. Впрочем, более сложные мероприятия м.б. и дадут рыбе более благоприятные условия жизни. Зато в море рыбы очень много и притом лучших видов. Знаменита соловецкая сельдь, много наваги, треска и другие. По берегам ползает (именно ползает, а не плавает) камбала, но мелкая; во время отлива, как я слышал, ее собирают на покинутом водою дне. Много разных моллюсков. Раковины, мелкие морские крабы, морские ежи, морские звезды водятся у берегов в изобилии. Это объясняется теплотой воды Белого моря (вследствие отрога Гольфштрема), обилием водорослей и плоскостью берегов. Конец бумаге. Крепко целую тебя, дорогой.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с агитационным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 11.04.35; Москва – 13.04.35.

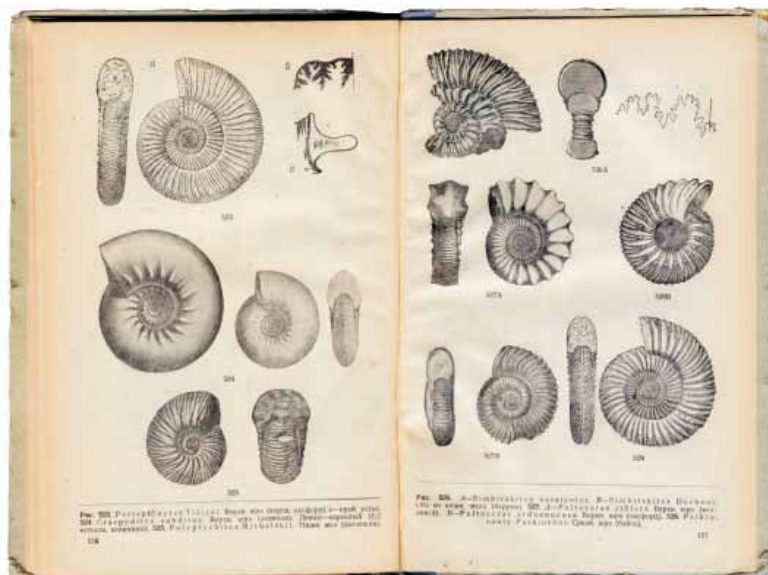
Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого пер. и Новоконюшенной, д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «П.А.Флоренский. I-я колонна, Иодпром*. Список № 1. Дополнительное 1-е».

Письмо на двойном листе (353×220 мм) нелинованной пожелтевшей бумаге. Чернила синие.

1. Из письма Р.Н.Литвинова: «Работы так много, что даже страдает самым решительным образом чтение английских романов. <...> Дня и вечера как будто не хватает. <...> Даже письмо тебе сел писать в такое неприличное время, что не хочется смотреть на часы. Действительно, стрелки указывают третий час, а публика еще не спит. Кто пишет, кто возится с химическими реактивами...» (13 марта 1935 г.).

Аммониты.
Иллюстрации
из книги
Д.И.Иловайского
«Руководство
по палеозоологии
беспозвоночных»

2. Б.А.Невенгловский родился в Париже, где его отец находился в изгнании после польской революции 1831 г., окончил Ecole Normale Supérieure, был инспектором школ по Парижскому школьному округу. Болеслав Невенгловский автор учебника по аналитической геометрии: *Géométrie analytique*. Vol. 3. Paris, 1894–1896.

3. Маннит – высший шестиатомный спирт, белое кристаллическое вещество, сладкое на вкус. В природе встречается в экссудатах листьев ряда растений (платан, ясень), в лишайнике *Aspicilia esculenta* (как эти экссудаты, так и катышки лишайника носят названия манны), а также в бурых водорослях, из которых добывается в промышленных масштабах наряду с добычей из древесины указанных древесных пород и отходов с/х производств. Применяется в фармацевтической и пищевой промышленности, при производстве ПАВ (поверхностно-активных веществ), смол, лаков и т.д.

4. Альгиновая кислота – гелеобразователь полисахаридной природы. Используется в пищевой, фармацевтической и др. областях.

5. К.П.Флоренский занимался разборкой рукописей своего учителя профессора Д.И.Иловайского. Он обработал собранные под руководством профессора материалы и опубликовал книгу: *Иловайский Д.И., Флоренский К.П.* Верхнеурские аммониты бассейна реки Урала Илека // *Материалы к изучению геологического строения СССР* / Ред. А.Л.Яншин / Бюллетень МОИП. Нов. сер. Вып. 1(5). М., 1941.

6. *Иловайский Д.И.* Руководство по палеозоологии беспозвоночных. В 2 ч. Ч. 1: Москва–Ленинград–Новосибирск. М., 1934; Ч. 2: Москва–Грозный–Ленинград–Новосибирск. М., 1934.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

17 марта 1935 г.

Соловки

Милая и дорогая Вита,

Сегодня считаю необходимым Тебе написать и послать из нашего недостижимого острова письмо. Сегодня же перечитал все Ваши письма, которых за это время образовалась целая пачка. Оригинальное, но, оказалось, приятное занятие. Некоторая иллюзия как бы совместного общения с Вами и на довольно большой промежуток времени. Правда, есть в этом и неблагодарная сторона, как-то где-то защемило, но думаю, что удастся скоро заснуть, а вместе с этим и заснут эти ощущения. <...> Да, Ты права, время – великий фактор в жизни. Досадно только, что у него одно лишь наступательное свойство и отсутствует поворотное, повторяемость. А может быть, в этом его вся философская мудрость и величие. <...> У меня еще нет весеннего перелома, как у Вас, так как у нас переходы эти осуществляются весьма медлительными темпами, как, пожалуй, и все прочее. Правда, на еще в основном зимнем фоне начинают понемногу пошаливать проблески весенних лучей, но из весьма, по-видимому, отдаленных пространств и в полной своей мощи они не скоро еще докатятся до нас. <...>

Второй день мне по линии общественности пришлось возиться с проработкой рыбной проблемы на Соловках. Правильно руководство лагеря выдвигает эту проблему. На Соловках у нас несколько сотен озер, самых живописных. Я не видел такого частого нагромождения озер на такой сравнительно небольшой площади. Но, странно, рыба в них какая-то рыхлая, переродившаяся, щуки, налимы, окуни и т.д. сами по себе прожившие положенный им век, а тем не менее величиною в подавляющей своей части 15–20 см. И воды много, и воздух чистый, и климат мягкий, и звезды ярко блестят, а тем не менее им чего-то не хватает, надо думать, что что-то тормозит их развитие и угнетает их.

Полагаю, что Ты правильно поступила, удержав нашего молодого специалиста от восточной ориентации на время. Вижу, что Москва у Вас уже за короткий промежуток времени от отмены хлебных карточек прослыла блинами. Чудесно. Не за-

Николай Брянцев в химической лаборатории. Новосибирск, 1930-е гг. Архив семьи Брянцевых

будьте и за мою долю, по крайней мере, в этом получу некоторое масленичное удовлетворение, иллюзионного свойства. Мой кот волнуется, забывает, каналья, что живет на территории Филипповского скита и, не смотря на мои увещания, не хочет уgomониться. <...> Волнуют все время Твои сообщения, что признаков жизни не подают ни мама, ни Оля. Целую Тебя крепко, крепко. Также моего Коташу и Капочку. Целую Дагочку.

Ваш [Н.Брянцев]

Н.Я.Брянцев – Н.Н.Брянцеву

20 марта 1935 г.

Соловки

Милый мой Коташа,

Письмо Твое получил. Очень большое удовольствие получил от Твоей карточки. Хотя и так я Тебя совершенно ясно вижу перед глазами, но тем не менее карточка восполняет умозрение. Прикрепил ее у своего рабочего стола в лаборатории, и Ты таким образом все время со мною в работе. Пришли мне еще мамочку и Капочку. Кстати, как Твои фотографические успехи, не забросил ли? Из Твоей заметки вижу, что Ты как зав. лабораторией горячо взялся за разрешение актуальных вопросов своего производства и, в частности, за рафинирование [нрзб.] фосфора и достигаешь в этом успехов. Очень рад. Твое рвение выливается в полемическую даже форму и в строках чувствуется возмущение к легковесному подходу к делу. Вероятно, не легковесное отношение причиною неполадок, а сложность вопроса, разрешенного лишь вчерне, недостаточно даже проэкспериментированного, не говоря о том, что мало освоенного. С другой стороны, договоры дают и заставляют Твоих институтских коллег выносить в производственную обстановку вопрос, который не отшлифован в лабораторных условиях. Далее нужно особенно напирать на исходные материалы – сырье и вспомогательные продукты, достаточно ли они стандартны, однородны и требуемой¹ кондицией качества. Тебе как заву с этой стороны следует проявить особое внимание и разработать тех-

¹ Так в тексте. Вероятно, *требуемого*.

нические условия для оценки перерабатываемого сырья. Нужно путем несложных методов сразу давать характеристику их. При этих условиях станут сразу ясными все недочеты продукции, и они подскажут, зависят ли от сырья или от процесса. Во всяком случае, приятно видеть в лице своего сына уже коллегу, являющемся¹ зав. лабораторией на материке, в то время как отец – зав. лабораторией на острове. Не могу не коснуться вопроса чисто редакторского характера. Я понимаю, что Тебе, все время находящемуся в кипящем заводском котле, трудно задумываться над чеканкой стиля. Тем более опыт, по-видимому, нашей совместной работы по составлению записок был недостаточен. Но и редактор Ваш тоже обуреваем темпами и не имеет возможности, пользуясь редакторским правом, помочь в этом деле. Советую избегать длинных фраз с бесконечными предложениями. Это сейчас отжило даже у немцев, которые отличались в этом отношении. И они перешли на возможно короткие предложения. Но ничего не дается без практики, а потому продолжай дальше участвовать в прессе и постепенно дело будет прогрессировать. Не смущайся, и со мною так было в период первых своих выступлений на литературном поприще.

Очень доволен, что Вы, в том числе и мамочка, развлекаетесь как можете, в том числе волной танцев. Отчего это у Вас все затанцевали, даже Твои солидные приятели, живущие на окраине. Говорят, это хорошо действует на пищеваренье. В связи с отменой карточек может быть и это крайне необходимое следствие. Я потому доволен, что уже больно серьезное, не по летам, голубчик, выражение Твоего лица. Не нужно так глубоко задумываться над мировыми проблемами химических превращений, тем более сейчас усиленно культивирует наука физико-химические. Это все же не так глубоко. <...>

Думаю, что от поездок на длительный период в провинцию следует воздержаться Тебе, так как я все думаю, что основную ориентацию следует держать на освоение, в той или иной форме, вуза. Нужно не забывать, что жизни волна захлестнет и очень трудно выбираться на более спокойные ее колебания. Целую Тебя крепко, крепко, мой дорогой и горячо любимый Коташа. Привет.

[Н.Брянцев]

¹ Так в тексте. Вероятно, являющегося.

Фото Г.В.Смирнова
2008 г.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

22 марта 1935 г.

Соловки

Милая и дорогая Вита,

Вижу, что у Вас всю весна, и даже с мимозами. У нас пока еще зима, правда, в стадии борьбы за свое существование, но борьбы безнадежной. Мы ожидаем в этом году ранней весны-лета. Предсказывают метеорологи, что снег сойдет к 5–6 мая и с 10-го м.б. откроется навигация. Не знаю, наступят ли, в связи с этим резким изменением, какие-либо изменения в моем личном положении, но думаю, что на скромное хотя бы требование получить свидание должны быть некоторые шансы. Поэтому скоро Тебе надо возбуждать хлопоты у Вас в Москве в первую очередь для разрешения этой проблемы. Вижу также, что факты – это суровая действительность, в конечном итоге выработали у Тебя скромные желания – видеть меня где-нибудь у Хибин, еще ближе к Полярному кругу, лишь бы не на острове, и получить возможность хотя бы изредка, и то изда-лека, меня видеть. Скромно.

К докторам я за ненадобностью не обращаюсь. Насчет заказа для посылки, я не прочь полакомиться свининкой, которую мне

сулишь прислать. Был бы очень доволен, если это не сильно обременит Вас и Ваши возможности, получить пару ботинок, но не желтые туфли. Мне придется, как только снег сойдет, часто прогуливаться по нашим соловецким почвам, решил развернуть наконец серьезную научно-исследовательскую работу по болотам и торфяным почвам. Вопрос совершенно не изучен. Большая работа проведена [на] Соловках по освоению болот. Нужно отметить, что получаются прекрасные результаты: хорошие урожаи снимаются по репе, турнепсу, картошке, луку. Хорошие травы в виде овса с викой. Но все это делается сугубо экспериментально, без надлежащей обоснованности этих мероприятий, лишь глазком практика-агронома. А отсюда масса недоумений и неожиданностей. Главное, что сам вопрос о почвоведении торфов, оказывается, еле-еле затронут нашей наукой. По крайней мере, в миниатюре, лишь общие, мало говорящие места.

Сколотился хороший и высококвалифицированный актив и, надеюсь, дело пойдет. В лице нашего Соловецкого руководства я встречаю поддержку, что очень облегчает задачу. Я это пишу, чтобы убедить Тебя в том, что мне нужны не туфли, да еще желтые, а простые, руб. за 15 ботинки с двумя парами шнурков. Далее хорошо бы иметь штаны и куртку, хотя бы какую-либо толстовку. Это меня бы совершенно устроило.

Видишь, я менее скромен, чем Ты, и такие большие требования предъявляю к Вам. Насчет того, чтобы я занялся, как Ты мне советуешь, литературой и в пример ставишь Станиславского¹, то, несмотря на всю расположенность к Тебе и испытанные отношения, тем не менее я должен Тебя огорчить, что советом этим мне не придется воспользоваться. Советую и Тебе этого не делать.

Дорогая моя, я весьма удовлетворен и испытываю громадное нравственное успокоение, что Вы втроем хорошо уживаетесь и дружно живете, и что Капочка прилась ко двору. В особенности я должен, не могу иначе, чтобы не отметить сердечность, порядочность, разумность моего Коташи. Недаром он составлял, составляет и будет составлять все, что есть лучшего у меня. На фоне же настоящего это особенно резко и рельефно я чувствую. Един-

Отъезд на зарубежные гастроли. Слева направо: М.П.Лилина, И.К.Алексеев, К.С.Станиславский. 1922 г.

Николай Иванович
Ежов, генеральный
комиссар ГБ.
1937 г.

ственной моей мечтой является, чтобы ему удалось получить высшее образование. Это при его способностях оказало бы ему неоценимую услугу. Поэтому все Ваши жизненные шаги, я бы хотел, чтобы они предпринимались со строгим координированием с этой стороны дела. Рассчитываю, что Капочка в достижении этой цели предпримет все находящиеся в ее власти женские чары. Из Твоих же влияний на Вашу совместную жизнь я усматриваю то, что, как говорят, требуется. И это быть иначе не может. <...> Целую Тебя, Коташу и Капочку. Напиши Дагочке, что я очень рад ее успехам.

Ваш [Н.Брянцев]

1. Упоминание о Станиславском – один из примеров разгаданного иносказания. Сам К.С.Станиславский репрессиям не подвергался (30 августа 1919 г. был арестован Московской ЧК по подозрению в принадлежности к кадетскому заговору, но после обращения мхатовцев к Ф.Э.Дзержинскому вечером отпущен домой). И.В.Сталин понимал, что К.С.Станиславский всемирно известный режиссер, что его книги – «Моя жизнь в искусстве», «Работа актера над собой» – необыкновенно популярны на всей планете. Сталин и Станиславский состояли в переписке, и Станиславскому даже разрешали выезжать за границу. Однако в 1930-е гг. были арестованы, а затем, несмотря на многочисленные обращения Станиславского и к Сталину, и к Ежову, и к Бубнову, и к Вышинскому, – расстреляны его племянник, жена племянника и ее сестра.

Говоря о литературных занятиях К.С.Станиславского, Н.Я.Брянцев намекает на бесполезность обращений с просьбой о пересмотре дел заключенных.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

23 марта 1935 г.

О. Соловки

Милая Пси! Как мне не хватает тебя! В сущности, прошел целый год с тех пор, как мы вычеркнуты из списков супружеского состояния. Жизнь моя течет сравнительно со всеми пройденными стадиями – ул. Воробьева¹, этапы, Кемь, Морсплав – течет совершенно благополучно во всех отношени-

Андрей Януарьевич
Вышинский,
генеральный
прокурор СССР.
1930-е гг.

ях: приятная местность, приятный дом, работа, товарищи, уклад жизни, совпадающий по суточному распределению с домашним, книги – все это <...> меня должно было бы вполне удовлетворять. Мой эгоизм, конечно, заставил бы меня забыть все касающееся других и жить новой жизнью, закрывая глаза, вернее, отворачиваясь с надлежащим тактом от неприятного и двигаясь по приятным линиям, если бы не оказалось, что «эго» уже вмещает в себе как неразрывное от него некую старушку и Гада. Поэтому все, что напоминает о них, приводит меня в единственное возможное для меня волнение. Я и беспокоюсь и радуюсь, вообще пе-

реживаю все возможные эмоции главным образом только тогда, когда что-нибудь напоминает о вас.

Факт получения посылки <...> был очень приятен. Нужно сказать, что, конечно, ее не следовало посылать. Жиров у меня почти целая банка, а сахар еще оставался. Я писал тебе, что ничего не нужно, но, получив посылку, я не разгневался на непокорную жену (как следовало бы), а был чрезвычайно обрадован и тем, что получил посылку, и тем, что печенье было особенно вкусным, и тем, что сахар оказался очень кстати, так как его оставалось не так уже и много. А главное все-таки было то, что ты ее посылала. Она казалась как будто чем-то живым, несущей с собой домашнюю теплоту. Даже оболочка ее – старая, уже мертвая простыня – принесла с собой запах дома... В общем было возбуждено не так много мыслей, как чувств. Варя! Нет слов для выражения того, что я хотел бы тебе сказать, но думается, что ты понимаешь все.

В Нижнем, наверно, больше весны, чем тут, где холод ничтожный, но длинный. Как она отзывается на твоём настроении и здоровье? Как Гад? Как бабушка? Привет ей от меня. Большое утешение, что она с тобой. Колька, наверно, растет неприлично. Я все думаю, что в случае встречи мы друг друга не узнаем. Расскажи ему, что у нас очень интересно. Что в разных местах стоят пушки, которым по 200 лет, а в музее есть маленькая пушечка, которой можно играть. Надеюсь, что он не изменил своему прежнему увлечению пушками. Кажется, никаких других интересных для него сведений нет. Впрочем, несколько дней назад вороны чуть не заклевали какую-то белую птицу. Оказалось, что это первый раз с незапамятных времен сюда залетел буре-

вестник, океанская птица, называемая иногда менее поэтически глупышом. Его отбили от ворон и поселили в удобном помещении. Он может только летать и плавать, а ходить не умеет. По преданиям старых лет, он предвещает всякие бурные события. Жизнь моя течет спокойно. Работаю, редко хожу в Кремль, людей вижу мало, даже читать, в сущности, некогда. Книга растягивается на недели, что уже совсем необычайно. У нас все в порядке, в том числе, конечно, и здоровье. Чувствую себя очень хорошо, о чем слышу отчасти и от других, которые говорят, что я поправляюсь. Нельзя сказать, чтобы я потолстел, хотя, говоря сравнительно с осенью, без этого немного не обошлось. Конечно, лучше было бы немножко больше быть на воздухе, но пока что приходится передвигаться вне лаборатории не каждый день и то преимущественно по вечерам. Эпоха угнетающе коротких дней уже давно пройдена. Начинает темнеть около 7 часов. Раньше света было, в сущности, маловато, так что и днем приходилось работать при электричестве. Но это теперь пройдено и надолго. Мы вступаем в период более нормальных суток, а потом начнутся белые ночи. Говорят, что в июне солнце совсем почти не заходит, и бедные птицы поют круглые сутки.

Я уже писал тебе в прошлом письме, что в ларьке продавалась навага по 1 р. 50 к. кило, и что мы сильно воспользовались этим обстоятельством. Теперь ее можно купить, кажется, еще дешевле, но у нас держатся пока старые запасы. Мы дошли до такой роскоши, как пирог с навагой, что было достаточно вкусно. В отношении питания жаловаться не приходится. Хлеба хватает и даже остается, что является критерием достаточного питания. Обед едим из двух блюд – суп, иногда вегетарианский, иногда скоромный, а на второе каша или жареная с картошкой соленая и отмоченная рыба. Вместо классической воблы последний раз мы получили леща, а предпоследний – леща и пикшу (юная треска). Таким образом, у нас как в хорошем хозяйстве. Сначала съели что похуже, а потом принялись за лучшие продукты. То же самое с картошкой. Вначале, осенью, картошку давали сортов, которые не вынесли бы хранения. Поэтому было довольно много отходов. Теперь картошка стала лучше. Дают горох или чечевицу. Крупу почти исключительно ячменную, которая мне очень приятна, напоминая белорусские кушанья, где она играет видную роль. Вечером мы пьем чай с хлебом,

к которому в качестве украшения прибавляется иногда селедка, а иногда творог. Селедки мы потребляем не так и много – 700 гр., но селедка великолепная – беломорка, очень хороше-го засола. В марте выдали копченую, очень жирную и нежную. А ты знаешь, что я очень люблю жирных и сам с ними нежен.

В этом месяце я получил три дополнительных письма. К сожалению, список был вывешен так поздно, что я смог послать второе письмо только около 17 числа. <...> Я напишу завтра на-скоро письмо Любе. От нее я не имею никаких писем, так что начинаю за нее беспокоиться. <...> В первых своих письмах Любе я исчерпал всю географию и биографию, а теперь пря-мо затрудняюсь, не зная, о чем писать. Если будешь ей писать, то вкратце сообщи, что я жив, здоров и чувствую себя не худо. А то боюсь, что она в какой-то обиде на меня. На днях узнал, что деньги из Горьк[овского] ГПУ переведены на мой личный счет. Из них я смогу получать рублей по 7–8 в месяц, перево-дом на ларек. Денег 35 р., так что их хватит месяцев на 5. А что будет через 5 месяцев, никто не знает. Одно только достовер-но, а именно, что чудес не бывает. Но пройдя через одно чудо, как-то иногда ожидаешь и второго. Ну, целую тебя, моя люби-мая жена, целую тебя и Кольку и бабушку. Может быть когда-нибудь увидимся и поживем...

Пиши мне, Пси. Это самая большая радость – твои письма.

Р[оман]

1. В Горьком на ул. Воробьева (бывшей Малой Покровской, пе-реименованной в честь первого председателя нижегородской ЧК Я.З.Воробьева) в 1930-е гг. располагалась тюрьма НКВД, называемая в народе Воробьевкой, – внутренняя тюрьма для «врагов народа».

После возвращения городу исторического имени Нижний Новгород была переименована и улица, вновь ставшая Малой Покровской.

Ныне здесь находится здание управления ФСБ по Горьковской области.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

23 марта 1935 г.

О. Соловки

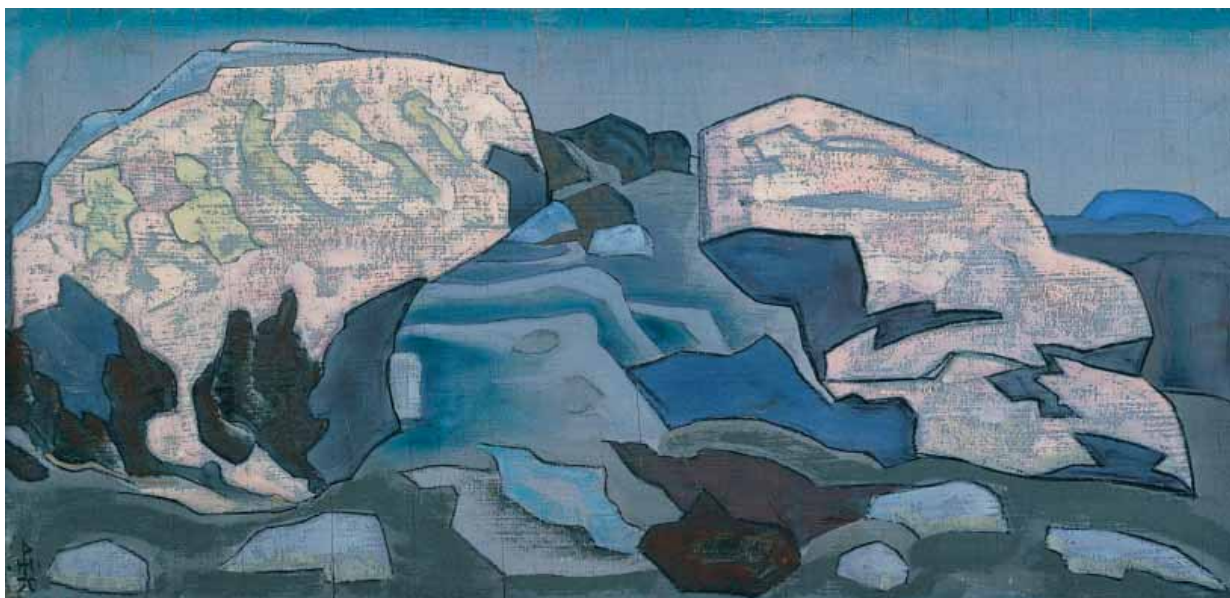
Милая Люба! Прошло очень много времени с тех пор, как я получал от тебя письма, так что я впал в некоторое безпо-

койство о тебе. Нужно сказать, что Варя в своих достаточно частых письмах постоянно упоминает о тебе, так что кое-какие известия я все-таки имею. Но неплохо было бы и первоисточнику написать пару строк. Это письмо мое является по счету третьим. В прошлом месяце я имел очень малый лимит – только два письма, так что израсходовал их на Варьку. Очень обидно, что имея такую хорошую жену, приходится о ней только вспоминать. Она терпеть не может писать, а я получаю писем 6 в месяц. Вообще она молодец. Хорошо, если бы ей не пришлось очень долго геройствовать. Я за нее очень боюсь в части здоровья. Конечно, о таких вещах лучше не думать, но иногда думается. Если бы не разлука с семьей (а я никогда не подозревал в себе таких семейственных добродетелей, которые я в себе обнаружил) и не опасения о тебе, то я бы чувствовал себя отлично. Не буду повторять описания обстановки, в которой я живу, потому что она не изменилась. Просуммирую сначала положительные слагаемые Соловков вообще.

Климат. За всю зиму было три морозных дня между 15–20°. Остальное время 5–6 мороза, западный ветер, много снега, иногда северные сияния.

Воздух. Великолепный, чистый, влажный морской ветер.

Н.К.Рерих. Скалы и утесы.
Из серии «Ладoga». 1918 г.
Музей им. Н.К.Рериха

Роман Николаевич и
Любовь Николаевна
Литвиновы.
Нижний Новгород.
Нач. 1930-х гг.
Архив семьи
Литвиновых

Лес. Правда он не такой, как в Лососне¹ или в Нижегородской губернии. Сосна, лет на двести, имеет в комле сантиметров 15–16 и высоту метров 8–9. Ели и березы тоже. Древесина мелкослойная, в силу ветрености климата слои закручены по спирали. Лес этот в эпоху лесозаготовок очень сильно разрежен, но все-таки остался. Теперь его тщательно охраняют и через него приходится идти <...> так как мы живем в бывшем скиту, на берегу одного из 490 здешних озер, в лесу.

Море. Если подняться на пригорок у нас на дворе, то видно море, угрюмое, с гранитными валунными мелкими островами, при виде которого вспоминается песня Варяжского гостя² и картины Рериха. Вообще, видимо, он был в этих местах, и они отразились на его картинах³.

Кремль. Ужасающее великолепие массивнейших стен, арок, переходов. Есть части более современных эпох, более аляповатые и безвкусные, есть совсем современные, в стиле вполне современном, тоже, пожалуй, по-своему великолепные, во всяком случае, еще резче подчеркивающие остатки древнего прошлого.

Музей. Редкое собрание икон самых разных эпох, некоторые из них очень хороши.

Библиотека. В ней я исчерпывающе изучил отдел английских книг, которых сотни полторы–две. Приближаясь к концу полки, я утешаюсь многими полками французской литературы.

Есть книги содержания и научного, но, к сожалению, в количестве, не достаточном для того, чтобы можно было бы сделать что-нибудь больше чтения их.

Работа. В нашей лаборатории мы взяли большую проблемную тему о комплексном использовании водорослей и занимаемся ею с утра до поздней ночи. Я занимаюсь в основном конструированием и постройкой лабораторной аппаратуры и электрохимическими процессами. Приходится все делать из ничего, что неприятно, но зато когда удается, то становится хорошо.

Общество. Я уже писал тебе о том, что я очень подружился с одним московским ученым⁴. Помнишь, может быть, как много лет тому назад, в Нижнем, я говорил тебе о том, что я не прочь был бы устроить его у себя на квартире, а ты сказала, что вряд ли он в этом нуждается, и что некоторым вещам и психологическим состояниям нельзя научить. Ну, относительно квартиры дело удалось, правда не так комфортабельно, как это можно было бы сделать в Нижнем, и живем мы с ним в одной комнате, но это делает разговоры более частыми и интересными. Действительно, это хорошая компенсация многих неприятностей. Он очень близко знал тех литературных светил, которыми мы в свое время увлекались, и рассказывает про них очень интересные подробности. Кроме этого, он часто говорит со мной на темы научные из области точной науки, в которой он глубоко разбирается, а иногда касается и не точной науки. В общем, это дает мне в отношении научного общения во много раз больше, чем я получил за все время работы в университете от своих сотоварищей. Когда-нибудь я тебе напишу самое интересное из того, что он рассказывал о московской группе писателей. В отношении поэзии наши вкусы совпадают абсолютно, хотя относительно Фета мы не сторговались. Он чувствует в нем струи, родственные по крови Гейне, чего я никогда не ощущал. Он крупный математик, и это я использую, посещая его лекции в кружке ИТР. Таким образом, ты видишь, что и в отношении компании тут неплохо.

С едой, одеждой, квартирой, отоплением, освещением (электричество) все благополучно. Во всяком случае, не будь семейства и Тары⁵, я бы чувствовал себя отлично в этом уютном и спокойном месте. Нужно сказать, что после всех при-

ключений в Горьком, сумасшедшего этапного петляния Нижний–Бологое–Полоцк–Витебск–Кемь–Морсплав–Соловки самое приятное – это, конечно, Соловки. Не знаю, можно ли питать надежды на близкое изменение состояния, но пока что из всех зол – Соловки являются, пожалуй, добром. Очень сочувствую тебе в отношении морозов. Еще больше в отношении диеты. Думаю, что в отношении работы наибольшее действие могли бы оказать как раз те органы, которые наблюдают за вами. По крайней мере, так мне говорил в ГПУ ПП с тремя ромбами⁶, т.е. лицо абсолютно авторитетное. Ну, до свидания, милая Люба. Пиши мне иногда. Все-таки какой-то призрак связи. Мы с тобой остались как будто одни из такой когда-то многолюдной жизни. Если ты поддерживаешь переписку с мос[ковскими] родными⁷, пошли им от меня привет.

Роман

Смотрел твой адрес – перечел декабрьское письмо. Мне ничего не надо. Спасибо за заботу.

Р[оман]

1. В Хронике (1794–1962) рода Литвиновых–Беклемишевых есть две записи: «В августе [1864 г.] куплена “Лососна”» и «Лососна сдана в аренду [1928 г.]», а между ними долгие 64 года, и почти каждый из них хранит память о дорогом месте. После 1928 г. упоминаний о Лососне нет.

Имение в Хронике называется по имени бывшего рядом селения Лососна, которое находилось в лесном краю на берегу р. Лососны, притоке Немана. Название и реке, и деревне дала рыба – в старых источниках и словарях записано название Лососня (от слова «лосось»).

По непроходимым лесам селились тут славяне, и в ряде мест вековые дубравы, корабельные сосны, величественные ели сохранились и поныне. Около трети всей белорусской земли и сейчас покрыто лесами, которые недаром в народе зовут пуцями. Около Гродно, например, шумят дубравы Гродненской пуци.

Ныне Лососна – пригород Гродно (Республика Беларусь).

2. Варяжский гость – действующее лицо оперы Н.А.Римского-Корсакова «Садко» (1898), поет песню о туманном и угрюмом крае варягов.

3. Из письма Р.Н.Литвинова: «Пейзаж суровый – гранит, мох, ели, березы и кое-где сосны. Суровый, но красивый» (31 июля 1934 г.). Н.К.Рерих неоднократно бывал на севере. В 1899 г. он прошел по Великому водному пути «из варяг в греки», увидел Ладогу, озеро Ильмень, Волхов. В 1907 г. побывал в Хельсинки, Турку и др. городах Финляндии, а в декабре 1916 г. поселился в Сортавале и провел в Приладожье более

двух лет. Художника привлекала первозданная красота ладожского побережья, сосны, растущие на голых скалах, острова в частоколе каменных копий... Здесь он создал около двухсот картин и этюдов («Варяжское море» (1910), «Седая Финляндия» (1907), «Тулола. Камни» (1918), «Скалы» (1917) и др.), здесь им были написаны произведения разных литературных жанров.

4. Р.Н.Литвинов говорит о П.А.Флоренском. В мае 1928 г. Павел Александрович был арестован и приговорен к высылке на три года; в июне выслан, по его выбору, в Нижний Новгород.

5. Р.Н.Литвинов с детства был привязан к младшей сестре и очень переживал арест и ссылку Любови Николаевны, понимая, что холодные края могут повредить ее слабому здоровью.

6. Знаки различия, носимые сотрудниками ГПУ в петлицах, указывали на уровень занимаемой ими должности. При повышении или понижении работника в должности автоматически менялось число ромбов или квадратов на его петлицах. Например, в 1934–1935 гг. у начальников ОО и КРО ГПУ центра было 4 ромба, у начальника ОО округа и помощника начальника ОО или КРО ГПУ центра – 3 ромба и т.д. (приказ

П.А.Флоренский

во время ссылки
в Нижний Новгород.

Лето 1928 г.

Фото С.А.Голованенко.

Архив семьи

Флоренских

ОГПУ № 1037 от 3 февраля 1934 г.) (*Куликов В.* ГПУ–ОГПУ, 1922–1934 // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 36–41).

7. Речь идет о семье двоюродного брата Р.Н. и Л.Н. Литвиновых В.Н.Беклемишева.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

5 апреля 1935 г.

О. Соловки

Милая и хорошая моя Варенька. Каждый раз, садясь писать тебе, я задумываюсь о странности судьбы. Вот как будто бы все сравнительно благополучно. Живу хорошо в скиту, в лесу, в хорошем доме с лабораторией, приличная библиотека, вполне удовлетворительная компания, сколько угодно приятных упражнений, вроде колки дров (занятие, мною монополизированное). И в то же время сплошное беспокойство о вас. Ты пишешь – не вспоминать. А что тогда остается? Оказывается, что, в сущности, единственно нужное – это ты с Гадом. Больше об этом и не надо говорить, так как ты понимаешь это не хуже меня. Как бы то ни было – четыре года были, несомненно, мои, и, конечно, это были лучшие мои годы. Жизнь идет по разным руслам, и никто не знает, что будет. Может быть и хорошо.

Ну, а теперь о событиях. Самое важное – это то, что я получил аэропосылку, о чем я уже тебе писал. Но так как письма приходят иногда непоследовательно, то на случай того, что это письмо придет раньше мартовских, я вкратце повторяю писанное в прошлом письме. Все дошло совершенно благополучно. Между прочими событиями навертывается вероятность покупки брюк (если они есть, и притом нужных размеров). Нашу лабораторию премировали промтоварами. Деньги у меня на «личном счете» есть в достаточном количестве. Сейчас я хожу в казенных ватных 1-го срока, т.е. совершенно новых. Месяца через полтора–два нужно будет или получать летние, или заводить свои. Цена суконных брюк – 20 руб., так что я считаю, что купить их имеет смысл. С едой обстоит благополучно; да, кажется, и со всем остальным. Здоровье в хорошем состоянии, да так и следовало бы ожидать при нашем санаторном режиме. Природа и воздух тут первоклассные. В бане, где

человечество обнажено до конца, тела здоровые, без лишнего, правда, жира, но и тощих не заметно. Сам я определенно потолстел, в особенности сравнивая с концом лета. Нервы мои никогда не были слабым местом, хотя, видимо, и сдали после приключений прошлого года¹, но теперь, видимо, пришли в совершенно нормальное состояние. Смешно сказать, но годам к 20 я считал себя неврастеником. Причины были: неохота к труду и невозможность рано заснуть (потому что и тогда я любил ложиться спать поздно). <...> Нужно сказать, что твое мнение о том, что я, как говорится, сваял дурака, справедливо только отчасти. В этом я убедился из разговоров с опытными людьми. Чему быть – то неизбежно. Во всяком случае, предопределение было несомненным. <...>

В прошлом месяце я написал тебе 3 письма, а Любе одно. От тебя получил три письма с описанием покражи у соседей и три без, причем порядок получения был перепутан. От Любы не получил ничего. Несмотря на скромное количество посланных мною писем (за все время), я как будто бы пришел к концу клетчатой бумаги. Остался один лист на второе письмо, а дальше придется браться за книгу. С конвертами тут благополучно: можно покупать в ларьке, а с бумагой много хуже. Хорошо, что у меня есть такой резерв.

Теперь маленькая просьба. В числе немецких книг у меня была книга Ферстера «Электрохимия», которая, если не ошибусь, пишется по-немецки так: Förster, Elektrochemie der Wässerigen Lösungen. Эту книжку можно послать заказной бандеролью сюда. Она может оказаться очень полезной для работы тут, а там она, пожалуй, устарела. Наша работа двигается вперед. Понемногу картина проясняется, и очень большую помощь оказали присланные тобой материалы. Таким образом, если будет разрешена водорослевая проблема, то какому-нибудь хорошему продукту нужно будет дать имя «Варварин» или что-нибудь в этом роде. У нас начинается весна, притом в самом неблагоприятном стиле. Началась оттепель с туманом и дождем. Лесные дороги скользки до безобразия, особенно для поставленных на резиновые подметки сапог. Сейчас поздняя ночь – мы работаем очень поздно и слышно, как ветер – морской гость воет в проходах. Если темпы удержатся, то навигации можно ждать в начале или во всяком случае [в] первой половине мая. Что у вас

Замерзшее море
у соловецких берегов.
Фото Г.В.Смирнова.
2006 г.

нового? Нет ли каких-нибудь осложнений? Как растёт Колька? <...> Мне все-таки было бы очень интересно получить фотокарточку с моими Гадами. Не знаю, годится ли твоя примета для меня. Уж такого количества твоих карточек, как у меня, верно, ни у кого больше не было. Я с большим удовольствием сейчас вспомнил процесс фотографирования. Было очень хорошо. Кажется, Таня занята фотоманией. Брянцев все о ней вспоминает и интересуется, как она поживает. Как будто когда-то у них было что-то вроде намека на флирт. Почему-то он вспоминает о своих флиртах с удовольствием, а я наоборот. Приятные воспоминания связаны только с Пси.

У нас тут новости. Вчера продавали в театральном буфете булки, но так как я не театрал, то булки не купил. Вообще, как это ни странно, в ларьке появилось больше товаров, но как-то не хочется покупать то, что свободно покупается. А в отношении еды дела обстоят настолько благополучно, что даже как-то и неинтересно покупать съедобное. Жирами ты снабдила меня в избытке. Поскольку нет неперменной уверенности в том, что

Полынья.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

эти запасы украдут, а даже, наоборот, на это почти нет шансов, то я ем масло и сало только когда следует. Масло с кашей, горохом или чечевицей к обеду, а сало вечером с хлебом, когда нет селедки или творога. Компания у нас дружная, ссор нет и живем хорошо. Считается, что я не храплю, потому что присяжный храпун – это наш главный повар, который разделяет такие рулады, что описать никак нельзя. Но я, в сущности, слышу его только изредка, потому что стоит мне положить голову на подушку, подумать о старухе, как я теряю сознание до утра. Если, конечно, не будет гидравлических причин, так как пьем чаю мы много, а вода тут очень мягкая и плохо удерживается в организме. Английские романы все прочитаны. Взял пока английские стихи, а с будущей недели выберу французскую книгу. Или, может быть, на каком-нибудь другом языке. Кто это с Колькой говорит на иностранном языке и он знает иностранные слова?

Ну, пока, до следующего письма. Крепко тебя целую, дорогая. Поцелуй Кольку и бабушку. Привет родным. Будь бодр. Англичане говорят: всегда хвост кверху! Что-то мне кажется, что мы с тобой еще увидимся раньше девяти лет. Увидим. Пиши мне. Это самое пока что важное в нашей жизни, на нашем острове. Целую еще раз.

Р[оман]

1. Арест, скорый суд и отправка на Соловки.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, А.М.Флоренской,
детям Василию, Кириллу

6–13 апреля 1935 г.

Соловки

1935.IV.6–7. Соловки. № 15. Дорогая мамочка, только что вернулся с заседания, на котором наша «водорослевая бригада» делала отчетный доклад по работе за истекший месяц. За чаем сообразил о наступающем, точнее уже наступившем, т.к. сейчас 2-й час ночи, дне твоего рождения. Поздравляю тебя, хотя и с опозданием. Давно думал об этом дне, но мне все казалось, что он еще далек, и наступил неожиданно. Время за работой идет так быстро, что неделя мелькает за неделей и, когда наступает выходной день, кажется, будто прошлый выходной был только вчера. Все дни похожи один на другой и различаются лишь содержанием проделанной работы да получением писем от вас.

Окрестности Батума.
Почтовая карточка.
1910-е гг.

IV.12. Не дописывал это письмо, т.к. не было списка с разрешением на дополнительные письма, а, с другой стороны, все ждал известий от вас. Но теперь список уже объявлен, а ждать с письмом не приходится, т.к. при задержке оно может совсем

№. 19 Окрест. Батума.

Стоянка „Ханъ“ у Артвинского моста.

застрять. Безпокоюсь о том, как ты живешь и как твое здоровье. Сегодня мы угорели, болит голова, и я вспоминаю детство – у меня всегда болела голова, когда мы жили в Батуме, и я не знал, что делать от головной боли. Потом это совсем прошло и я вообще не знал, что такое головная боль, кроме случаев угара. При случае спроси у Оли страницу, написанную мною на БАМе с описанием Батума – там изображены мои детские впечатления, навсегда закрепившиеся в памяти¹. Ни одно место

Кучер Е.П.Мелик-Бегляровой с Раисой, Андриком, Шурой и Ольгой Флоренскими Батум. Ок. 1904 г. Архив семьи Флоренских

Мост через Аджарис-
Цхали во время
строительства,
которое вел
А.И.Флоренский.
Открытка. 1900-е гг.

не оставило во мне столько теплых воспоминаний, как Батум, старый Батум 80-х годов, когда он был еще неустроенным и жалким. Теперешний Батум, под Ниццу, уже потерял свой аромат и своеобразие, да и море далеко ушло от бульвара. Хорошо помню, как старик Ахмет² переносил меня через речку, как собирал я ягоды салсапарели. Ясно помню, до полной отчетливости, как папа насаждал сад в Аджарисхали при инженерной сторожке. Помню ковры фиалок и цикламенов, которые я собирал до изнеможения. Помню запах папортников*, мне всегда очень нравившийся. Помню громадные букеты азалий и рододендронов, которые мы вставляли вместо фонарей в фонарные гнезда фаэтона. Помню болотные незабудки, которые брались с корнями, а потом раскладывались дома на блюдах с водою. Лет 6 тому назад я был в Аджарисхали и почти не узнал его. Это обстроенный поселок, в котором очень мало поэзии. От сторожки остались одни развалины. Сад заглох и попросту не существует. Мальчики, кажется, не получили от Аджарисхали никакого впечатления, а Васюшку я едва уговорил сняться на приступках сторожки, бывшей когда-то предметом моих мечтаний. Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничто не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то,

хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не навеки распрощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают так же. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустою.

Тифлис совсем не оставил во мне радостных впечатлений. После батумской природы он казался мне безжизненным, жара меня угнетала и обезсиливала. Когда я, несколько лет тому назад, снова попал в Тифлис, и притом в самое пекло, я был крайне удивлен, насколько он приятнее того, что я думал о нем в детстве, а картины природы, например к Черепашьему озеру, показались величественными и очень живописными. Мы ходили тогда на Черепашье озеро с Георгием. Кстати, напиши, как живет Лиля со всем своим потомством и что делает Георгий. Ботанический сад, правда совсем переустроенный, увеличенный и разросшийся, стал очень интересным и живописным. Но, пожалуй, особенно живо вспоминается мне наша квартира на склоне Давидовской горы. Ясно вижу столбы деревянные, источенные червями, вспоминается точилицик ножей, меня очень напугавший, вспоминается,

Вторая мужская
гимназия в
Тифлисе, где учился
П.А.Флоренский.
Открытка. 1910-е гг.

Георгий Григорьевич
Кониев.
Портрет работы
О.А.Троицкой. 1912 г.
Архив семьи
Флоренских

как прививали оспу Люсе и мне, как тете Соне делали операцию ноги и выносили таз с окровавленной водою. Впрочем, оспу прививали тогда, очевидно, весьма основательно, т.к. следы прививки до сих пор сохраняются у меня на левой руке. Помню и то, как родилась Люся и как папа показывал ее мне в первый раз. Гимназия, в целом, не оставила во мне никаких радостных воспоминаний, она мне казалась чистою потерей драгоценного времени, элементарною и скучною, хотя конечно я многим ей обязан. Но, оглядываясь назад, скажу, что не хотел бы снова пережить ее: единственное содержание за это время было, когда я оставался сам с собою, в природе или за физическими приборами. Целую тебя крепко, моя дорогая мамочка, береги себя и будь здорова.

Гора за ботаническим садом в Тифлисе. Фото гимназиста Павла Флоренского. 1897 г. Архив семьи Флоренских

Дорогой Васюшка, наконец-то получил от тебя письмо. Ты правильно пишешь о происхождении многих минералов при температурах вовсе не таких высоких, как это принималось раньше. Однако надо думать, что и принимаемые в настоящее время температуры их образования будут еще снижены, за счет давлений и длительности образования. Два примера тут особенно поучительны. Один – образование кристаллов кварца со включениями нефти, которые привез Кирилл: можно быть уверенным, что они возникли при температуре не выше 150–200°. Другой пример – слюды. Вероятно ты знаешь о получении синтетического мусковита из геля – смеси гидрата окиси алюминия и кремнекислоты, с небольшими добавками растворимых солей калия и др. Сообщение об этом синтезе было напечатано в «Die Naturwissenschaften»¹ за 1932 г. Синтез произведен в водной среде при температурах порядка, если не ошибаюсь, 150–200°, но под большим давлением, из водной среды. В свое время я предпринимал шаги к повторению этого синтеза и намеревался разработать условия получения крупных кристаллов мусковита. Припоминается еще пример, из моих работ: графит из мариупольских гнейсов обнаруживает своеобразные дифракционные круги на лауэграм-

¹ Природа (нем.).

ме, отсутствующие в лауэграммах других подобных же графитов. Но после прогрева мариупольского графита до примерно 100° с чем-то эти круги исчезают и лауэграмма мариупольского графита ничем не отличается от лауэграмм прочих, с того же размера кристаллами. А это значит, что данный графит, как и все гнейсообразующие минералы, возникшие при его образовании или метаморфизировавшиеся, при процессе образования гнейса и далее не претерпевали нагрева свыше, примерно, 100° (не помню точно числа, но порядок его верен). Итак слюды гнейса образования гидро-пиззо*-термального, но не магматического. Но, далее, чем по существу отличается гранит от

Е.А.Кониева,
Кирилл Флоренский,
Ольга Кониева,
Г.Г.Кониев.
Фото П.А.Флоренского.
Лето 1925 г.
Архив семьи Флоренских

Загорск,
ул. Петропавловская, д. 43.
Домик в «три окошечка»,
где П.А.Флоренский
жил в 1909–1911 гг.
Перед домом старший
правнук П.А.Флоренского
Вася Флоренский.
Фото П.В.Флоренского.
Лето 1971 г.

гнейса? Только неупорядоченной текстурой слюдяных пластинок и других неравноосных кристалликов. Следовательно, отличие генезиса его от генезиса гнейсов надо искать в различии давлений, а не в чем-либо ином: на гнейс действовало одностороннее давление, а на гранит – всестороннее. Это возможно в том случае, если образующая гнейсы материнская масса была не жидкой, а пластической полутвердой, тогда как для гранита предполагается состояние материнской массы более близкой к жидкому, – хотя оно вовсе не должно было быть непременно жидким в собственном смысле слова. Поэтому следует думать, что температуры образования гранитов действительно выше, чем гнейсов, но нет надобности считать ее весьма высокою, м.б. это несколько сот градусов. Ведь речь идет не о плавке гранита, уже сформировавшегося, а о некотором сжижении водной массы, вероятно с большим содержанием минеральных коллоидов, весьма пластичной, жидкопластичной, вроде кала либо грязи. Вернер, живший в начале XIX в. и в свое время жестоко обличаемый Л. ф. Бухом, оказывается в XX в. более правым, чем его слишком горячий противник.

IV.9. Идет весна, снег тает, вероятно скоро, на днях прекратится аэропланное сообщение с материком и не будет

Вася Флоренский.
Сергиев Посад.
Фото А.П.Платонова.
1912 г.
Архив семьи
Флоренских

в течение месяца, б.м., налажено пароходное. Поэтому писем от меня долго не будет, скажи об этом маме. Отчасти в связи с этим хочу тебе написать, чтобы ты помнил: знай, что я душою всегда с тобой и считаю тебя частью себя самого; поэтому что бы ты ни делал, не считай себя виноватым передо мною и помни, что я от тебя никогда и ни за что не отойду, хотя бы тебе казалось обратное. Хоть с этой стороны будь спокоен, мой милый. Меня часто угнетает мысль, что в детстве я стеснял тебя и причинял огорчения, хотя и хотел для тебя только хорошего. Вспоминается, как мы жили на квартире у Озеровых в Загорске³. Ты приходил ко мне в кабинет, снимал с полки все книги, которые мог достать, и строил дом из них, а мне хотелось

приучить тебя уважать книгу и я сердился. И еще: помнишь, был толстый греческий словарь в красном переплете. Корешок его был с одной стороны оторван, ты приходил и начинал раскачивать этот корешок, который почему-то тебя очень занимал. А я боялся, что ты его оторвешь совсем, с казенной книги, запрещал тебе возиться с ним. Так жалко теперь, что мешал тебе пользоваться тем немногим, что было

Дом Озеровых в Загорске на Садово-Штатной улице, куда П.А.Флоренский переехал после женитьбы.

На крыльце – старший правнук П.А.Флоренского

Вася Флоренский.

Фото П.В.Флоренского.

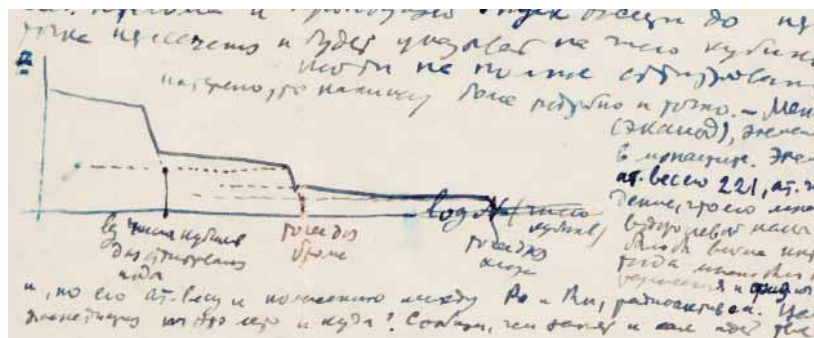
Лето 1971 г.

доступно. А теперь рад бы отдать все, что было и что есть, лишь бы доставить немного радости, но время прошло и возможности нет.

Дорогой Кирилл, что-то давно ты не пишешь, а я скучаю и без вас и без писем. Очень беспокойно на душе за вас всех, все время думается, так что и работа из за* этого идет не так, как могла бы итти*. М.б. ты не пишешь, потому что не знаешь, как ответить на химические вопросы. Но ведь я задавал их больше для тебя, чем для себя, просто чтобы ты подумал и научился чему нибудь* новому из анализа. Подобных вопросов бесконечно много и не старайся отвечать на [них] во что бы то ни стало. Для определения иода* мы теперь уже почти подработали потенциометрический способ, который дает хорошие результаты, а также электротитрование с азотнокислым серебром. Потенциометрический способ состоит в измерении при помощи потенциометра электродвижущей силы гальванической пары с двумя серебрянными* электродами, один из которых заключен в трубочку с 0,01N азотнокисл. серебром, отделенную в суженном* конце от среды пробкой из агар-агара, сваренного на 0,01N азотнокислом калие*. Другой электрод опускается в испытуемый раствор. Для большей безопасности полуэлемента, т.е. первого электрода, можно, но не обязательно, погружать его в особую баночку с 0,01N азотнокислым калием, из которой идет сифонная трубка, залитая агар-агаром, сваренным на 0,01N аз.-кисл. калие*. Конец этого сифона («ключ») погружается в испытуемый раствор. Простая струна длиной в 1 м и нормальный элемент, который можно сделать самому, позволяют, при наличии чувствит. нулевого инструмента, напр. милливольтметра или капиллярного электрометра, измерять электродвижущую силу такой системы с точностью до тысячных вольт или даже до $0,5 \cdot 10^{-3}$ V. Если же удвоить длину струны, то измерение будет с точностью до $0,25 \cdot 10^{-3}$ V. Концентрация ионов иода* в растворе определяется по формуле, линейно связывающей логарифм концентрации с электродвижущей силой и с температурой. Присутствие хлора и иода*, даже в больших количествах, не мешает определению иода*. Я сообщу тебе формулу, по которой ты можешь построить себе номограмму. Она такова:

Рисунок из письма
П.А.Флоренского
от 6–13 апреля 1935 г.
Архив семьи Флоренских

$$\log_{10} C_i = \frac{10^3 E_j + 0,35406t - 812,28}{0,20336t + 80,82},$$

где C_i концентрация ионов иода*, измеренная в молях, E_j электродвижущая сила пары в вольтах, t температура в градусах Цельсия. Эта формула найдена по непосредственным опытным данным. Строить номограмму надо в полулогарифмических координатах (на оси абсцисс однородный масштаб, E_j , а на оси ординат логарифмический). Тогда получится семейство *прямых*, которые можешь строить по двум точкам для каждой температуры. А можно поступить и иначе, это будет сложнее, но точнее. Установив систему так же, как и в пред. случае, измеряешь электродвижущую силу и титруешь 0,01N аз.-кисл. серебром, нанося при этом точки на заранее заготовленную сетку, где по оси абсцисс отложены логарифмы числа кубиков. Кривая будет опускаться – сперва быстро, затем течет почти горизонтально, потом снова быстро, потом снова горизонтально и т.д. Концы спусков определяют, сколько кубиков серебра пошло на оттитрование иода*, затем брома, затем хлора. Для более точного определения надо нанести горизонталь по наиболее ближайшей низкой точке след. перелома и предыдущий пуск довести до пересечения с этою горизонтальною. Точка пересечения и будет указывать на число кубиков серебра, которое должно было бы пойти на полное оттитрование данного галоида. Если тебе это интересно, то напишу более подробно и точно.

Меня очень занимает последнее время аламбаний⁴ (экаиод*), элемент, предсказанный Кендаллем и в 1931 г. открытый в монаците. Элемент этот – ближайший аналог иода*, высший галоид, ат. вес его 221, ат. число 85, t плавл. 230°, уд. в. 8. Во мне живет убеждение, что его можно добыть из остатков иодной*

промышленности, из водорослевой массы после выделения из нее иода*, брома и хлора. Это было бы весьма интересно и практически и теоретически, тем более, что тогда можно было бы яснее установить закономерности потенциалов разложения и физич. свойств. Аламбаний должен быть близок к металлам и, по его ат. весу и положению между Po и Rn , радиоактивен. Целую тебя, дорогой. Намечается ли какая-ниб. экспедиция на это лето и куда? Сообщи, чем занят и как идет твое учение. Разобрался ли в сочинениях Д.И.?

№ 15. 1935.IV.12. Дорогая Аннуля, давно не получаю от тебя известий. Вероятно на ближайших днях сообщение прекратится и неизвестно, когда возстановится*. Очень беспокоюсь, вижу тяжелые сны, которые еще более настраивают на грустное состояние. Весна идет тут толчками, сегодня, например, снова пошел снег, но в общем на дворе тепло, недалеко от таяния снега. Иногда выпадают и дожди. Мне говорили, что в Кремль начали прилетать чайки, пока их прилетело, дня 2–3 тому назад, 15. Я сижу почти сплошь в лаборатории, лишь раз в 7-мидневку хожу на лекции. Сейчас дороги стали неважные, т.к. снег рыхлый и сырой. Если бы было суше, то ходил бы дышать на воздух, а при такой сырости, в соединении с обилием работы, не хочется. Кроме текущей работы по водорослям и по иоду* приходится готовить материал к выставке, на 1-е мая⁵. Сочиняю диаграммы плакатного характера, стараюсь насытить их возможно большим содержанием, но сохранить при этом их удобочитаемость и художественную композицию. Рисует эти диаграммы один художник, а я, сочинив диаграмму, стою над его душою и указываю, как и куда что поместить. Так вычертили диаграмму круговорота иода*. Теперь рисуется диаграмма круговорота азота, главн. образом с точки зрения агрономической. Тут изображены разные виды почвенных разрезов, в связи с содержанием в этих почвах азота, растения – в соответствии с количеством азота, поглощаемым ими из почвы, бактерии, участвующие в связывании атмосферного азота и в той или другой переработке азотных соединений в другие виды (обращение атмосферн. азота в аммиак, разложение белков до аммиака, окисление аммиака в азотистую, а затем в азотную кислоту, разложение азотной кислоты до сво-

бодного азота). Затем изображены виды азотных удобрений, получаемых от различных естественных процессов (навоз, компосты, селитра и т.д.) и искусственно – химич. синтезом. Далее, составил диаграмму использования местного сфагнового торфа, пускаю в ход свои прежние работы по гальванич. элементам, пластич. массам, синтетическим смолам, воскам, и т.д. На днях будем изображать все это на большой таблице. Далее предстоит такая же диаграмма по использованию водорослей. Но, несмотря на постоянную занятость, не оставляет тревожная мысль о вас, моих дорогих, и даже работа не отвлекает от нее. С водорослями дело, как будто, налаживается неплохо. Сегодня делал подсчеты, в первом приближении, сколько места и энергии надо для добычи иода, оказывается, что результаты подсчета вполне приемлемы.

Кажется, писал тебе, но напишу еще раз относительно Тикюльки. Постарайся успокоить ее насчет ее учения. Во первых*, она несомненно делает большие успехи в письме, что видно из ее писем. Во вторых*, я не сомневаюсь, она выровняется в свое время. А в третьих*, и это главное, постарайся, чтобы ее детство было хоть сколько-нибудь радостным и ясным. Понимаю, что это сделать очень трудно тебе, но все таки* постарайся, пусть у нее останется, чем вспомнить детские годы. Рассказывай* ей, что придется, это даст ей и развитие и интерес. Радость жизни дают не большие дела, т.е. кажущиеся большими большим, а удачно найденные пустяки – бумажка часто радует более дра-

Скульптор
 Анна Семеновна
 Голубкина
 в своей мастерской.
 1920-е гг.

гоценностей, и неудобство, но поэтичное, приятнее больших удобств. Пусть же девочка пользуется, чем можно, если только можно. Скажи ей, что папа очень любит ее и все время думает о ней и что ему очень тяжело видеть свое бессилие и неспособность дать ей маленькую радость.

1935.IV.13. Надеялся, что сегодня, после выходного дня, получу от тебя письмо, но мне ничего не принесли. Сегодня, как и вчера, утром шел снег. Сейчас сижу с художником – даю ему [у]казания, как расцвечивать диаграммы, и вспоминаю Анну Семеновну Голубкину⁶. Скольких уж

на своем веку я потерял – родных, близких, знакомых. Мне жаль, и было и есть, что дети мало восприняли крупных людей, с которыми я был связан, и [не] научились от них тому, что обогатило бы лучше книг. Вот почему я писал, чтобы Вася и Кира постарались научиться чему-нибудь от Вл. Ив., т.к. такой опыт в жизни едва ли повторится. Но нужно уметь брать от людей то, что в них есть и что они могут дать, и уметь не требовать от них того, чего в них нет и чего дать они не могут. Боюсь, что дети часто подходят к людям как раз наоборот и потому получают мало, или ничего не остается от общения. Это особенно у Васюшки. При случае постарайся узнать, напечатан ли перевод книги об изоляционных материалов¹, который я в свое время редактировал⁷. Писем от П.Н. я не получал, хотя и писал ему как-то, уже давно. Если будет возможность, узнай, как он живет и как работает. Очень хочется мне узнать о вас, жду каждый день известий, хотя и сознаю, что они мало имеют цены, так как приходят с опозданием. Скажи Оле, Мике и Тике, что напишу им в следующий раз. Но я не знаю даже, интересно ли то, что я пишу им, действительно же интересного писать не приходится. Все ли в письмах разбираешь? Только вы, мои дорогие, представляетесь мне близкими отсюда, а все остальное – бесконечно далеким и, признаться, совсем умершим, каким-то почти ненужным. В частности, о ВЭИ я вспоминаю так смутно, словно видел его во сне, и притом вовсе не весело. Замечательно, что даже фамилий большинства сотрудников, ловлю себя на этом, никак не могу припомнить, а о многих и просто не помню, что они существовали. Крепко целую тебя, дорогая, и всех вас, кланяюсь бабушке и всем. Пишите, если есть малейшая возможность. Еще раз целую тебя. Поцелуй Тику, Мика и Олю. Уходят, надо сдавать письмо, да и места уже нет.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с пропагандистским текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 25.05.35; Москва – 28.05.35.

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого пер. и Новоколюшениной, д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Список № 1, Д. 1».

¹ Так в тексте. Вероятно, *материалах*.

Письмо на двойном листе (355×224 мм) нелинованной желтевшей бумаги. Чернила синие.

1. О детстве П.А.Флоренский написал в 1920-х гг. воспоминания; о детских впечатлениях упоминается и в ряде писем из Сквородино и Соловков. Материалы эти собраны и изданы: *Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание*. М.: Московский рабочий, 1992; *Pawel Florenski. Meinen Kindern. Erinnerungen am eine Jugend im Kaukasus / Deutsch von Fritz und Sieglende Mierau*. Stuttgart Urachhaus, 1993.

2. Аджарец Ахмет в 1890-е гг. был сторожем в Аджарис-Цхали – первой станции строившейся отцом П.А.Флоренского Батумо-Ахалцихской шоссейной дороги.

3. У Озеровых на Штатной улице (ныне ул. Академика Фаворского) в Сергиевом Посаде Флоренский жил в 1911–1915 гг. до покупки дома на Дворянской (ныне Пионерской).

4. Правильно – алабамий. В более поздних (через год) письмах П.А.Флоренский так и пишет (см. письмо от 31 мая – 5 июня 1936 г.).

Алабамий (после 1947 – астат) – галоген № 85. Его существование предсказал (1898) Д.И.Менделеев, который назвал этот элемент экайодом.

Профессор П.А.Флоренский среди сотрудников созданного им отдела технического материаловедения ВЭИ в помещении на Покровке (Москва). Слева направо сидят: С.П.Раевский, М.П.Введенская, А.Н.Блаженова, П.А.Флоренский, Ц.Ц.Меньщиков; стоят: В.М.Гиацинтов, А.И.Попов, М.П.Мантров, М.В.Воропанов, Н.Д.Нюберг, А.С.Славатинский, И.Н.Сухинин. Фото С.П.Раевского. 1929 г. Архив семьи Флоренских

Владимир
Францевич Эрн.
Бюст работы
А.С.Голубкиной.
Гипс. 1910-е гг.
Собрание семьи
Флоренских
(Сергиев Посад)

Начались активные поиски экайода в природе. Его пытались, подобно йоду, искать в морских водорослях, рассолах и т.п. Вплоть до 1943 г. в периодической печати неоднократно появлялись сообщения об открытии этого галогена, которые не подтверждались. В 1914 г. Э.Кендалл выделил из продуктов жизнедеятельности щитовидной железы йодсодержащий гормон тироксин, концентрация йода в котором составила 65,2% (возможно, в сообщении об этом Кендалл лишь подтвердил предсказание существования экайода). В 1931 г. химики Политехнического института штата Алабама (США) во главе с Ф.Аллисоном сообщили, что ими из монацитового песка выделен продукт, в котором содержится около 0,000 002 грамма одного из соединений элемента № 85. В честь своего штата они назвали его «алабамий». Это название фигурировало в учебниках и справочниках по химии до 1947 г.

Однако вскоре после этого сообщения у нескольких ученых возникли сомнения в достоверности открытия Аллисона, и оно не было при-

знано. Исследования продолжались, и наконец в 1940 г. на циклотроне Калифорнийского университета был получен один из радиоактивных изотопов элемента № 85. Элемент № 85 назван астатом (Astatium) в 1947 г. в статье авторов открытия (Nature, 159, 24, 1947).

Астат (*греч.* αἰτάτωζ – неустойчивый) – один из наименее распространенных элементов на нашей планете. Не имеет стабильных изотопов, а период полураспада его самого долгоживущего радиоактивного изотопа составляет 8,3 час.

5. Об этом же сообщал и Р.Н.Литвинов: «Тут идет подготовка к майским праздникам, и мы тоже готовим отчетные диаграммы и плакаты к выставке, которая тут является большим событием» (12 апреля 1935 г.).

6. Скульптор А.С.Голубкина была знакома с П.А.Флоренским по ВХУТЕМАСу. Гипсовый бюст В.Ф.Эрна ее работы хранится в доме П.А.Флоренского в Сергиевом Посаде.

7. *Штегер Г.* Технология электроизолирующих материалов / Пер. под ред. и с дополн. П.А.Флоренского. М.–Л.: Госэнергоиздат, 1934.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

12 апреля 1935 г.

О. Соловки

Милая и любимая! Опять весна и опять нерадостная. У нас тут то оттепель, то снова снег и туман. Это как-то понижает настроение. Начинаешь думать – нет писем от тебя, и не случилось ли чего-нибудь, и что вообще может случиться. Воздушное сообщение продержится, должно быть, еще с неделю, а там настанет мертвый промежуток до навигации. Только сегодня узнал, что в этом месяце я могу послать три дополнительных письма. Поэтому тороплюсь сообщить существенные подробности своей жизни, с тем чтобы письмо дошло еще по воздуху. <...> Промежутки между получением письма и ответом на него так велики, что, вероятно, уже многое забывается и кажется, что письмо написано как бы безтолково. А память, это как раз тот пункт, на который все жалуются. С одной стороны, это, пожалуй, хорошо, потому что забываются неприятные и бесполезные вещи, но, с другой, забывается и очень нужное.

Итак, что произошло нового? Ровно столько же, как и в промежутке между прошлым и позапрошлым письмом, т.е. ничего. Живем в том же доме, те же люди, делаем ту же работу, иногда ходим в Кремль, приносим оттуда изредка газеты,

покупаем в ларьке по карточке продукты, ездим за продуктами в каптерку, иногда слушаем доклады, иногда сами их делаем, рассуждаем о планах развития промышленности на Соловках, вспоминаем о прошлом и никогда не говорим о будущем. О семьях разговоров не бывает, хотя каждый много о ней думает. У заведующего на столе портрет сына. Неважная фотография¹, но он страшно гордится ей и сыном. Конечно, и я много вспоминаю – какое нехорошее слово – о вас и о тебе, в частности. Иногда – не очень часто, а так, скажем, раз в неделю или около этого, ты и приснишься. Но сны какие-то неплотные, так и чувствуешь, что это именно сон, а не настоящее.

С питанием дела обстоят вполне прилично, так что о еде, в сущности, и не думаешь. Хлеб остается. Вначале, пока я был в сторожах, а это было с 13 по 28 августа, было голодно, а тут совершенно достаточно. Крупы, которые ты послала, почти полностью хранятся в аналое, в котором я держу обиходные вещи. Раз, кажется, варили пшено, израсходовали вермишель и гречневую крупу. А все остальное хранится про черный день, а может быть, и не на черный, а на праздник.

Выходные дни тут знаменуются театром. Я был раза два в театре, но нашел, что никаких преимуществ театр соловецкий перед горьковским не имеет, и что ходить в него нет удовольствия. Поэтому в выходные дни мы сидим дома – кроме зава, который любит, и притом не так театр, как публику. А так как ходить кроме Кремля некуда (дороги засыпаны снегом), то сидим дома и тоже работаем в лаборатории. Я собрал очень приличную электрохимическую установку, имеющую даже изящный вид и по точности и чувствительности равную приборам, имеющимся в «настоящих» лабораториях. Преимущество нашей установки заключается в том, что знаешь ее во всех мельчайших деталях, со всеми достоинствами и недостатками. Сидишь, работаешь, а время идет незаметно. Только в выходной день охаеть – как, опять выходной! Потом приходится к месяцу приставлять новую палочку и писать, что будет опять перерыв в письмах, по случаю открытия навигации. Зима фактически еще есть, но видно, что она прогнила насквозь и что настоящей жизни в ней нет. О ней ничего плохого сказать нельзя. За всю зиму я два раза надевал заслуженное серое пальто, а так проходил в куртке. Дома у нас было все время тепло.

Ледяное безмолвие.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

Неприятностей никаких не было. За этот период я успел прочесть все наличные английские романы и перешел на чтение английских стихов. Все время я собирался прочитать (я говорю о свободном прошлом) Шекспира и Шелли. Шекспира я два раза прочел на М.Покровке², а Шелли читаю тут. Хорошо было бы, выполнив план чтения классиков, вернуться к нормальной жизни!

Боюсь, Варенька, что мои письма очень однообразны. В сущности, каждое из них могло бы быть сформулировано очень коротко: я жив, здоров, новостей нет и очень люблю тебя и Кольку. Но как-то жаль посылать письмо, не используя всей законной площади. А так как жизнь однообразна, то приходится писать и письма однообразные, как наша жизнь тут. Нужно сказать, чтобы быть точным, что, конечно, мне очень повезло в том отношении, что я почти сразу попал в лабораторию. Могло быть гораздо хуже. А тут я, по крайней мере, не дисквалифицируюсь полностью, скорее наоборот, пополняю тот пробел,

который у меня был, а именно отвычка от экспериментальной работы. Очень трудно думать о будущем. Логически если думать, то ничего особенно хорошего не придумаешь, а не логически думать как-то неприлично. Поэтому я как-то молчаливо предполагаю, что все устроится как-то само собой, просто с течением времени, без особых потрясений. Конечно, я стараюсь, чтобы наша работа дала самые ценные результаты, но это может удасться, а может и не удасться. Но, с другой стороны, конечно, нельзя было сказать, чтобы я был абсолютно бесполезным и легко заменимым на своем месте в Институте. Это не помешало моей поездке на архипелаг в Белом море, так что факт моей полезности тут никак не является достаточным основанием для моего возвращения. Поэтому нужно полагать, что все как-то устроится достаточно благополучным образом. Когда – это вопрос, и очень существенный, потому что приходится считать годами. А пока – приходится пользоваться теми невинными радостями, которыми можно, например, добиваться отчетливости и точности в колке дров, о чем я уже писал тебе неоднократно.

Тут идет подготовка к майским праздникам, и мы тоже готовим отчетные диаграммы и плакаты к выставке, которая тут является большим событием. После этих событий – следующим будет открытие навигации и сопряженные с ней так называемые чемоданные настроения. Но я ничего не жду от парходов, и, сказать откровенно, больше всего меня волнуют мысли о том, что делается у вас и с вами. Думаю, что это ясно и тебе. Как только перебой в письмах, настроение понемногу начинает падать. А так как письма поступают партиями, то обыкновенно эпоха падающих настроений является общей для многих и друг друга в этом настроении публика поддерживает. Не знаю, какие в Горьком настроения. По правде сказать, насколько мне был приятен Нижний – настолько неприятен его преемник. Иногда я представляю себе, как и что там делается – и мне становится как-то холодно. Пес с ним! Институт меня очень мало интересует. Публика институтская тоже в очень малой степени. <...> Я занимаюсь электрохимией и <...> удалось наткнуться на любопытные отклонения от общепринятых законов и использовать их для целей анализа. Что-то из этого выйдет? Обыкновенно в этих работах пользуются ком-

натной температурой, а мы взяли от 0 до 60° и получили вместо кривой – пучок кривых, превратили их в прямые и нашли очень любопытный закон, указаний на который в той литературе, которая у нас, нет. К слову сказать, если ты не получила 1-го апрельского письма, то я просил выслать мне заказной бандеролью (а не посылкой) книгу Förster, Elektrochemie d[er] Wässerigen Lösungen³, если, конечно, ее не слишком трудно найти. Она была в моем шкафу, в сером переплете.

Ну, теперь осталось место только для приветов. Целуй Кольку и бабушку. Расскажи Кольке, что к нам прилетели чайки – большие, раза в два больше волжских, и что их пока что гоняют вороны. Но скоро прилетят новые чайки и выгонят ворон, и до осени вороны скроются. И что в нашем стаде есть замечательный черный бык, который возит из леса дрова и им никто не управляет, который знает, куда и как что везти. Что на острове есть мальчишки, но только очень мало. И что я очень люблю моего мальчика и его маму. И чтобы он поцеловал маму Варю от моего имени. И слушался ее. Целую.

Р[оман]

1. Заведующий – Н.Я.Брянцев. На его рабочем столе стояла фотография сына (см. письмо Н.Я.Брянцева от 20 марта 1935 г.).

2. См. комм. № 1 к письму Р.Н.Литвинова от 23 марта 1935 г.

3. *Förster F.* Elektrochemie der Wässerigen Lösungen, III Aufl. (Leipzig), 1922 (*Фёрстер Ф.* Электрохимия водных растворов. Вып. 3. (Лейпциг), 1922).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

12 апреля 1935 г.

Соловки

Дорогая и милая Вита,

Начинают появляться и у нас признаки весны, но еще кругом снег. Правда, зима постепенно сдает, под влиянием солнечных лучей толща снега начинает понемногу сдавать. На днях прилетели в качестве первых разведчиков-квартирьеро-в две чайки. Эти две чайки прежде всего осмотрели оставленные ими гнезда, в которых оказались непрошенные гости – вороны. Обычно последние занимают на зиму чаячьи гнезда.

Началось выкуривание жильцов, без ордера занявших жилища. На днях ждем прилета чак. Пока еще над Кремлем хозяйничают вороны, но это до прилета чак. В связи с наступлением весны готовлюсь к переключению работы химлаборатории на разрешение сельскохозяйственных проблем. За зиму проделана у нас весьма ценная работа по выяснению химического состава торфяных болотистых почв Соловков. Нами установлено, что соловецкие торфяные болота, являющиеся почвой, представляют в подавляющей своей части очень молодого возраста образования с сохранившейся еще структурой материнского исходного вещества. Далее, будучи образованы в условиях окруженных¹ большими просторами моря, они очень мало содержат в себе посторонних примесей и, в первую очередь, продуктов разрушения горных пород, в связи с движением ледников, а также тех наносных минеральных образований,

Соловецкая весна.
Фото Г.В.Смирнова.

2006 г. I Так в тексте. Вероятно, *окружения*.

которые обычно на материке появляются в значительном количестве благодаря процессам выветривания. Ветер большую роль играет в деле переноса минеральных примесей из одного пространства в другое. Благодаря большой зоне морской значительная часть этих примесей оседала на поверхности моря и поглощалась последним. Следовательно, морская зона, окружающая Соловки, является своеобразным фильтром и, отсюда, воздух соловецкий отличается высокой чистотой. Он во многом по чистоте напоминает горный воздух, хотя бы для сравнения – кисловодский. Отсюда, соловецкие торфы весьма слабо минерализованы.

Далее, установлено нами, что соловецкие болотистые торфяные почвы, как и вообще торфы, богаты азотом. Если в хороших почвах, типа черноземов, содержание азота выражается около 0,2–0,3%, то в торфяных наших почвах азота содержится от 1 до 3%, что от 5 до 10 раз больше. Конечно, при таких условиях казалось бы, что растения, в частности посевы, должны вполне удовлетвориться теми ресурсами азота, которые таятся в почве, и не требуется вносить искусственных удобрений. На самом деле, как показали результаты посевов и опытов, без внесения искусственных удобрений по азоту ничего не получается. В чем же дело? При ближайшем исследовании оказалось, что весь азот находится в виде сложного органического соединения, то есть тот белок, в состав которого входит азот и который остался от скопления когда-то существовавшей растительности, еще не успел разложиться и продолжает оставаться в виде так наз. органического азота. А органический азот, как известно, недоступен растению. Последним необходим азот минеральный в виде солей азотной кислоты или аммиака. Отсюда и встает во весь рост задача найти пути использования скрытых ресурсов азота. Прделанная нами за зиму работа над торфами нас убедила, что одним химическим воздействием на торфяные болота ничего не достигнешь. Может оказаться, что те удобрения, которые вносятся в настоящее время, дают некоторый эффект, но не достаточный и, кроме того, не обогащают почву в требуемом направлении. Торфяные залежи являются как бы фильтром, пушистой подушкой, которую стараешься наполнить нужным веществом, а оно никак не удерживается в нем. Я пришел к глубокому убеждению, что наряду с хи-

мизацией наших почв необходимо серьезно заняться их структурой, в целях видоизменения физических свойств почвы. Это тем более необходимо, что сам процесс разложения органической составной массы торфов происходит весьма медленно. Этому мешает большое содержание влаги в наших почвах, до 90%, и конечно слабые температурные условия. Эти обстоятельства тормозят жизнедеятельность бактерий в почве, а они то и совершают в природе главную работу по разложению органики, по превращению азота из одного состояния в другое. Целая армия существует в почве бактерий, которые фиксируют, поглощают азот из воздуха, – это азотфиксаторы, другие бактерии, так наз. аммонификаторы, – это гнилостные бактерии, которые его превращают в аммиак, далее третья группа [бактерий] аммиак превращает в нитросоединения NO_2 , четвертая их окисляет до необходимой уже растениям стадии – до солей азотной кислоты N_2O_5 . Необходимо эту армию подземного пролетариата призвать к работе, полезной надземному пролетариату. А это требует видоизменения температурного режима, снижения влаж[ности] и внесения питательной среды – пищи. Это подтверждено нашими опытами. Мы взяли в чашки Петри¹ торфяную почву в разных вариантах. В одни образцы подбавили в качестве питательной среды на 100 гр. почвы один грамм [нрзб.] и наблюдали в разных условиях развитие бактериальной жизни, в частности и при более высокой температуре, около 35° в термостате. Оказалось, когда мы добавили пищи, подогрели, снизили % влажности, наши бактерии из сонного состояния быстро перешли в активное и заработали. Уже через неделю мы получили увеличение содержания аммиака в почве, что говорит о том, что часть органического азота наши бактерии перевели в азот минеральный. Таким образом можно заставить наши почвы стать более продуктивными. А это можно достичь только путем глубокого изменения физической структуры торфяной почвы. Может быть, нужно в почву нашу ежегодно вносить простой песок.

Я увлекся и заполнил свое письмо агрохимическими проблемами. Жду от Вас, мои дорогие, нового письма <...> Испытываю некоторое неудобство от того, что в прошлом году у меня сперли чемодан, так как в телогрейках немного жарко, а другого облачения у меня нет. Надеюсь, что или удастся

верхнюю блузу получить, или рассчитываю, что таковую получу от Вас в числе первых посылок. Через недели две приближается весенний первомайский праздник. Сердечно поздравляю Тебя, моя родная, Коташу, Капочку. <...> Чувствую из Твоих писем, что Тебя угнетают медленно или быстролетающие годы, не унывай, этот закон общий для всех и в особенности для соловчан, и для нас, быть может, в большей степени, чем для Вас. Не поможет даже торф, который, как известно, является сильнодействующим консервирующим средством, и даже сам характер Соловецкого архипелага, Белое море, изолирующее от Вас.

Сердечно Вас обнимаю, любящий Вас

[Н.Брянцев]

1. Чашка Петри – лабораторная химическая посуда.

Петри Юлиус Рихард, немецкий микробиолог. Член королевского министерства здравоохранения и руководитель одной из бактериологических лабораторий (1896), автор не менее восьми научных работ, выпущенных в 1876–1897 гг. Известен в истории прежде всего тем, что изобрел в 1877 г. лабораторную посуду, позже названную его именем.

Н.Я.Брянцев – сыну Николаю

12 апреля 1935 г.

Дорогой и родной Коташа,

Милый мой, Твоя карточка у меня все время перед глазами, на моем рабочем столе, за которым я провожу большую часть времени. Сейчас пишу, и, как опускаю перо в чернильницу, взгляд первым делом направляется на Тебя. Хочу сегодня поделиться с Тобой результатами работ по водорослям. Сейчас уже можно твердо сказать, что проблема комплексного использования составных частей водорослей разрешена. Причем разрешена оригинальным способом: при помощи электролиза удалось извлечь полностью из водорослей йод. Для этого оказалось достаточным напряжение около одного вольта. В качестве ванны служит консервная банка, которая является одновременно катодом, в качестве анода уголь, изъятый из гальванического элемента. С большим трудом настреляли измерительные приборы для точного из-

мерения электродвижущей силы и [нрзб.]. Выручил нас особенно пирометр, оказавшийся на электростанции для измерения температур в топке. Его приспособили для точного определения вольтажа, благо на нем шкала в милливольтгах. По мере того, как извлекается весь йод, замечается небольшой этап, когда вольтаж не изменяется, после него относительно резкий скачок и начинается выделение брома, после этого опять пауза, когда бром выделился, и новый скачок указывает на начало выделения хлора. Таким образом, в наших руках данные по регулировке процесса. Попробовали подсчитать, сколько энергии потребуется, чтобы переработать в год 25 тыс. тонн водорослей в год¹. Оказывается, что потребуется около 1 кВт мощности источник энергии, сушильные пустяки, и они нам дадут 12,5 тонн йода. Наряду с этим изучен метод химического разложения водорослей. Установлено, что наиболее целесообразно водоросли предварительно обрабатывать солянокислым раствором, концентрация HCl – 0,5%. При этом извлекается в раствор весь йод, маннит и особые слизевые образования, а также минеральные примеси. Далее оставшаяся не разрушенная часть водорослевой массы обрабатывается раствором Na₂CO₃ – 0,75% концентрации, в результате чего она разваривается. Содержащаяся в них альгиновая кислота в виде альгинатов переход[ит] в золевидное состояние, и их можно отфильтровать и отделить от клетчатки. Из золевидного раствора при помощи HCl – выделяется альгиновая кислота – гель. Таким образом, в наших руках ключи будущего метода. Главное, что результаты нами получены при крайне неблагоприятных условиях, отсутствии необходимых приборов и материалов. Тем ценнее результаты. Сейчас хочу заняться, чтобы к 1 мая сварить на наших альгинах мармелад и [нрзб.] и этим установить пригодность продукта для кондитерской промышленности и этим вышибить японский агар-агар.

Остается теперь всю работу уточнить, отшлифовать и выверить экспериментальным путем расходные коэффициенты. У нас создана специальная бригада по разработке комплексного метода, в этой бригаде я являюсь руководителем. Нами взято в качестве общественной нагрузки обязательство

¹ Повтор в тексте.

с 1 июля разработать метод комплексной переработки водорослей, для того чтобы приступить, на основании полученных данных, к составлению проекта завода. Это будет первый в СССР завод¹, который полностью использует все составные части водорослей. Конечно, это будет большим достижением на трудовом фронте. На основании принципов электрохимического разложения водорослей разработан нами метод электрохимического определения в водорослях йода. По показанию электродвижущей силы мы сразу определяем по шкале содержание йода. Отпадает всякая длительная процедура по сжиганию органики, выщелачиванию, эксплуатированию и т.д. Сейчас выдвигается нами новая проблема: использование залежей соловецкого торфа. Здесь уже затрагивается Твоя специальность, так как получим синтетические лаки путем обработки хлористым бензилом; далее намечаем получение активированного угля, из него электродов и, наконец, термоизоляционных изделий. Подробнее об этом, как вообще о торфе, напишу в следующем письме.

Как у Тебя идут дела? Не устает ли от езды в Кусково на завод² и обратно. Какие у Капы успехи по фокстроту. У Вас, кажется, в Москве сильно увлекаются фокстротом. <...> Целую Тебя, мой милый, также Капочку и мамочку. Когда будете снаряжать мне посылку, не забудьте папирос, надоела махорка.

Ваши [Н.Брянцев]

1. Первый в СССР завод по полной переработке водорослей – Йод-пром.

2. В 1880 г. вблизи села Кусково (с XVI в. и до 1917 г. владение графов Шереметевых) был устроен химический завод. Трудились на нем 15 человек, а территория завода была расположена в то время в живописной местности. Почти примыкая к нему, находился большой копаный пруд, сохранившийся до наших дней. Завод стал родоначальником промышленности пластмасс. Здесь в 1882 г. Д.И.Менделеев впервые осуществил метод непрерывной перегонки нефти на промышленной основе. Под руководством академика Н.Д.Зелинского на этом заводе было освоено производство искусственного бензина, получена синтетическая камфара, винилацетат, выпускались кремнийорганические соединения.

Ныне это Кусковский химический завод, при котором существует научно-исследовательский центр полимеров.

Отто Юльевич Шмидт.
Почтовая марка
из серии «Спасение
челюскинцев». 1935 г.
Худ. В.В.Завьялов

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

19 апреля 1935 г.

№ 51. <...> В прошлом письме я просил тебя прекратить всякие хлопоты обо мне. После всего, что произошло с Т. и О.Ю., после всех их заявлений стало ясно, что время правды еще не наступило. Я не сомневаюсь, что история вернет мне мое честное имя. Но до самого недавнего времени я не сомневался, что партия разберется быстро и легко, как только мое заявление попадет по адресу. Видимо, это не так.

<...> Меня последнее время премировали за работу правом купить в ларьке некоторые вещи – носки, носовые платки и перчатки. Право свое использовал на 3 р. 40 коп. Ты видишь, какие «большие» траты приходится делать, но заработка хватает, с текущего счета после первых 20 р. не брал. Там еще осталось 180 р. <...>

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

21–23 апреля 1935 г.

О. Соловки

Милая Варя. Большое спасибо за память и за письмо и за посылку, которые я получил благополучно. <...>

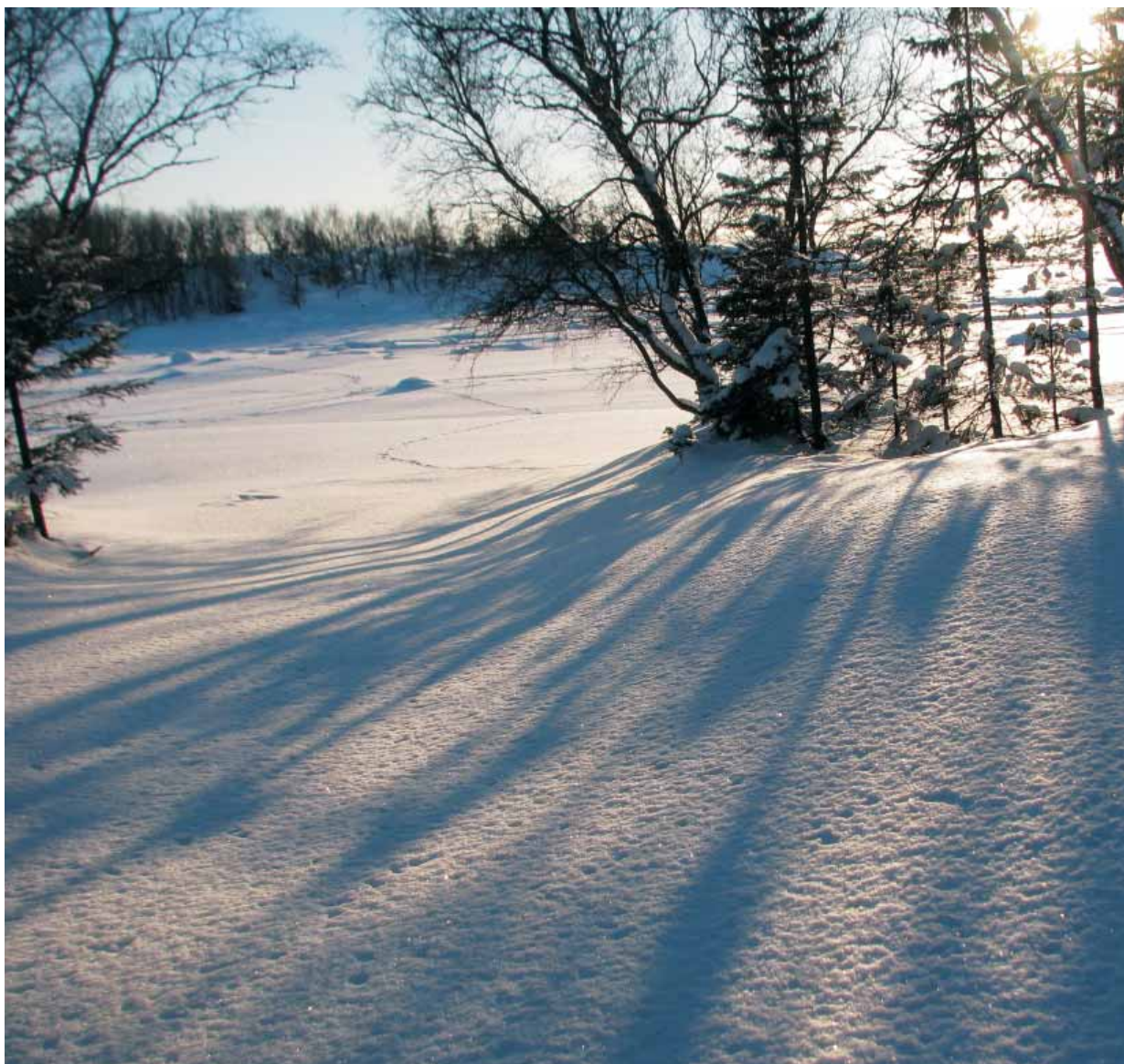
Новостей у меня как будто нет. Здоровье в исправности, живу и работаю там же, работы много, так что иной раз трудно найти время для письма, даже не знаю, успею ли сегодня кончить и отправить эту бумажку. Как видишь, я уже принялся за книгу, которую и взял, в сущности, как богатый бумажный запас. Погода у нас налаживается. Уже четвертый день солнце. Снега еще очень много, но на буграх и кое-где в лесу большие проталины. На воздухе совсем тепло. Лед на море разломало и куда-то унесло, но это не значит, что открылась навигация. В этом году ждут ранней навигации, около 10-х чисел мая. Весна тут какая-то безплотная. Воздух прозрачен, небо блеклое, облака какие-то полупросвечивающие, деревья бедные и [нрзб.] очень старые. Если пилить здешнюю ель, то оказывается, что древесина очень мелкая. В года три прибавится толщины на

миллиметр. Света все больше и больше. Темнеет часу в десятом и то ночь совсем не темная. Может быть, что когда сойдет снег, будет и потемнее, но к этому времени ночи еще убудет. Прилетели птицы разных видов, и лесное безмолвие все больше и больше нарушается птичьим голосом. Нигде не видел я таких важных и крупных и черно-синих воронов, как тут. И птицы и звери тут малопуганые. Третьего дня шел я в Кремль. У дороги, на крыше земляного погребца, лежал черно-бурый лис. Я сначала подумал, что это кот и хотел отвернуться, но потом, взглядевшись, увидел, что это лис. Подошел к нему на 3 шага, а он посмотрел на меня безстыжими глазами и отвернулся. Я попробовал с ним заговорить, но он, видимо, утратил ко мне всякий интерес и даже закрыл глаза, показывая, видимо, чтобы я не мешал ему спать. Пришлось уходить – делать нечего.

23.IV. Вчера получил два письма. Твою открытку, где ты пишешь о Колиной болезни, и письмо от Любы. Люба о себе, в сущности, пишет очень мало, но, во всяком случае, ясно, что она жива и как будто бы здорова. Очень я был огорчен болезнью Кольки. Как это противно – не быть в состоянии хоть чем-нибудь помочь тебе, хоть сказку рассказать больному мальчику, не принимать никакого участия в настоящей жизни, которая идет где-то и тоже не полная. Все-таки я раньше никогда не понимал полностью, что такое семья, пока не [об]завелся настоящей женой и сыном. Все полностью осозналось только теперь, когда настоящее стало нереальным, а то, что меня окружает, напоминает не совсем приятный сон, который кончится когда-то – а утро далеко. В твоей открытке ты пишешь о новостях, но когда я получу письмо с новостями – совершенно неопределенно. Письма двигаются по каким-то неведомым законам. Единственно, что определено, это то, что они двигаются очень медленно. Между письмом и ответом проходит приблизительно около месяца. Не знаю, доходят ли они все по адресу, но у меня накопилось уже много твоих писем – с толстую книжку. Я в последние месяцы, начиная примерно с октября–ноября, посылаю тебе не менее трех писем в месяц. Почти каждый месяц я имею 3 дополнительных письма, а с основным это выходит четыре. Из них я одно посылаю Любе, а остальные тебе. Таким образом, отправка письма производится примерно так.

Основное письмо уходит в первые числа месяца. Потом перерыв примерно до 15-х чисел, пока составляются списки на дополнительные письма. Сдачу писем нужно закончить до 25-го. Сколько времени письмо идет – это зависит от очень многих факторов. С каждым месяцем становится труднее писать письма, так как впечатлений новых, в сущности, нет, а то необыкновенное, что бросалось в глаза, становится привычным, и писать об этом нет смысла. Я на Острове «только»

Весеннее солнце.
Фото Г.В.Смирнова

9 месяцев, т.е. почти что новичок. Но местные аборигены, более приличного стажа, заготавливают письма впрок. Сядет и за один мах два, три письма. Они вылеживаются и своевременно отправляются. В сущности, меняются только времена года и погода, а все остальное как будто бы в состоянии перманентном. Мы тут, к счастью, изолированы от широких лагерных масс. Интересы наши заключаются в работе и отдыхе. Газеты к нам около трех месяцев совершенно не попадали, так что я от них вовсе отвык. С 1-го апреля мы стали получать «Правду», но времени и энергии почти не хватает на чтение. Наркотическое чтение – потому что английские романы действуют на меня как кокаин на наркомана, – по существу, окончено. Английская полка исчерпана, и приходится ее внимательно просматривать – не вернул ли кто-нибудь еще не читанную книжку. Но это меня сравнительно мало печалит. Эстетические мои потребности полностью удовлетворяются курсом высшей математики, который имеет место в Кремле через три дня в четвертый, и пейзажами. Разговоры наши очень редко касаются злободневных островных тем, как будто бы мы и не были островитянами. Разве что расскажут какой-нибудь местный анекдот или последнюю новость. Иногда – но это бывает, когда мы не очень устали, т.е. довольно редко, ночью, уже в постели (нельзя писать – в диванах, как это есть на самом деле) я с однокомнатником¹ некоторое время тихо беседуем. О чем угодно, начиная с философских и исторических тем, переходя то на поэзию и теорию стиха, то на термодинамику или органическую химию. Нужно сказать, что редко я встречал настолько образованного человека и в то же время такого глубокого. В то же время он очень беспомощен в таких простых делах, как, например, ну, забивка гвоздя, путается в арифметических действиях и к тому же бесконечно деликатен, так что даже когда делают глупости – он делает вид, что это, видимо, так и надо. В общем, все имеет свои компенсации. Для меня он большое утешение. Кажется, мое общество ему тоже не является неприятным. Он пишет домой очень мелким почерком, еще убористее моего, и так как у него семья большая, то письмо пишется с таким расчетом, чтобы его можно было бы разрезать на полосы и отдать каждую адресату. Так в невинных изобретениях

проходит понемногу время. А летит оно поразительно быстро, вероятно, оттого, что нет никаких вех для зацепления.

В прошлом письме ты спрашивала, не нужно ли мне денег. В настоящее время – нет. Если будет нужно – я знаю, кто мой единственный банкир – Пси. Стесняться я, конечно, не буду. По штату, в моем теперешнем положении я теоретически получаю 15 руб. премиального вознаграждения. По правилам я могу получить с «личного счета» 50% от этой суммы в месяц. На «личном счету» у меня 25 рублей. Было 35, но в прошлом месяце я взял 10 рублей на прокур. Без табака тут плохо и скучно, а норму $\frac{5}{8}$ фунта в месяц я очень успешно перевыполняю. Поэтому приходится прикупать и подполучать. К слову сказать, подсчитай, почем у вас в Горьком махорка, и если фунт выходит дешевле, чем папиросный табак, то если как-нибудь соберешься послать курева, то папиросный табак пришли в виде десерта, одну или две пачки. Но не знаю, какого сорта новости в Горьком, так что не знаю, стоит ли писать пожелания о том, чего бы мне хотелось получить.

У меня есть одно желание. Тут есть несколько хороших рисовальщиков². Если у тебя нет никаких примет относительно мужских изображений, то я, пожалуй, заказал бы свой портрет и отослал тебе. Во всяком случае, мне не хотелось бы огорчать тебя своим портретом. Один художник сделал портрет моего сожителя³ – очень удачно. Сейчас он приготавливает лак, чтобы зафиксировать карандаш, а я буду делать пульверизатор. Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидела меня таким, каким я сейчас на острове. Кто знает, что будет с нами через год? А теперь я совсем не похож на твоего мужа, который с боем стриг усы и с отчаянием ходил в парикмахерскую. Стрижка сопряжена с баней – а в баню ходишь с удовольствием. Голова под машинку – а бороды не бреют. Таким образом, я, естественно, изменил свой вид. Во всяком случае, напиши мне – рисоваться или нет.

Да, относительно бани. Какие замечательные картины можно наблюдать в ней. Море с кораблями, драконы, кресты, барышень в неглиже, звезды. И все это на плечах, спинах и грудях моющихся. Помнишь, поезд из Сочи и разговор о «наколках». Татуировка есть разных сортов. Грубая тюремная на уголовной публике – профессионалах, художественная японская на быв-

ших моряках и путешественниках и средних качеств на матросах. Один урка на этапе, очень противный, который ночью обворовал меня, говорил, что не пожалел бы ничего – только бы свести «наколку». Я его утешил, что она сойдет с него мгновенно и очень скоро, когда он сдохнет. Говорят, не знаю, насколько правильно, что на трупке татуировка моментально исчезает. В баню мы ходим очень аккуратно, раз в неделю. Помоешься, душ очень хороший, иногда постираешь немного, сменишь белье и марш домой за 2,5 километра. К сожалению, мои размеры иногда выкидывают неприятные шутики с бельем. Хотя заведующий бельем и очень внимательный кавказский человек, но иногда больших размеров нет налицо, и приходится ходить в короткой рубашке и, что еще неприятнее, в кальсонах вроде трусиков. Но чаще все-таки он подбирает самые крупные номера, и я одет внутри прилично. К тому же та же история произошла и с казенным верхним обмундированием. Брюки коротковаты, а рубашка совсем не лезет. Но я не теряю надежды ее все-таки обменять. Вот примерно проза и поэзия соловецких дней.

Писать о таких мелочах и не хочется. Очень хочется знать, что у вас делается. Особенно про Кольку. Тебе понятно, как я интересуюсь всем, что с ним и как. Жены здешних старожилов перешли на открытки. Нам как-то обидно не полностью использовать лист, а поэтому, если тебе некогда писать письмо, то набросай открытку и дай ее бабушке, пусть опустит. Но если есть время, то пиши и закрытки. Твои письма большая радость. Пожалуй, единственная тут. Ты представить не можешь, как самое трудное здесь не я, к которому относишься с надлежащим равнодушием, а свои, о которых находишься в состоянии хронической тревоги. Нужно сказать, что я, в сущности, нахожусь в исключительно удачных условиях и заботиться о себе в общем приходится очень мало. Обстановка у нас не тюремная, а, скорее студенческая. При других обстоятельствах это было бы даже приятно. Ну, целую мою любимую Ва.

Р[оман]

1. Р.Н.Литвинов говорит о П.А.Флоренском.

2. Среди расстрелянных соловчан художников более 10 человек. Кроме Д.И.Иванова и П.Н.Пакшина, портретировавших П.А.Флоренского,

можно назвать Н.П.Василевского, Г.А.Казьмина, А.А.Клинге, С.Н.Липина, Ж.И.Мельдера, В.И.Патуя, Ю.А.Решетникова (возможно, ему принадлежит выполненный маслом портрет Р.Н.Литвинова), С.С.Цейтлина, Н.Е.Шмони́на.

3. Подробнее о портрете П.А.Флоренского и его авторе см. комм. № 1 к письму П.А.Флоренского от 27 апреля – 13 мая 1935 г.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Ольге,
Михаилу, Марии-Тинатин

22–23 апреля 1935 г.

Соловки

1935.IV.22–23. Соловки. № 16. Дорогая Аннуля, 18 апр. получено твое письмо от 23 марта, как можно догадываться (оно без даты), а сегодня, 22 апр. – от 8 апреля, № 10. Писем очень долго не было и я находился в тревоге. Кроме всяких прочих причин очевидно я чувствовал болезнь Оли. Но и сейчас все мне беспокоит. Я писал вам, вероятно получите мои письма с опозданием. Имей в виду, что на ближайших днях аэропланное сообщение должно прекратиться и, следов., сообщение прервется, так что с письмами будет некоторый промежуток.

Здесь стало тепло, днем тает, по вечерам, напр. сегодня, подмораживает; однако я шел из бани без перчаток и, несмотря на ветер, рукам не было холодно. Ты задаешь мне ряд вопросов. Постараюсь ответить на них. Во первых*, о водорослях. Иод* у нас пока добывается древнейшим из способов, зольным. Для этого водоросли сжигаются, водою выщелачивается зола и из щелока химически выделяют иод*. Однако этот способ очень невыгоден. На сжигание водорослей, сырых и лишь подсушенных слегка, надо много дров. $\frac{2}{3}$ иода* из водорослей уходит с дымом, так что в золе остается лишь $\frac{1}{3}$; но и эту $\frac{1}{3}$ удастся извлечь не полностью. Далее, в водорослях иод* составляет примерно 0,02%. Следов., чтобы извлечь $\frac{1}{3} \cdot 0,02\%$, т.е. около 0,007% иода*, уничтожается все вещество водорослей. А между тем в нем содержится много полезных продуктов. А именно: 1⁰ альгин, особое вещество, по физическому характеру напоминающее желатин или агар-агар и

идущее в пищевую промышленность (мармелад и т.п., желе, мороженное*, крем, студни и т.д.), в текстильную и бумажную (проклейка, аппретура), в промышленность пластических масс и т.д. 2⁰ маннит – твердый белый сладкий спирт (высший спирт, шестиатомный), очень дорогой (250 р. 1 кг), необходимый для бактериальных исследований, в электрохимии, как замена сахара при диабете, как легкое слабительное, как материал для взрывчатых веществ и т.д. 3⁰ целлюлоза* – для бумажной и химич. промышленности, для пластич. масс; 4⁰ бром – для фотографии, кинематографии, красочной промышленности, лекарств и пр., в частности для автомобилей и аэропланов; 5⁰ соли калия – для удобрения почвы, для химич. промышленности. Если же водорослям дать бродить – из них получают: ацетон, разные спирты, необходимые для лакового дела. При известной обработке можно получать сахар и др. вещества. Кроме всего в водорослях находится много белков, которые пока не научились употреблять, и немного жиров, которые дают нечто вроде сливочного масла. Кроме того, водоросли могут в своем первоначальном виде или слегка обработанном употребляться в пищу – из них готовят несколько десятков, если не более, кушаний, которые широко распространены на ДВ, в Японии, в САСШ, в Бретани, в Шотландии и др. странах. Наконец, сгнившие водоросли дают отличное удобрение. Как видишь, над водорослями стоит работать. Мы делали подсчет: если бы извлечь все полезные вещества из 25 тыс. тонн сырых водорослей, т.е. выброшенных из моря и не просохших (а в них 80% воды), то эти вещества стоили 3¹/₂–4 миллиона рублей золотом.

Мы заняты сейчас разработкою приемов выделения отдельных веществ, как чисто химическим способом, так и электрическим. Между прочим, для выставки, заняты сейчас варкою мармелада из водорослей.

Чтобы не забыть: попроси П.Н. прислать вам мои вещи. Если тебе попадет где-нибудь напечатанный на машинке список моих печатных работ, то пришли его мне. Он лежал в шкафу у угольника, в верхнем отделении. Только присылай экземпляр, который похуже, а лучше – сохрани.

Вероятно у вас уже подсохло, и мне хотелось бы, чтобы вы сходили к Гусе.

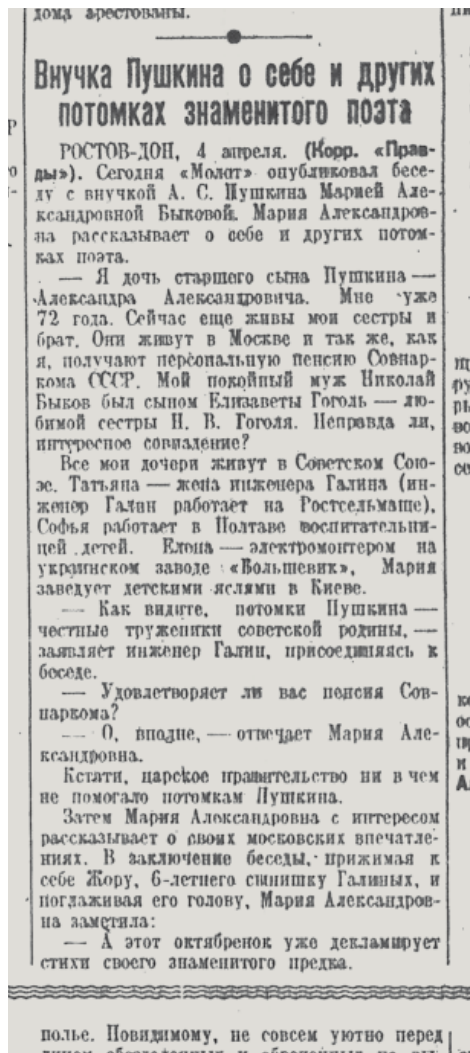
Изредка вспоминаю о Дальнем Востоке с сибиряками, которые знают как север Азии, так и восток. К сожалению, орочен* никто не знает и ороченского* языка здесь не изучишь – нет ни книг (кроме эвенкийского словаря, который оказался со мною), ни людей. Был бы хоть какойнибудь* текст, если не ороченский*, то тунгусский. Какнибудь* пойду в библиотеку при музее, попробую поискать в старых изданиях. Мне хочется изучить этот язык, а главное надобен он для местного колорита в поэме¹. Приходится оперировать одними существительными, т.к. глаголы спрягать я не умею и не по чему научиться.

Много думаю о тебе, моя дорогая, о твоих хлопотах, трудностях и усталости. По твоим письмам я вижу, насколько ты устала: пропускаешь и путаешь буквы. Много бы я дал, чтобы ты могла хоть немного отдохнуть. М.б. летом тебе будет несколько легче: все же печей не надо топить и воздуха больше. Старайся говорить с мальчиками, пусть они рассказывают* о своих работах, и им и тебе будет интересно. Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая.

Схема родственных связей Пушкиных, Гоголей, Быковых. Рисунок из письма П.А.Флоренского от 22–23 апреля 1935 г. Архив семьи Флоренских

Дорогая Олечка, последнее время я был в очень тревожном состоянии; думаю, это объясняется твоею болезнью, о которой впрочем не сообщалось мне вами. Вот видишь, дорогая, предупреждал я тебя против ночных сидений, а эта болезнь, несомненно, последствие их. Смотри же, береги себя впредь и не переутомляйся, а главное непременно бывай на воздухе.

Интервью внучки
А.С.Пушкина М.А.Быковой.
«Правда», № 94 (6340)
от 5 апреля 1935 г.

папа, неправильно пишешь». — Почему? — «Потому что изображаешь девочек квадратиками, а мальчиков кружочками. А надо наоборот, потому что девочки нежные, и их надо изображать кружочками».

Советую тебе собирать генеалогические сведения; когда прочтешь где-нибудь или услышишь, то записывай отрывочные сведения. Лучше всего записывать на лоскутках, но чернилом, а не карандашом, и складывать их сперва по алфавиту. А более связные сведения следует сразу же переводить в схемы и потом постепенно достраивать эти схемы и дополнять под-

Ты спрашиваешь о «Разговорах Гёте с Эккерманом». Конечно, я знаю эту книгу, и не только читал ее, но и изучал в свое время, впрочем давно, кажется в 1900-м или в 1901-м году, когда тебя не было на свете. Она очень содержательна и важна еще потому, что просмотрена самим Гёте. О Гёте есть еще интересная книга — Метнера, а также Лихтенбергера². У Лихтенбергера дан перевод отрывков естественнонаучных и натурфилософских сочинений Гёте, и в этом отношении она интересна, т.к. других переводов пока не вышло (если только не вышла книга о цвете, давно обещанная одним из издательств).

Меня давно интересуют вопросы генеалогические, и в частности о родственных связях писателей, как наглядном доказательстве наследственности и подбора. Я собирал материалы в этом направлении. А сейчас, в «Правде» от 5 апр. 1935 г. № 94 (6340), стр. 4, попались данные о родстве Пушкиных с Гоголями и о связи их с Быковыми. Думаю, тебе интересно будет посмотреть на содеянную на основании этой заметки генеалогическую схему³:

По поводу этой схемы мне вспоминается: когда Васюшка был совсем маленький, он приходил смотреть, как я чертил подобные же, смотрит, смотрит, а потом заявит: «Ты,

Храм Рождества
Богородицы
в с. Завражье
Костромской
области, в котором
служили предки
П.А.Флоренского.
Фото свящ.
А.Вавилкина. 2009 г.

робностями. Это очень обогащает понимание жизни, а кроме того постепенно накапливается материал весьма ценный, который всегда пригодится.

На всяк случай сообщаю тебе, т.к. не уверен в сохранении моих записей⁴, что моего отца звали Александр Иванов., деда Иван Андреевич, прадеда Андрей Матвеевич, прапрадеда Матвей Иванович⁵. Жену деда, мою бабушку, звали Анфиса Уаровна Соловьева, а вторую жену его Елизавета Владимировна Ушакова, у нее была сестра Александра Владимировна, замужем за Готлибом Федоровичем Пекоком; Александра Владимировна хорошо относилась к моему отцу и его сестрам – Екатерине и Юлии. Дочь Ал-дры Вл. – Александра Готлибовна Пекок была известная певица, выступавшая в Милане под театральным псевдонимом Алина Марини. У моего отца был сводный брат Владим. Ив. и сестры Зинаида, Варвара, Людмила, и сейчас не могу вспомнить имени четвертой (у меня очень ослабла память). Деда со стороны матери звали Павел Герасимович, а бабушку – София. И опять сейчас не могу вспомнить далее.

Роспись в храме
Рождества
Богородицы
с. Завражье
Костромской
области, в котором
служили предки
П.А.Флоренского.
Фото свящ.
А.Вавилкина. 2009 г.

Все они умерли до моего рождения, и ни бабушек, ни дедушек я в жизни никогда не видел, только мечтал о них в детстве. Суррогатом бабушки была для нас А-дра Владим., но и ее я увидел, лишь поступив в университет; но она вскоре же умерла, к моему огорчению. Зато были у меня тетки, Юлия – со стороны отца, которая меня воспитывала, и мамыны сестры – Елизавета, Варвара, Репсимия и София, из них осталась в живых только последняя. Был еще дядя – Аршак, но в отличие от теток, которых я очень любил, всех, а особенно тетю Юлю, как я называл ее, он был для меня совсем чужим человеком и я ви-

Потомки И.А.Флоренского и его второй жены Е.В.Ушаковой.
 На обороте автограф П.А.Флоренского: «1905 г., после разгрома Московского восстания* и разгрома дома, где жили Флоренские, в день приезда в Минск из Москвы. Леля, дочь Влад.Ивановича Флоренского, Зинаида Ивановна Флоренская, Володя Струковский, сын Людм. Ив. Флоренской, Елизавета Владимировна Флоренская, мачеха моего отца, Владимир Иванович Флоренский, сын ея*, Лидия Ивановна Флоренская, Степа Струковский, сын Людм. Ив. Флоренской, Елена Ивановна Хвостова, воспитанница Лидии Ивановны Флор., урожденная Машковская». На стене портрет Людмилы Ивановны Струковской (Флоренской).
 Архив семьи Флоренских

дел его очень немного. Дети тети Лизы умерли, они были близки мне, особенно Маргарита, хотя и гораздо старше меня. Дети тети Вари куда-то исчезли. У Ремсо тети детей не было. Детей тети Сони ты знаешь. Тетя Юля не была замужем. Детей дяди Аршака я знал в детстве, но потом они все исчезли из моего поля зрения, осталась одна Тамара, дочь «Аршак-дяди». Ее сестра Нина обладала замечательным голосом, но умерла вскоре

Александр Иванович Флоренский с сестрой Юлией Ивановной.
Ок. 1880 г. На обороте надпись: «Папа и тетя Юля (Александр Иванович
и сестра его Юлия Ивановна Флоренские). Копия с фотографического
снимка, доставленного мне близкой знакомой отца –

Ольгой Христиановной Павлович. Подлинник сделан в Петрограде.
Против подлинника копия слегка увеличена. Подлинник снят
в фотографии К.Андерсона (С.-Петербург) на альбуминной бумаге.
Священник Павел Флоренский». Архив семьи Флоренских

Александра Владимировна Пекок. 1876 г. В гимназических письмах отцу П.А.Флоренский с любовью называл ее «бабушка».
Архив семьи Флоренских

Владимир Иванович Ушаков, отец Е.В.Флоренской и А.В.Пекок.
На обороте автограф П.А.Флоренского: «Владимир Иванович Ушаков, отец мачехи моего отца и друг моего прадеда. С карандашной миниатюры, рисованной братом Владимира Ивановича.
Переснято в 1916 г.». Архив семьи Флоренских

после окончания консерватории (или филармонии скорее). У нее был красивый серебристый тембр, очень редкий. Дочери Сони тети умерли. Умерли и мои сестры – Валя (Оля⁶) и Гося (Раиса). Наша фамилия в XVIII в. писалась Флоринские и только в XIX в., неправильно, стала писаться Флоренские. А еще раньше ее писали Флиоринские, так что некоторые ветви стали писаться Флёринские. Крепко целую тебя, дорогая Оля, поправляйся скорее, слушайся советов. Кланяйся своим товарищам. Еще раз целую тебя.

Дорогая Тикунька, здесь теперь темнеет поздно. Вчера, например, я шел в 11 ч. ночи, и было полусветло, сумеречно. А в 9 часов еще совсем светло. Правда, по солнечному времени

11 ч. ночи – это не 11, а вроде 10-ти. Но скоро начнутся белые ночи. Говорят, не только всю ночь вполне светло, но даже солнечное освещение на вершинках деревьев прекращается только на 10 минут. Кое-где на дорогах появилась пыль, порядочно и грязи или, точнее, луж с песком. Но в общем снежный покров по колено. Прилетели в Кремль чайки и поднимают гомон, слышный издалека. Недавно пела около нашего Биосада какая-то птичка. Море в одном месте внезапно очистилось от льда – ледяной покров унесло ветром. Лисицы бегают, как собаки, по дорогам, иногда забираются на крышу и спят, греясь на солнце. Наши звери благополучны и кланяются тебе. Детей у свинки еще нет. Но молодых свинок, вместе с мамашей их, выводят на подоконник принимать солнечную ванну. От непривычной обстановки они пугаются, стараются забраться в угол или друг под друга, образуется куча, которая тут же разваливается, т.к. каждый поросенок хочет быть самым нижним. Все они пищат, и если не знать, что это свинки, то можно принять за чириканье каких-то птичек. Помимо своей прямой работы мы заняты сейчас варкою мармелада из водорослей; это к выставке 1-го мая. Готовим также диаграммы. Так например сочинили диаграмму круговорота азота – какими путями (дождем, снегом, всевозможными естественными и искусственными удобрениями) азотистые соединения попадают в почву, как почвенные бактерии перерабатывают азот атмосферы и азот белков из удобрений в усвояемый растениями вид, как растения выбирают из почвы азот, и какие – сколько, и сколько азота содержат разные виды почвы. Все это, вместе с изображениями разных почв, изобразил по моему наброску художник – на большом листе, так что получилась занятная диаграмма. Скажи Кире или Васе, чтобы они взяли у Вл. Ив. статьи по математике и о льде, если увидят его и вообще узнали о судьбе этих работ. У меня тут два твоих носовых платка, один с голубой каемкой, а другой – белый, с маленькой меткой. Хотя и так я все время вспоминаю тебя, но с этими платками – еще напоминание. Скажи Васе и Кире, что я писал им в прошлом письме, так что сейчас писать не буду, нет места, а напишу в следующий раз, теперь же крепко целую. Кланяйся от меня бабушке и Ан.Ф. и пожелай им быть здоровыми. Скажи Мику, чтобы он занимался фотографированием растений, как раньше Вася.

Иван Андреевич Флоренский.

Фото сер. XIX в.

Надпись на обороте:

«+ Иван Андреевич Флоренский /
*1815 в с. Борисоглебском Костромск. губ.
Макарьевск. у. возле Юрьевца. /
+ 11 ноября 1865 в станице Ардонской /
с фотографической карточки его, снятой
когда ему было 49 лет, т.е. за год до
смерти. / Этот экземпляр, увеличенный
принадлежал Елизавете Владимировне
Флоренской, второй жене Ивана
Андреевича, а по смерти ея* был передан
дочерью ея*, Зинаидой Ивановной мне
в подарок. / Свящ. П.Флоренский /
1916.XII.8. Сергиев Посад. / Отца Ивана
Андреевича звали Андрей Матвеевич».
Архив семьи Флоренских

Надгробие на могиле Ивана Андреевича
Флоренского (Ардон, Республика
Северная Осетия – Алания).

«Под сим камнем покоится прах /
раба Божия коллежского советника /
Ивана Андреевича Флоренского /
скончавшегося в 1865 году ноября 2го /
дня на 50 году от рождения. / Мир праху
твоему» (И.А.Флоренский умер 11 ноября
1865 г. на 51 году от рождения. – П.В.Ф.).
Надгробие найдено и сфотографировано
краеведом О.Б.Борисовым. 2006 г.

Александр Иванович Флоренский. Тифлис. 1900-е гг.
Архив семьи Флоренских

Герасим Сапаров.
Портрет работы неизвестного художника.
Надпись на обороте: «Портретист
из знаменитого рода наследственных
художников Наһапет(?)-Наһа из Джульды.
После разрушения Джульды род переселили
в Эчмиадзин и Тифлис. Эти художники
в XVII в. расписывали Эчмиадзин. Имя их
переводится как “патриаршие художники”»
Тифлис. Первая половина XIX в.
Собрание семьи Флоренских

София Григорьевна Сапарова.
Портрет работы неизвестного художника.
Тифлис. 1870-е гг.
Собрание семьи Флоренских

Павел Герасимович Сапаров.
Портрет работы неизвестного художника.
Тифлис. 1870-е гг.
Собрание семьи Флоренских

Сестры Сапаровы, слева направо: София, Елизавета, Ремсо и Ольга
Тифлис. 1870-е гг. Фото Зарафова. Архив семьи Флоренских

Юлия Флоренская по
окончании гимназии.

Тифлис. 1902 г.

Фото А.Нордштейна.

Архив семьи
Флоренских

Елизавета
Флоренская.
Тифлис. 1907 г.

Архив семьи
Флоренских

Мама пишет, что ты стала хорошо играть и заниматься немецким. Очень, очень рад этому, дорогая дочка. Наверное ты уже перевалила через трудные места пути, и теперь пойдет все легче и легче, приятнее и приятнее. Только старайся побольше играть в 4 руки с кем придется, тащи Мика от моего имени, и других. А еще старайся разговаривать по немецки* с Миком и Олей и учи немецкому мамулю. Наверное Аня уже знает хорошо язык, говори с нею побольше. Да, чуть не забыл: письма Ани я получил и прошу тебя поблагодарить ее от меня. Видишь, сколько я даю тебе поручений. Сообщи, вышли ли на свет скорородинские растения и какие. Еще сообщи мне о пионах, которые привез Вася и которые привез Кира. А еще, не погибли ли горные кавказские лилии. Их надо поливать летом. Боюсь, что прошлым летом они посохли. Когда придут каникулы, то постарайся быть побольше на воздухе, чтобы отдохнуть и на-

Ольга Флоренская.
Тифлис. 1904 г.
Архив семьи
Флоренских

Раиса Флоренская.
Тифлис. 1907 г.
Архив семьи
Флоренских

браться сил. Думаю, с вами будет жить Аня, так что тебе будет веселее, и мне будет веселее при мысли, что ты не скучаешь. Старайся иногда рисовать понемногу цветы, растения, разные вещи. Учат ли мамуля тебя шить? Ты ведь ее помощница по хозяйству, мне об этом сказали недавно прилетевшие сюда чайки. Говорили они все разом, и я едва понял, в чем дело. Крепко целую свою дорогую дочку и еще раз целую.

Дорогой Мик, хотя твои каникулы и кончились, но надеюсь, что скоро наступят и летние вакансии. Ты пишешь, что хочется читать, но нет книг. Попроси Васю или Киру достать у каких-нибудь товарищей. Хорошо было бы, если бы ты, когда гуляешь или бегаешь, делал зарисовки того, что встречаешь интересно, какие ниб.* гнезда птиц, грибы, растения, дупла, скрученные стволы, м.б. удастся птиц. А кроме того непременно записывай

Альбом юности
П.А.Флоренского.
1898–1902 гг.
Архив семьи
Флоренских

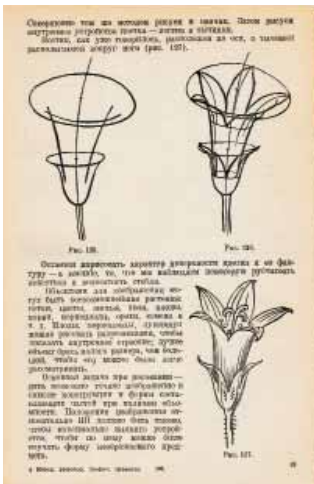

Схема изображения
цветка из книги
П.Павлинова
«Графическая
граммота»

каждый день все, что наблюдаешь в природе. Это очень важно: создается умение формулировать свою мысль, а кроме того накапливается материал, который впоследствии будет и полезен и интересен тебе же самому. Так именно люди учатся у природы. Старайся рассматривать*, как построен лист, цветок, ткани и зарисовывай – но не просто механически копируя, а укладывая в схему, т.е. поняв, каково соотношение частей (помнишь, как я когда-то нарисовал для Васи разрез огурца или еще цветок рододендрона). Сначала размотри*, как следует, обдумай все, а потом уже рисуй смело, не гоняясь за случайными подробностями. Тогда рисунок будет выразительный и стильный.

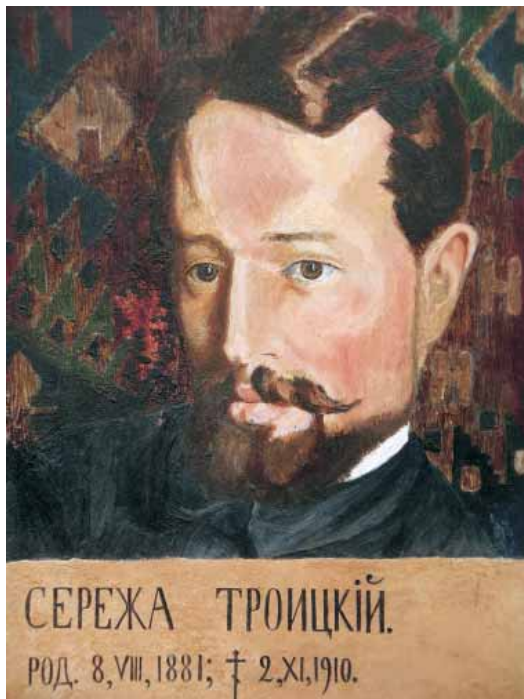
Хоть и очень понемногу, но я пишу для тебя «Оро».

Однако меня задерживает отсутствие рукописи, т.к. я не могу вспомнить того, что уже написано, а эти куски вставляются в длинное повествование. Написал и посвящение тебе, м.б. пришлю, если будет можно. Самое большое мое желание, чтобы ты преодолел первые скучные шаги обучения музыке и овладел ею настолько, чтобы мог играть с удовольствием. Это будет для тебя в последующем большой радостью, для которой стоит потрудиться и претерпеть первые неприятности. Все время мечтаю о том времени, когда ты научишься играть и этим очень обрадуешь своего папу. Ведь у него только и есть радости, что думать о вас и о том, чтобы из вас вышли люди, умеющие пользоваться дарами культуры.

А из всех даров этих самый радостный, самый утешительный – музыка. А кроме того, овладеть музыкой весьма необходимо для физики и математики: с музыкой к этим наукам будешь подходить совсем иначе, чем без нее, и сможешь сделать много интересного и полезного, не только в акустике, но и во всех других областях, т.к. всюду – волны, и подчиняются они одним и тем же общим законам; даже материя слагается, по современным воззрениям, волнами. Но для действительного понимания волновых явлений надо не только знать законы отвлеченно, но и привыкнуть к самим явлениям. А из волновых явлений звуковые – наиболее доступны прямому усвоению, прямому наблюдению. Надо их чувствовать и уметь производить – и тогда понимание дается легко и будет жизненно. Не ленись же, дорогой мальчик, учись, пока можно, и обрадуй своего папу.

О новостях в здешней природе я уже написал Тике, так что ты можешь узнать от нее, не буду повторяться. Лучше напишу о торфе. Здесь торф главным образом сфагновый, т.е. беломховый. Он мало пригоден как топливо, но обладает, даже сравнительно с другими сфагновыми торфами, вообще очень ценными и довольно редкими, большими преимуществами – чистотою, малозольностью, незасоренностью посторонними растениями, тонким строением. Это объясняется как ботаническим составом (особые виды сфагнума, *Sphagnum parvifolium*, мелколистный, и др.), так и условиями роста – на скалистых местах, при отсутствии рек и ручьев и при беспыльности здешних морских ветров. Все это подало мне мысль использовать здешние торфы на производство элементов воздушной деполяризации бензосфагновых смол, теплоизоляционных материалов и веществ и битумов, в значительной мере по моим прежним работам. Сейчас возбудим вопрос о постановке таких производств, вычерчиваем диаграмму этих производств для выставки и для докладов. Когда дело идет о растениях, то у меня сразу подымается интерес, особенно если это растения нисшие* – водоросли, мхи, грибы, папоротники*. Так было у меня с детства, с тех пор как помню себя. Но волнуют, конечно, и другие растения. У всех у них тонкое строение, весьма интересное и само по себе, и в особенности для физического исследования и истолкования. Моей мечтой было разработать физику систем со специальными структурами. Мне это

Ольга Александровна
Троицкая.
Автопортрет. 1914 г.
Картон, пастель.
Собрание
Н.А.Флоренской,
Санкт-Петербург

Сергей Семенович
Троицкий.
Портрет работы
О.А.Троицкой. 1911 г.
Дерево, масло.
Собрание семьи
Флоренских

не удалось, может быть ты будешь моим заместителем в этом деле. Крепко целую тебя, дорогой, будь поласковее с мамочкой и поцелуй ее за меня. Еще раз целую.

Конверт (162×115 мм) кустарный, белый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 25.05.35; Загорск – 29.05.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) (Московской области). Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. I кол. Доп. 2, спис. № 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 29 мая 1935».

Письмо на двойном листе (345×216 мм) пожелтевшей линованной бумаги из конторской книги с красными грифами, сложенном пополам так, что линейки вертикальны. Чернила черные.

В 1935 г. большая часть писем Р.Н.Литвинова написана на листах из этой же конторской книги.

1. Имеется в виду поэма «Оро».

2. П.А.Флоренский говорит о книгах: *Метнер Э.К.* Размышления о Гёте. Кн. 1: Разбор взглядов Р.Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914; *Гёте И.В.* Борьба за реалистическое мировоззрение: Искания и достижения в области изучения при-

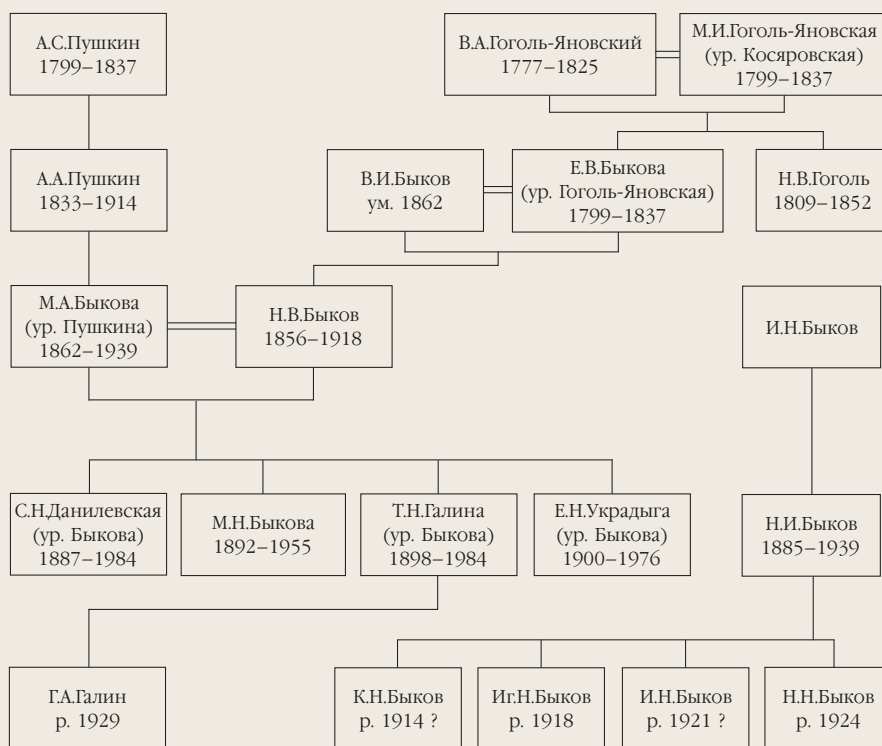
роды и теории познания / Сост. и пер. В.О.Лихтенштадта. Пг., 1920. (В.О.Лихтенштадт работал над книгой во время заключения в Шлиссельбургской крепости в 1913–1914 гг.)

3. Схема содержит несколько ошибок. Мужем Е.В.Гоголь-Яновской был В.И.Быков, а не Николай Быков, ее мать звали не Елизавета, а Мария Ивановна, И.Н.Быков отношения к ней не имел. Возможно, И.Н.Быков имеет родственную связь с В.И.Быковым, но таких сведений у составителя нет. Ниже приведена схема, выполненная с учетом этих замечаний, известных на сегодняшний день биографических сведений об упоминаемых лицах, а также данных, взятых из книги: *Русаков В.М.* Рассказы о потомках Пушкина. Л.: Лениздат, 1982. С. 126, 127, 129, 130, 313, 316, 321.

Схема родственных связей Пушкиных, Гоголей, Быковых. Сост. И.С.Жарова. 2010 г.

4. О генеалогии семьи Флоренских см.: *Священник Павел Флоренский.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические

Пушкины – Гоголи – Быковы

исследования. Из соловецких писем. Завещание М.: Московский рабочий, 1992.

5. В тексте описки: прапрадеда П.А.Флоренского звали Матвей Афанасьевич.

6. Сестра П.А.Флоренского О.А.Троицкая, художник-миниатюрист, поэтесса, состояла в переписке с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус. Ее муж С.С.Троицкий (с 1909) близкий друг и сокурсник П.А.Флоренского по Московской Духовной академии. Преподавал русскую словесность в 1-й тифлисской гимназии. Убит на почве национальной розни.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

23 апреля 1935 г.

О. Соловки

Милая Люба! Получил твоё мартовское письмо после очень долгого перерыва, так что начал опасаться всего возможного. Поэтому был очень успокоен самим фактом получения письма и отчасти философичным твоим настроением. На твои вопросы отвечаю: вес свой я не исследовал, за недостатком весов. Наши аналитические только до 100 гр., а я вешу, вероятно, много больше. В отношении здоровья могу только хвалить здешний климат и режим. За все время никаких недомоганий и хворей не было. В весе я тут, несомненно, прибыл сравнительно с весной и летом 34 г. Сердце не чувствуется, следовательно, здорово. У меня уже давно отмечен (ещё покойным Ефим. Серг. Маловым) миокардит, но что это точно значит, я не знаю и думаю, лучше не знать. Тут очень хороший воздух, и поскольку им не так уж много приходится пользоваться, то я монополизировал колку и пилку дров для нашего хозяйства. Это действует очень хорошо и на самочувствие и настроение.

Относительно волос – не могу сказать о том, как изменились темпы лысения, потому что зеркало у нас одно и притом где-то, в него я не смотрю, а на ошупь не заметно. Относительно бороды, то нужно ска-

Газета «Голос перековки» № 16(60) от 23 апреля 1935 г.

зять, что я перестал бриться, из географических (далеко) и финансовых (дорого) соображений, еще в октябре. Поэтому моя борода, будучи собрана в пальцы и поднята кверху, достигает несколько выше кончика носа. Цветом похвалиться нечего. Цвет невинности доминирует. Поэтому вид у меня почтенный и меня, как я случайно услышал, вместе с моим сожителем и приятелем, который тоже носит бороду, за глаза называют старцами.

О посылке. Не смей ничего посылать. Тут я полностью обеспечен всем: квартира (и очень приличная), отопление, освещение (электро), столом, одеждой, баней и даже развлечениями. Никаких хлопот. Поэтому и не думай об обременении транспорта лишними грузами.

Теперь об анкете. Во-первых, я ничего не знаю о том, что писал папа в известиях Петроградского Совета, мне в письме он рекомендовал смотреть журнал «Пламя»¹ (редакт[ор] Луначарский) и подпись Николай Афанасьев². Во-вторых, не знаю, стоит ли это делать. Он сам смотрел на это дело как будто не вполне серьезно. Не знаю, был ли бы он польщен, попав в такую компанию. Поэтому делай как хочешь, а я изложил все, что знаю по этому поводу.

Ты рекомендуешь заниматься массажем волос, так как минуты у нас несчитанные. Представь себе, что как раз время у нас очень считанное, настолько, что даже письма писать приходится урывками. Встав и попив чаю с чем-нибудь съедобным – идешь в лабораторию и там сидишь до обеда. Обед из двух блюд, чай, сон. Потом опять лаборатория до 2–3 часов ночи. Время летит совершенно незаметно. Это нормальный день. В течение дня бывают иногда вариации. Например, дрова, о которых я уже писал. Или нужно сходить по делам в Кремль. Или вечером баня (это раз в неделю). Или вечером лекция по высшей математике.

О том, что я читаю: английские романы и ученые книги. Романы кончились, и я колеблюсь между французскими и немецкими и поэтому ничего не читаю. В конечном счете потому, что, как видно из вышесказанного, некогда. Работа движется вперед. Тут мы ищем разрешения практической проблемы, а пока что пришлось наткнуться и справиться с теоретической задачей. Это было очень весело. Название задачи: по-

тенциалы концентрационной цепи: серебро, азотнокислое серебро, галоиды серебра и серебро в зависимости от температуры и концентрации.

Зачеты идут, по здешнему масштабу, великолепные, точно не помню, какие, настолько, по существу, они незначительны.

О письмах. Я писал тебе по 1 письму в месяц, начиная с ноября. Не знаю, какие причины препятствуют тебе то же самое получать по письму в месяц. Верно, сибирская почта не на высоте. У нас она работает как будто медленно, но исправно. Варя пишет часто – а я знаю, что вообще она очень не любит писания писем. От нее я получаю 5–6–7 писем в месяц. Последнее письмо было неприятное: Колька был болен ангиной, с высокой температурой. И на этом сообщения оборвались, видно, письмо где-то завалялось. Очень рад был твоим сообщениям о родственниках³. Попрошу передать мой привет, потому что сам, пожалуй, и не смогу этого сделать.

У нас тут что-то вроде весны. Ночь становится очень короткой: темнеет часам к 10, а с 4 светло. Почти неделю стоят солнечные дни, и снег днем тает. Если бы встречать весну в несколько других условиях, я, вероятно, извлек из нее гораздо больше приятного. Она тут совершенно безплотная. Воздух прозрачен как нигде, облака тончайшие и тона моря бледные. Не зря монахи облюбовали это место. Сравнительно с Кемью, тут несравненно лучше в отношении природы. Климат, сравнительно с Нижним, милостивый. За всю зиму было дня три-четыре около 15°, а так все выше 10°, ближе к 4–5°. За зиму я только один раз надевал заслуженную серую одежду, которую ты мне когда-то покупала, а использовал ее как дополнение к одеялу, когда температура в спальней падала ниже комфортабельной. Как будто порядок жизни налачился достаточно хорошо. Живем, работаем, едим, спим – и все это в достаточно приличном масштабе. Мой сожитель⁴, о котором я с тобой говорил в Нижнем, очень милый человек и относится к людям первого порядка. Образован чрезвычайно – от ассирийской клинописи до физикохимии, от метрики и ритмики до сверхвысшей математики. Крайне беспомощен в делах хозяйственных. До предела деликатен. Суждения и вкусы литературного порядка совпадают с моими на 100%. В работе экспериментального порядка я сильнее, в работе теоретич[еского] порядка – он.

П.А.Флоренский
в своем кабинете.
Сергиев Посад.
Фото В.П.Флоренского.
Нач. 1930-х гг.
Архив семьи
Флоренских

Хотя, как нарочно, раньше он много работал именно экспериментально, но по рассеянности обязательно что-нибудь (обязательно) перепутает. В общем, мы стали большими друзьями, хотя, вероятно, он доставляет мне больше интересных мыслей, чем я ему. Он с тобой заочно знаком и просил передать от него поклон. Что я и делаю. Очень любопытные вещи он рассказывал и о А.Белом и о В.Брюсове. С первым из них он был в личной дружбе, а со вторым – совсем нет. Много говорит о Розанове и В.Иванове⁵, которые были близкими его знакомыми. Вообще же говоря, тот подход к вопросам трансцендентного порядка, о котором мы с тобой когда-то говорили (если ты не забыла), совершенно неожиданно оказался очень реальным. В той мере, которую он применяет, многое совершенно для меня приемлемо. К сожалению, абсолютно мало времени для разговоров, которые не представляют интереса для других⁶ обитателей нашего скита. Нужно сказать, что, по случаю отсутствия реальных помех этому делу, балуемся мы стихосложением. Возобновил я это занятие в подвальчике на М.Покровке (от нечего делать), а он на БАМе. Таким образом, он ночью

читает мне отрывки из своей поэмы (о вечной мерзлоте), а я ему более сжатые вещи, и хвалим друг друга. Как видишь, во всем есть утешение. Конечно, было бы, быть может, лучше, если бы не приходилось утешаться. Но приходится.

Скоро, видно, у нас будет навигация. Ее ждут к 10-м числам мая. Надежд на то, чтобы ею воспользоваться, у меня нет, да и особого желания тоже. На материке, видимо, хуже, по крайней мере, по моим воспоминаниям. Тут главный минус – почти полная невозможность надежды на свидание, хотя и самое свидание было бы, вероятно, отчаянной трепкой нервов для Вари, да и для меня. Поэтому эта высокая изоляция тоже имеет свои плюсы. Время идет, как поезд. Когда-нибудь куда-то и приедешь. Но расписания нет. Хорошо бы приехать куда-нибудь поужнее, к не такому Белому морю. Все-таки устаешь от даже такой спокойной жизни. Мне очень не хватает Вари и сына. Как это ни странно, но я оказался очень нежным мужем и отцом. Поэтому главное, что меня мучит, это хроническое о них беспокойство. Надеюсь, что твое положение улучшится, что в конце концов ты сначала получишь работу, а потом и совсем хорошо устроишься. Сибиряки удивительно тепло вспоминают о Сибири. Должно быть, в ней действительно много хорошего. К сожалению, я не встретил ни одного из Тары⁷. Ну, пока и всего хорошего.

Роман

1. «Пламя» (1918–1920), один из нацеленных на создание новой культуры журналов, издавался в Петрограде Пролеткульгом (1917–1932) (массовой культурно-просветительской и литературно-художественной организацией пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения).

2. Николай Афанасьев – псевдоним отца Р.Н.Литвинова Николая Афанасьевича, автора юмористических стихотворений и статей по сельскому хозяйству.

3. После отъезда Любови Николаевны в Тару Беклемишевы, московские родственники Литвиновых, связь с ней не прерывали. В Хронике рода Литвиновых–Беклемишевых есть запись за 1934 г.: «Нина ездила в Сибирь (Тара)». Речь в ней идет о жене двоюродного брата Романа Николаевича и Любови Николаевны Нине Петровне Беклемишевой, которая навестила Любовь Николаевну, чему и обрадовался Литвинов.

4. Р.Н.Литвинов говорит о П.А.Флоренском.

5. В.И.Иванов, поэт-символист, драматург, философ, создатель оригинальной версии русского символизма, преломившей две основные

тенденции литературы Серебряного века – возвращение русской культуры к духовным основам христианства и творческое осмысление архетипов античности, Средневековья и Возрождения. Переписывался с П.А.Флоренским.

6. Это письмо – яркий пример иносказания. Понятно, что собеседники говорили о религии, а говорить об этом было опасно: «абсолютно мало времени», всюду помехи, а разговоры «не представляют интереса для других». Слова «подход к вопросам трансцендентного порядка, о котором мы с тобой когда-то говорили (если ты не забыла), совершенно неожиданно оказался очень реальным» можно понять по-разному.

7. Тара – один из первых русских городов в Сибири. Он был основан в 1594 г., всего лишь через одиннадцать лет после взятия Ермаком Кашлыка, столицы Сибирского ханства. В течение всего XVII века Тара была самой южной крепостью в Западной Сибири, она стала не только главным военным форпостом, защищавшим как русских, так и татар от набегов орд степняков, но и одним из главных центров экономики и торговли.

Два столетия Тара (соль тарская) снабжала солью пол-Сибири, а также соседние Екатеринбургскую, Челябинскую, Казанскую губернии и даже некоторые волости Пермской губернии, хотя там и был свой соляной центр – Соликамск (соль камская). Это стало возможным благодаря тому, что Тара оказалась ближе других городов к соленым озерам, на которых добывали самосадную соль. Но после того как железная дорога прошла южнее, через Омск, упадок экономического значения Тары был предопределен. Сохранился лишь ее статус как места ссылки, т.к. с первых лет существования город и его окрестности были местом размещения «опальных людей».

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской,
детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу,
Марии-Тинатин

27 апреля – 13 мая 1935 г.

Соловки

1925.IV.27–28. Соловки. № 17. Хорошо вам, дорогая Аннуля, что вы вместе, хоть и живется вам плохо. Сейчас вернулся из Кремля. Шел ночью по снежной дороге. Вчера и сегодня наша весна внезапно сменилась зимою: повалил снег, подморозило, небо хмуро; ветрено. Полурастаявший снег сверху подернут коркой. Готовимся и работаем для выставки 1-го мая и вообще к праздникам. Но мои мысли только с вами.

Окрестности Сергиева
Посада, Вифанские
пруды. Слева направо:
П.А.Флоренский,
Василий и Мик
Флоренские,
мальчик Церевитинов,
Оля Флоренская,
Церевитинова,
А.М.Флоренская с Тикой.
На обороте пометка
П.А.Флоренского:
«1926.V 3 С.П.»
Фото Ф.В.Церевитинова.
Архив семьи Флоренских

30.IV. Эти дни стало совсем холодно – мороз, не менее 5–6° и ветер, совсем зима. Я просил одного художника сделать с меня зарисовку; она готова¹. Собираюсь сейчас закрепить ее бакелитовым лаком (изготовил 3 см³ на скорую руку), но надо сперва сделать пульверизатор. Если можно будет, то пришлю тебе. Сходство есть, но не со мною, а родовое, несколько похоже вышло на Шуру. Вчера получил ваше письмо от 13 апр., № 11, – собственно от Киры с твоею припискою. Он собирается уезжать 20-го, и я не знаю, дойдет ли до него мое письмо. Неполучение моих писем объясняется вероятно какими-нибудь задержками, т.к. я написал тебе в марте 3 письма и 1 – в апреле, это 2-е апрельское. Однако я слышал от других, что и их родные жалуются на неполучение писем за последнее время. Ничего особенного у меня нет – работаю изо дня в день, читаю лекции и пр., как уже описывал тебе не раз.

V.2. Майские праздники мы провели у себя на Биосаде в полном одиночестве, т.к. движение прекращено. Воспользовал-

Заклученный
Флоренский П.А.
Худ. заключенный
Иванов Д.И.
23 апреля 1935 г.
Бумага. Карандаш.
Архив семьи Флоренских

ся этими днями для занятий и для спанья, а также для чтения 6-го тома сочинений Стендаля², автобиографического. Удивительное предвидение: Стендаль пишет неоднократно (в 1835 г. и др.), что его писания предназначаются на 1935 год. И действительно, от них впечатление как от написанных вчерашний день, совершенно не чувствуется разстояния* в целое столетие. Но тебе не понравились эти воспоминания. Редко о ком Стендаль говорит без едкости и шельмования, даже о самых круп-

Книга
Жюль Верна
«Путешествие
вокруг Луны»

ных и первоклассных деятелях своего времени. Трудно судить, насколько он прав или неправ в своих суждениях, точнее вечных осуждениях, нравственного порядка. Но осуждения крупнейших ученых, мыслителей и писателей, как тупиц, бездарностей, болтунов и т.п. явно несправедливо и не соответствует тому, что доказано их делами. Впрочем, современник никогда, кажется, не оценивает современника справедливо: мелочи жизни, случайности впечатлений, наконец личные столкновения и интересы затуманивают пред ним то главное и наиболее достойное учета, что становится видно через десятилетия.

Помнишь ли «Путешествие вокруг Луны» Жюль Верна? Так вот и я чувствую себя, особенно в эти последние дни: как будто лечу в ядре среди безвоздушных пространств, отрезанный ото всего живого, и только вас вспоминаю непрестанно.

О людях же вообще у меня или изгладилась память, или они представляются мне образами ума, чем-то вычитанным из литературы, но никак не бывшими на самом деле. И потому нет никакого ни гнева, ни раздражения на эти бледные тающие образы памяти, которых подчас я никак не могу вспомнить имен и фамилий.

Сейчас сижу за вычислениями. Арифмометра или таблиц³ нет, приходится быть в положении Тики и мучиться над перемножениями 11-ти и 12-тизначных чисел, их делениями, сложениями, вычитаниями и т.д., и много и много, так что голова перестает работать. Это идет обработка сделанных наблюдений, чтобы составить номограмму для упрощенного анализа иода*, брома и хлора, электрического.

V.4–5. Письма мои выходят очень отрывочны, т.к. я пишу их урывками. Но отчасти это преднамеренно, чтобы вы чувствовали, как я занят всегда мыслию о вас. Сейчас 2 ч. 15 м. ночи, но это по гражданскому времени, а по солнцу, следовательно 2-й час ночи. На дворе уже почти светло. Начались белые ночи. Но мы привыкли к теплым светлым ночам, а тут и светло ночью и снег, холодно – странный контраст.

Павлуша с тетей
Юлией Ивановной
Флоренской.
Батум. Ок. 1886 г.
Архив семьи
Флоренских

Хочу записать тебе сон, который еженочно* мучил меня в детстве, так что из за* него я боялся ложиться спать. Иду или еду по дороге. Слева скалы, отвесные, нагретые солнцем, и по ним ползает множество мелких, только что вылупившихся, красных паучков. Справа же – обрыв над большой и быстрой рекой. И я слышу оттуда крики мамы и тети Юли, крики ужаса.

Я содрогаюсь, сознавая, что что-то случилось, но не могу броситься им на помощь, не могу пошевелинуться и даже слегка тронуться с места, словно прикован. И мне было так страшно от этого сна, что я никому не смел рассказать* о нем, а видел его каждую ночь и даже по нескольку раз. Мне думается, этот сон – отражение случая, когда мама и тетя Юля купались под откосом в Куре, а я, еще в пеленках (мне было 2–3 месяца, вероятно) лежал наверху, скатился и покатился по обрыву. Мама и тетя Юля, как рассказывали* мне после, сильно закричали и подхватили меня уже у воды. А еще – это, вероятно, отражение моих головных болей в детстве, самосозерцание мозга (паучки – кровеносные сосуды).

V.8. Меня окружают образы отошедших – Гози, Вали, папы, тети Юли, тети Лизы, Давида, Маргариты, тети Вари и других, одни ясные и близкие, другие словно видимые издали и туманные. Но больше всего думаю о вас, моих дорогих, бедных.

V.13. Сегодня наконец получил письма, от мамы (от 14.IV) и твои, № 14 от 26.IV и № 12 от 18.IV. Стало не легче, горько за вас, боязно за Олю. На днях начинаю писать снова. Пока целую крепко.

Давид, Маргарита
и Елизавета Павловна
Мелик-Бегляровы.
Швейцария. 1897 г.
Фото А.Монбарон.
Архив семьи
Флоренских

Александр Львович
Гурилев

Дорогая Оля, недавно писал я тебе, а теперь хочу продолжить рассказ* о наследственности в нашей семье. Очень важно знать, от кого что получил и что именно вообще получил. У каждой наследственной линии есть свое качество или свои качества. Прежде всего по восходящей мужской линии, т.е. по линии Флоренских–Флоринских. Этот род отличался всегда инициативностью в области научной и научно-организаторской деятельности. Флоринские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – открывали новые области для изучения и просвещения, создавали новые точки зрения, новые подходы к предметам. Интересы Флоринских были разносторонние –

история, археология, естествознание, литература. Но всегда это было *познание* в тех или иных видах и организация исследования. Мне не известно ни одного Флоринского с выраженными художественными способностями ни в какой бы то ни было области искусства. С другой стороны, у Флоринских было стремление к самовоспитанию, к духовной тренировке себя. По женской линии отмечу прежде всего Ивановых, род моей прабабушки. Этот род отличался талантливостью и блеском; от него, по-видимому, идет склонность к живописи. По характеру этот род был, сколько я знаю, очень неупорядоченным, в противоположность Флоринским, размашистым, нехозяйственным, богемным. Из него, между прочим, происходит известный передвижник – художник Иванов. Прабабушку мою звали Екат. Афанасьевна. Она была замужем за Уаром Ефимов. Соловьевым, врачом. Род Соловьевых, сколько мне известно, был весьма талантлив и блестящ. В записках Погодина рассказывается* о блестящем ответе на университетском экзамене, в Моск. унив., двух студентов, из ряду выходящих – Ив. Серг. Тургенева и К.У.Соловьева. Все три брата моей бабушки, Анфисы Уаровны Соловьевой, блистали в юности, но прожигали свою жизнь и ничего путного не сделали. Семья Соловьевых была музыкальна, бабушка хорошо играла, но еще более сильной музыканшей* были ее близкие родственницы – Елизавета (вторая жена моего деда) и Александра Владим. Ушакова, всецело поглощенные музыкой. Другом дома был известный романист Гурилев, который все свои произведения

Павлуша и Шура
Флоренские.
Тифлис. 1890 г.
Архив семьи
Флоренских

пропускал чрез критику дома Ушаковых и затем Флоренских. Со стороны рода моей матери, а твоей бабушки, наследственность выражается в ярком ощущении материи и конкретного мира. Красота материи и ее положительность, вот что унаследовали мы от рода моей матери. И еще, мне кажется, связанное с первым – это музыкальность и склонность к живописи, точнее сказать не к живописи, а к цвету, к колориту.

V.2. Еще о Флоринских–Флоренских. Все одни¹ (т.е. вообще говоря) были инициативны, изобретательны, предприимчивы, открывали, малые или большие, но новые области для мысли. Но, замечательная судьба: никогда никто из них не снимал жатвы с засеянных им полей и либо уходил из жизни, либо дело отходило от него, а пользовались жатвою другие, или же

¹ Так в тексте. Вероятно, *они*.

вообще никто не пользовался и она гибла, по крайней мере для своего времени. Как пример: попечитель Казанск. Учебн. округа проф. Флоринский, автор «Домашней медицины»⁴, сейчас признается родоначальником евгеники, но только сейчас, т.е. лет через 70. (Для других примеров нет места.) А в нашем роде все поколения мечтали об одном: хотя бы под старость зажить тихо, занимаясь маленьким садиком, – и никому это не удавалось. (Мне почему-то припомнилось, как брат мой Шура в детстве все время насаждал растения, а чуть они начнут прорасти и укореняться, он их вытаскивал и приносил с радостью показывать: «Вот, проросло, принялось!») Дорогая Олечка, я пишу тебе совершенно серьезно и требую, чтобы ты была благоразумна и заботилась о своем здоровье, все же прочее – второй очереди. Ты должна верить опыту жизни не только моему, но и целого рода, родов, т.к. именно неблагоразумие в этом отношении было уже не раз причиной *гибели* и глубокой раны в сердцах близких. В твоём возрасте бравирование благоразумием кажется возвышенным. Но оно не возвышенно, а просто объясняется незнанием природы и неумением рассчитывать*, что более и что менее важно.

V.13. Получил письма и вижу, как справедливы мои опасения. Старайся кушать что есть; заправляй чем ниб.* , украшай какой ниб.* зеленью. Это ничего, что ты не занимаешься, лишь бы была здорова. Крепко целую свою дорогую, дорогую дочку. Пусть она будет спокойна, бодра и весела и живет в расчете на будущее. Портрет, мною присылаемый, я испортил некрасивым лаком. Его можно удалить, выдержав портрет в спирте. Но если цвет портрета не очень вам не нравится, так лучше уж не трогайте лака.

Дорогой Мик, в Кремль налетели чайки⁵. Они совсем ручные и бегают у ног, как куры. Все время издают разные звуки, самые необыкновенные. То кричат индюком, то кудахчут, то пронзительно вопят, то словно плачут, очень похоже на капризных детей. На нервных людей этот птичий крик так действует, что они не могут спать. Чаек много. Они летают над крем-

левской стеной, башнями, храмами, или бегают по кремлевскому двору. Иногда она¹ смешно раскроет клюв и начинает вопить, и тогда к ней присоединяются другие и соревнуются, кто громче. По величине эти чайки больше утки и меньше гуся. Их грудь, шея, оплечье и голова белые, и еще белая полоса у хвоста, а спина пепельно-серая, с голубоватостью, дымчатая, как будто на белую чайку набросили дымчато-серый поседельник. Клюв и лапы желтые, как и глаза. Хвост черный, но с белыми пятнами, а на спине черные пятна. Клюв длинный, прямой, с сильно загнутым концом. Ноги слабые, тонкие, но довольно длинные.

V.7–8. Вчера слышал об одном приключении с серебристобурой* лисицей. Эти лисицы бегают всюду, забегают в уборные, на помойки, привыкли попрошайничать у всех. Повалился такой лис к одному рыболову, тот давал ему по снетку, лис уходил. Но однажды рыболов наловил много окуней и лис, получив подачку, не удовлетворился ею, стал просить еще. Рыболов погнался за лисой и отругал. Лис хватил его за ногу. Рыболов отпихнул. Тогда лис взял в зубы лежавшую на земле варешку и пустился с нею в лес. Рыболов погнался за

I Так в тексте. Вероятно, *одна*.

Крышка сосуда.
Иранская роспись.
Эмаль.
Тифлис, XVII в.
Собрание
А.А.Флоренского

Василий, Тика
и Мик Флоренские.
Фото П.А.Флоренского.
Конец 1920-х гг.
Архив семьи Флоренских

лисом, но устал. Лис наконец бросил варежку в кусты и ее пришлось довольно долго искать. А лис тем временем вернулся обратно и съел всю рыбу⁶.

Недавно поймали чайку, на ноге у которой оказалось кольцо, надетое в Риме. Вот, значит, куда залетают соловецкие чайки.

12.V. Море большею частью вскрылось, но есть еще ледяная кайма у берега. Аэропланы перестали летать, вероятно в скором времени возобновится навигация. Когда заканчивается у тебя учебный год? Как идут твои экзамены, если они начались. С этим письмом я запоздал к последнему аэроплану, теперь же приходится не торопиться, т.к. оно все равно не пойдет до открытия навигации.

Один иранец⁷ (так полагаются теперь называть персов) мне рассказывает* об иранской жизни, о нравах, обычаях, кушаньях, приводит цитаты из персидских поэтов.

Ты пишешь, что был на охоте, но не сообщаяешь, – с кем. Клянись от меня Кате и скажи ей, что я постоянно ее вспоминаю. Скажи мамуле (уже нет места написать прямо ей), что я

очень рад, когда она сообщает мне всякие мелочи вашей жизни и что я прошу всех вас писать их побольше. Целую тебя, дорогой. На днях напишу снова.

Дорогой Вася, опять я ничего не знаю о тебе, как ты живешь, над чем работаешь, здоров ли. Всегда беспокоюсь о тебе и все думаю. Пишу понемногу, по несколько строчек в день, за неимением ни времени, ни сил, «Оро» и думаю о вас: не только пишу для вас, но и стараюсь воплотить все свое и ваше в образ ороченского* мальчика, который для этой цели оказался подходящим. Вспоминаю свое и ваше детство, детские переживания и чувствую, как целостно это все выкристаллизовывается, наверно изоморфная кристаллизация. Недавно соименный зоологу С.И. его знакомый доставил мне издание Академии наук «Экспедиции Академии наук СССР 1933 г.»; в этом издании помещены две статьи⁸ дяди Шуры.

V.12. Вчера я прочел недавно вышедшую книгу Выгодского «Галилей и инквизиция». Пока вышла 1-ая часть⁹. Был доволен, что наконец-то в нашей литературе перестали болтать о Галилее глупости, которыми была наводнена она раньше, и твердо отвергаются выдумки. Это тем более приятно, что книга написана именно Выгодским, а не кем-либо другим.

V.13. Только что вернулся с лекции – читал о теории Максвелла и прочих соприкосновенных вопросах. Шел в 11^{1/2} часов,

Сергей Иванович Огнёв
в своем кабинете.
1930-е гг.
Архив семьи Огнёвых

Галилео Галилей

и на дворе совсем светло. Морозит, почва затвердела, снег под коркой. Днем было дов. тепло, но утром шел сильный снег. Свет здесь призрачный и все кажется видением во сне, а не на самом деле существующим. По ночам это в особенности, но и днем то же, даже когда солнце светит. Напиши, налаживается ли экспедиция летом и куда именно. Крепко целую тебя, дорогой.

Дорогая Тика, сообщаю тебе новость – у морской свинки родились детеныши, 4, но 2 мертвые. Малыши эти больше, чем я думал, но приятные.

Они рождаются зрячими и, можно сказать, довольно взрослыми, и уже через неделю после рождения едят всякую пищу. На третий день после рождения один весил 84 г, а другой 97 г, на 9-й же день вес 120 г и 100 г. Вешают всех свинок натошак. Другая новость: родились у кроличихи* кролики, 4. Одина¹ пара сереньких, как зайцы, а другая – черных. Кролики рождаются слепыми, но через 5–6 дней открывают глаза.

На днях кот заел одного кролика, только не родившегося теперь, а более взрослого. Как ни отбивали кролика, кот все же съел его. За это кота сажают теперь в клетку и он оттуда мурлычит*. Кот очень хитрый и смотрит так проницательно, что делается не по себе. Кажется, вот сейчас заговорит, «что я вам за котик?» Вчера, т.е. 6-го мая, опять валил снег, совсем как зимой. Теперь довольно холодно, лишь немногим теплее, чем зимой было, хотя снег уже стал рыхл. И смотреть на этот снег тем более странно, что почти всю ночь светло. Ложусь спать, когда уже светло. Даже к полуночи не темнеет по настоящему*, а в 11¹/₂ ч., правда по гражданскому времени, только сумеречно. Но зато днем свет какой-то не настоящий, жидкий, призрачный, словно видишь все во сне, а не на самом деле.

V.8. Враждую с котом за его проделки, смотрю ему в глаза, он отворачивается, начинает зевать, чувствует, что я сержусь на него.

V.13. В Кремле множество чаек, все они кричат, галдят, вквохчут, издают индюшечьи звуки, плачут, но в отличие от своих звуков красивы, особенно когда летят. И вот слышал я

I Так в тексте. Вероятно, одна.

у них разговор. Одна чайка сообщает другой, что она недавно из Москвы и была в городе, называемом Загорском. И говорит, а есть там девочка, Тика, у нее матросское платье, очень красивое, очень красивое, видела ли ты его? А другая отвечает: непременно слетаю посмотреть. Я подошел к ним ближе, но они улетели. Кланяйся бабушке. Будет ли у вас летом Аня? Кланяйся ей.

Дорогой Кира, письмо твое от 13 апр. получил, но не знаю, получил ли ты мое. Кажется я писал тебе как-то об аламбание*, старшем родственнике галоидов, открытом¹⁰ в 1931 г. Т.к. ты будешь заниматься иодом*, то следует обратить внимание на этот элемент. Кто знает, м.б. он производит какие-либо физиологические особые действия, в частности на щитовидную железу, даже в весьма незначительных дозах, тем более, что растворимость его солей должна быть весьма велика.

Конечно, я был бы очень доволен твоими занятиями под руководством В.И., хотя бы и спорадическим; но трудно рассчитывать*, чтобы он, при его занятости и жительстве в Ленинграде, мог посвящать этому достаточно времени. Но даже руководству его ближайших помощников я был бы рад¹¹.

2.V. Валит снег, на дворе холодно, совсем зима.

8.V. Сегодня днем было дов. тепло, но к вечеру снег и грязь подмерзли.

Ты пишешь о совпадении предметов наших занятий. Мне это совпадение особенно грустно, т.к. я не могу передать тебе ни накопленный опыт и знания, ни материалов, ни помочь советом. Меня эта беспомощность угнетает более всего. Ведь все, что я приобрел за свою жизнь, приобретал для вас, чтобы вы сделали следующие шаги, шаги по уже проведенной дороге там, где удалось ее проложить. А выходит, что прокладывая я ее бесполезно и она остается без употребления теми, для кого главным образом предназначалась. В частности, о мерзлоте и о иоде* и родственных с иодом* вопросах я мог бы дать тебе кое что* такое, чего не найдешь в книгах и чего, вероятно, не услышишь от других. Кстати: постарайся добыть от П.Н. мои рукописи, все, т.е. о мерзлоте и льдах. Это, во первых*, обильные материалы, собранные мною отовсюду и систематизированные, а во вторых*, ряд уже отработанных сочинений. Скажи П.Н.,

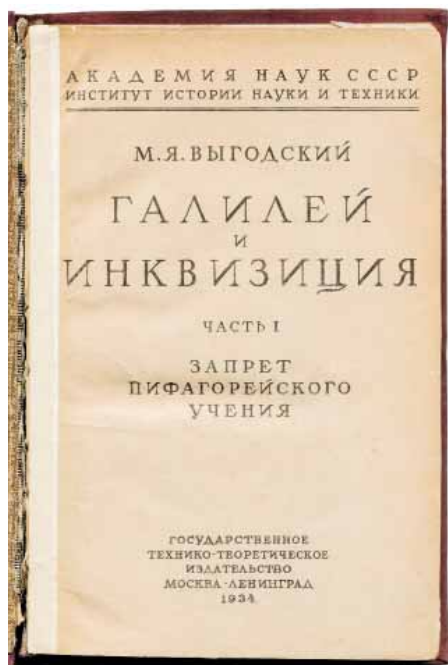
чтобы он непременно прислал или доставил эти материалы и копию моих работ¹². А кроме того, некоторые работы, но не все, ты можешь получить от В.И., попроси его от моего имени, полагаю, что эти работы у него.

V.13. Сейчас занят своего рода стиркою – отмываю кассеты от альгинов, выделенных из водорослей, – изучаю наиболее выгодный режим отмывки. Альгины эти пока неотбеленные и по виду, скорее, напоминают хлебные крошки и катышки. Мне хочется съесть их, но жалко тратить, т.к. необходимо иметь побольше для исследования*. Готовим порции альгинов порционные, более 1 кг, правда влажных, с большим содержанием влаги. Целую тебя, дорогой.

...Свет здесь призрачный
и все кажется видением
во сне, а не на самом деле
существующим...
Фото Б.В.Ведьмина

Напиши, где же ты работаешь, я ведь до сих пор ничего не знаю. Обрати внимание на книгу *МДёрринг*, Обзор работ по аналитич. химии, I, Петр., 1922, где дается много указаний по анализу.

Книга М.Я.Выгодского
«Галилей и инквизиция»

издававшиеся «Пятизначные таблицы логарифмов» Е.М.Пржевальского, автора ряда учебников и задачник по алгебре, геометрии, тригонометрии для средних учебных заведений.

С 1921 г. были также известны и в дальнейшем также многократно переиздававшиеся в СССР «Четырехзначные математические таблицы» В.М.Брадиса (так наз. таблицы Брадиса).

4. *Флоринский Василий Маркович*. Домашняя медицина. 9-е изд. СПб., 1908.

5. «Соловецкая чайка» – серебристая чайка (*Larus argentatus*). Ее изучал в конце 1920-х гг. заключенный орнитолог Григорий Иванович Поляков. Его публикации о соловецкой чайке: *Поляков Г.И.* К познанию орнитологической фауны Соловецких островов // Материалы СОК. Вып. 20. Типография УСЛОН ОГПУ, Соловки, 1929. Тираж 250 экз. Склад издания: Кемская контора Бюро УСЛОН; *Поляков Г.И.* Окольцовывание птиц и опыт его на Соловках // Соловецкие острова. 1929(?). № 2–3. С. 67–70. Изд. ОГПУ, Кемь. Первая работа рассылалась по библиотекам, а вторая сохранилась в единичных экземплярах.

Несколько рукописей Г.И.Полякова, в частности о соловецкой чайке, фауне соловецких птиц, гнездовых колониях гаг, охотхозяйствах Соловков и Кемского района и др., остались на Соловецких островах и вряд ли можно надеяться их найти.

О соловецких чайках ходили легенды. «В 1854 году, когда два английских фрегата начали бомбардировать монастырь <...> чайки <...>

Конверт (162×115 мм) кустарный, белый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 01.06.35; Загорск – 04.06.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Список № 1. Основное».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 3 июня 1935 г.».

Письмо на двойном листе (345×216 мм) пожелтевшей линованной бумаги с красными грифами из конторской книги, сложенном пополам так, что линейки вертикальны. Чернила синие.

1. Портрет, сделанный художником Д.И.Ивановым, датирован 23 апреля 1935 г. и был послан дочери Ольге.

2. *Стендаль А.* Собр. соч. Т. 6: Автобиографические заметки / Пер. В.Комарова. М.; Л., 1933.

3. В конце XIX – первой половине XX в. широкой известностью пользовались многократно пере-

Академик
В.И.Вернадский
и его секретарь
А.Д.Шаховская
во время эвакуации.
Казахстан, Боровое.
Фото Е.Л.Кринова.
1942 г.

густым облаком взвились над самыми вражескими фрегатами и пронзительным своим криком как будто прогоняли англичан, и не одним криком они им докучали, так что неприятель вынужден был вступить в бой с птицами, запятнавшими его честь <...> Чайки в этом замечательном деле доказали свое мужество и преданность обители» (*Федоров П.Ф.* Соловки. 1898 (Цит. по: *Черенкова Н.* Экология в прошлом и сейчас // Соловецкий вестник. Вып. № 15 (32). Август 1991 г. С. 3)).

Совсем иначе воспринимались чайки заключенными. «...Летающая над озером белая чайка – символ нашей грустной мечты о несбыточном. Как ошибаемся мы, глупые люди! – думаю я, наблюдая монастырское наследие, соловецких чаек. Монахи запрещали их трогать, и они несли яйца посреди Кремля <...> тут же выводили тонконогих, безобразных, словно ощипанных птенцов, путавшихся под ногами богомольцев. Сейчас заключенные немного распугали чаек, они не кладут больше яиц во дворе, но по-прежнему безбоязненно и нагло <...> расхаживают между нами, большие утки с умными, хищно загнутыми клювами... С утра до вечера над Кремлем стоит отвратительный, тоскливый, выворачивающий наизнанку душу клекот чаек, и я скоро начинаю ненавидеть эту хищную, прожорливую, наглую птицу как символ мечты о счастье» (см.: *Андреев Геннадий.* Соловецкие острова. 1927–1929 // Сб.: Горькие годы. 1954 (Цит. по: Север. 1990. № 9. С. 3–93)).

б. Р.Н.Литвинов эту историю рассказывал несколько иначе. См. его письмо от 19 мая 1935 г.

Прочность на разрыв круглодисперсных сред
со сферическими зернами

I

Мерзлый грунт представляет дисперсную трех-фазную среду, состоящую из диспергированных частиц, заполняющего промежутки между ними льда и включенных в лед газовых пузырьков. Механическая прочность на разрыв газа равна нулю. Прочность на разрыв частиц скелета весьма велика и характеризуется, например для кристаллического кварца в направлении параллельном оси кристалла 1,1 миллиарда дин, а в направлении перпендикулярном - числом 0,83 миллиарда дин. (Справочник физико-химических и технологических величин, издаваемый под редакцией А. Н. Мартенса при "технической энциклопедии", том 6 стр. 110). Другие минералы скелета, как то полевой шпат и др. обладают прочностью на разрыв того же порядка величины. Из этого сопоставления явствует, что разрыв мерзлоты может произойти на той или иной поверхности либо по газу, либо по льду, либо, наконец, по поверхности срастания льда с частицей скелета, но во избежание не пройдет через толщину этой последней. Не вполне ясно, будет ли вблизи поверхности срастания разрыв идти по этой поверхности, или по льду. Принципиально говоря, может быть и то и другое, в зависимости от соотношения коэффициентов сцепления молекул льда между собой и тех же молекул с поверхностными атомами частиц скелета. Как известно из опыта над разрывными гомогенными массами, в одних случаях приращение бывает больше внутреннего сцепления цементующего вещества, в других же - менее. Но в отношении льда опыт показывает на большую прочность внутреннего сцепления льда, нежели

7. Возможный собеседник П.А.Флоренского в лагере, специалист по иранской культуре – Кази-Заде Керим-Вадул-оглы.

8. *Флоренский А.А.* Нахичеванский петрографо-геохимический отряд; Ганджинская геохимическая экспедиция // Сб.: Экспедиции Академии наук СССР 1933 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. (Труды СОПС АН СССР.) С. 194–200, 215–219.

9. *Выгодский М.Я.* Галилей и инквизиция. Ч. 1. М.–Л.: Гостехиздат, 1934.

10. В 1931 г. открытие алабамия признано не было. См. комм. № 4 к письму П.А.Флоренского от 6–12 апреля 1935 г.

11. В начале 1935 г. Академия наук, в том числе и ряд институтов и работавшие в них ученые, были переведены в Москву, о чем, по-видимому, не знал заключенный П.А.Флоренский.

К.П.Флоренский, закончив работы в Таджикско-Памирской экспедиции (1933–1935 гг.), 6 апреля 1935 г. был зачислен лаборантом в Биогеохимическую лабораторию (Биогел АН СССР), возглавлявшуюся академиком В.И.Вернадским, и стал работать под непосредственным руководством А.М.Симорина. О нем см.: *Коробова Е.М.* «Я был, есть и буду его учеником» // Природа. 1990. № 6. С. 124–128.

12. Уезжая в августе 1934 г. из Сквородино, А.М.Флоренская забрала все письма, которые были посланы П.А.Флоренскому близкими, однако его научные рукописи остались, так как никто не сомневался в продолжении его работ, которые велись совместно с Н.И.Быковым и П.Н.Каптеревым. Возможно, позже некоторые рукописи были высланы в Сергиев Посад вместе с личными вещами, это, в частности:

– Физические постоянные почв и грунтов / Собрал П.А.Флоренский. Свободный, 1934, I – Сквородино, 1934, II.

– Физические константы SiO_2 , некоторых минералов, горных пород и грунтов / Собрал П.А.Флоренский. г. Свободный, 1933, XII.

Результаты исследований П.А.Флоренского по вечной мерзлоте вошли в книгу, где по понятным причинам имени П.А.Флоренского нет (см.: *Быков Н.И., Каптерев П.Н.* Вечная мерзлота и строительство на ней. М., 1940). Присутствие в этой книге материалов, подготовленных П.А.Флоренским, подтверждается совпадением сохранившихся рукописей и текста книги.

Кроме того, в Тынде, в архиве Опытной мерзлотной станции хранится отчет, написанный при участии П.А.Флоренского. Это:

– *Флоренский П.А. и Каптерев П.Н.* Описание некоторых ледяных образований близ Сквородинской ОМС. 1934. Сквородино. (23 л.)

Там же хранится папка «№ 1. Отдел II. Программы, инструкции и отчеты о работе. 1. Программы Сквородинской НИМС до 1938 г.». В этой папке собраны документы, в подготовке которых мог принимать участие П.А.Флоренский. Возможно, большинство документов с его подписью уничтожено, сохранились такие:

– Замечания на программу работ Опытной Мерзлотной Станции БАМЛАГ ОГПУ на 1-й 1934 г. (Подписи: Е.Монович, П.Флоренский).

– 13 января 1934. Программа для представления проекта «Музея вечной мерзлоты». Без подписи.

Известны также еще две рукописи П.А.Флоренского. Их сохранил бывший сотрудник Сквородинской опытно-мерзлотной станции В.А.Асмолов. Ныне одна из них передана в Музей БАМа, другая, «Прочность на разрыв крупнодисперсных сред со сферическими зернами» (15 л.), хранится в семье В.А.Асмолова.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, А.М.Флоренской,
детям Василию, Кириллу

16–23 мая 1935 г.

Соловки

1935.V.16. Соловки. № 18. Дорогая мамочка, 13 мая получил твое письмо от 17 апреля. Ты пишешь, что не получаете моих писем; но и ко мне ваши долго не приходили и, вот, только на днях получено мною сразу три письма, одно от тебя и два от Анны, датированные 18 и 26 апреля. Следовательно, на целый месяц я отстаю от вас, а теперь, с прекращением или во всяком случае с большим ослаблением авиационного сообщения и до начала навигации эти задержки будут еще больше. Понятно, очень беспокоюсь, и вообще и в частности за Олю. Весна тут задерживается, каждую ночь подмораживает, несмотря на теплый, сравнительно, день. Снег только начинает таять, образовались проталинки, в общем же все под белым покровом. Море вскрылось лишь местами. Никаких признаков зелени, понятно нет. Зато белые ночи уже проявили себя. Вот, вчера в 11^{1/2} часов (по гражд. времени) шел из Кремля к себе в Биосад, т.е. в лабораторию. Было так светло, что можно было бы свободно читать, без напряжения глаз, а на небе играла закатная заря. А посидишь ночью – и снова совсем светло. Ты спрашиваешь об агар-агаре. Это вещество вырабатывается из водорослей теплых морей, но несомненно можно получить какой-то родственный продукт и из водорослей соловецких. Как раз вот последние дни я сижу над этой задачей¹. Тут выступают тонкие вопросы органической и коллоидной химии, так что надо работать головой. Но кроме обсуждаемого продукта из водорослей можно извлечь и еще много ценных материалов, над ними мы работаем, чтобы все вещество во-

Ольга Александровна
Троицкая.
Автопортрет.
Фронтиспис к книге
Д.С.Мережковского
«Будет радость»

дрослей использовать по возможности полностью. Пишешь о посылках. Очень прошу не делать посылок, т.к. у меня есть все, что требуется. Если же непременно хотите посылать что-нибудь, то, как я уже писал Анне, пришлите несколько листов бумаги, тетрадь общую, лучше всего в клетку и несколько тетрадок обыкновенных, лучше в клетку, т.к. на таких писать экономнее. Здесь острый недостаток бумаги. Еще мальчики могут прислать папирос, но это лишь в том случае, если получат их и некуда будет девать, специально же покупать не надо. Иногда здесь бывает днем и солнце. Но не только в белые ночи, а и при полном солнечном освещении свет здесь призрачный,

словно во сне его видишь, все кажется нереальным, каким-то бессильным и неврастеничным. Соловки тем и отличаются, что лишены сурового величия Севера, первозданных скал, дикости, мрачности, но не обладают и жизнью юга: мягка, уныла, слабосильна природа, по существу не отличающаяся от московской, например, но более слабая, болезненная, безрадостная. Одно только небо на закате и при восходе бывает великолепно, хотя и здесь, на небе, цвета лишь иногда насыщенные, вообще же блеклы и печальны. Зато эти восходы и закаты длятся долго-долго, несколькими часами.

1935.V.21. Идет весна²: лед на озерах – в черных пятнах, местами образовались проталины. Море вскрылось и заголубело. Появляются и почки, хотя снега еще немало. Леса оглашаются птичьим щебетаньем, которое длится до глубокой ночи. Вот, вчера, напр., шел я в 11 ч. ночи, на небе, сквозь серые облака проглядывала золотисто-оранжевая заря, а леса были наполнены щебетом и пеньем. Сегодня, говорят, придет первый пароход. Конечно, все волнуются, во первых* потому, что пароход, особенно весенний и осенний, действительно нередко привозит что-нибудь существенное, а во вторых* – за отсутствием других предметов для толков и волнений. Ведь здесь жизнь глубоко-провинциальная, как в какомнибудь* весьма захолустном городке, оторванном от общей жизни. Например сегодня все интересы около пароходика, который подошел к острову, но не может пристать из за* ледяных полей, хоть гавань и освободилась от ледяного покрова.

V.23. Наконец-то навигация открылась: пароход подошел, пристал и, следовательно, теперь будет сообщение.

Сообща, когда будешь писать, как живет Люся, здорова ли она и не слишком ли устает. Ты как-то писала, что она собирается, точнее – собиралась, подготовить какую-то работу к печати³. О чем? Выполнила ли она свое намерение? Было бы очень хорошо, если бы ты могла провести лето у нас, тем более, что мальчики наверное уедут. Если ты в самом [деле] настолько здорова, как пишешь, то проехать в Загорск тебе не составит особого труда, а я был бы очень рад, если бы ты пожила с нашими и немного подышала воздухом.

Изредка читаю кое что* – на большее нет времени, да и книги трудно доставать. Читал Стендаля, том автобиографиче-

Юлия Александровна Флоренская
Рис. О.А.Флоренской. 1906 г. Бумага, карандаш
Собрание семьи Флоренских

Д.С.Мережковский у трона Богородицы. Аллегория
Худ. О.А.Троицкая. Санкт-Петербург, 1913 г. Бумага, акварель
Собрание семьи Флоренских

ский; думаю, было бы интересно тебе. Сейчас читаю Пушкина в новом издании – литературные и исторические статьи, наброски, заметки. Веду лекции по математике, довольно квалифицированным слушателям – инженерам и т.п. В общем же занят целый день и часть ночи. Крепко целую тебя, дорогая мамочка, поцелуй Люсю.

1935.V.16. Дорогая Аннуля, по №№ моих писем ты можешь заключить, что я пишу вам аккуратно, по 3 письма в месяц, т.е. все что имею возможность сделать, да и то за ударничество. Не понимаю, почему вы, как пишете, не получали почти 2 месяца известий от меня. Надеюсь, это объясняется какими-либо почтовыми техническими проволочками. На всякий случай сообщаю тебе, что в прошлом, № 17, письме был вложен мой карандашный портрет, зарисовка худ. Иванова, и на нем была сделана надпись, что он предназначается Оле. Тебе я постараюсь прислать портрет другой, но надо найти время, чтобы позировать. Вчера, 20-го мая, получил письма от детей и маленькое твое, 14-е, датированное 14-м мая. Крайне беспокоят меня все ваши трудности, а особенно болезнь Оли. Чем же был болен Мик? Спрашиваешь относительно пьесы «Будет радость»⁴. Не читал ее, но, смутно припоминаю, как будто мне кто-то говорил о ней, но я не обратил внимания. Жаль, что не посмотрел портрета Вали. Относительно двора ты хорошо делаешь, что думаешь его засадить. Помнишь, когда мы переехали в этот дом, во дворе была желтая акация, на которую лазил Васюшка, были еще какие-то деревья; но все было объедено козою и погибло. А было бы очень приятно и во дворе устроить сад или огород, а еще лучше то и другое зараз. Хорошо бы, в частности, посадить рябинку⁵. Спрашиваешь о чайках. По моему* это красивые птицы, только кричат резко, разными голосами, повидимому* подражают различным звукам. Лисы все не взаперти, они бегают по всему острову куда им вздумается. Но т.к. они выращены* в питомнике, то людей не боятся и стараются быть в местах, где можно пожить отбросами или где их прикармливают. Вот и бегают всюду, со своим длинным пушистым хвостом. Пишу специально для Тики и Мика. Вчера я заходил на скотный двор, в коровник. Кстати сказать, там образцовая чистота, при входе надо обтирать ноги о поло-

Дальневосточная саранка.
Сковородино.
Фото П.В.Флоренского.
2003 г.

вик, работающие в белых фартуках и колпаках, коровы очень красивые, на полу чище, чем во многих квартирах. Заходил же туда посмотреть олененка. Он отбил-ся от стада, его подобрали и вскармливают молоком и рыбьим жиром^б. Рыбий жир приходится давать, т.к. оленьё молоко в 6 раз жирнее коровьего, и последнее для олененка слишком жидко. Он, несмотря на рыбий жир, очень худ. Величиною с небольшую собаку, без признака рогов. Очень лез ко мне с намерением сосать и так тыкался мордой, что я еле держался на ногах. Очень милый зверь, как и вообще олени. Отправив это письмо, я сажусь писать следующее, т.к. для писем срок 25-е число, и напишу детям, но не утерпел, чтобы не сообщить этой новости об олененке поскорее. Очень жаль, что привезенные вами растения не принялись. Попроси Игоря при случае привезти еще раз, м.б. пойдут все таки^{*}. Особенно хорошо было бы завести рододендрон и орхидеи. Скажи ему также относительно моих вещей. Мне жаль моих выписок, над ними я много трудился, и проделанных работ. Или м.б. Елена Серг. напишет при случае. Крепко целую тебя, дорогая, и всех вас. Кланяйся бабушке. Как здоровье С.И.?

Дорогой Васюшка, мама пишет, что ты пока не устроился с поездкой на лето. Это жаль, все таки^{*} и отдохнул бы от Москвы и узнал бы что-нибудь полезное для себя. Но зато поживешь дома с мамочкой. Впрочем, думаю, поездка твоя все таки^{*} состоится. Понемногу занимаюсь капельным анализом. Вчера, вот, изготовил реактив Кольтгоффа на натрий (цинк уранилацетат), который действует неплохо (об изготовлении его см. у Тананаева в «Капельн. анализе»⁷). Очень удачно действует реакция Тананаева на магний (последовательное наложение капель фенолфталеина, испытываемого раствора и водного аммиака, просушивание и смачивание белого места, которое снова становится красным). Тебе и Кире, вообще, следовало бы освоить капельный и микрохимическ. анализ, это очень удобный способ, особенно в путешествии; можно было бы соорудить небольшую походную лабораторию в шкатулке, заготовив реакгентную бумагу с разными солями и органическими препаратами. Кое какие^{*} были у меня,

если есть еще, то воспользуйтесь ими. Очень удачным оказался разработанный нами анализ галоидов потенциометрический – быстр и достаточно точен, но требует аппаратуры, не допускающей переноса, хотя, б.м., можно было бы придумать и чтонибудь* портативное (струну можно было бы сделать в виде архимедовой спирали и использовать какой-нибудь* портативный милливольтметр; все остальное, т.е. карманный элемент и карманный электрод, можно было бы вместе с ключами и элементами скомбинировать в небольшом ящике). Неудобство только в номограмме, которая, чтобы быть достаточно точной, должна чертиться на большом листе бумаги. У меня раньше была походная минералогическая лаборатория Платтнера, кажется она теперь у дяди Шуры, если только сохранилась.

Получил ли ты то письмо, в котором я описываю наблюдения над видимостью ультрафиолетов. лучей (субъективные цветовые явления в глазу)? Сообщаю тебе, между прочим, одно наблюдение: я давно обратил внимание, что примус чрезвычайно действует на голову и на нервную систему, причем степень действия не соответствует производимому примусом шуму, не очень значительному. Недавно я сообразил, в чем дело: примус, очевидно, генерирует сильные ультразвуковые колебания и они, хотя и неслышны, однако оказывают значительное физиологическое действие. Было бы интересно испытать примус на приборах, с помощью которых анализируются колебания весьма частые. Можно было бы напр. записать фонографом неслы-

Загадка о примусе.
Рис. А.Ф.Вангенгейма.
Архив Э.А.Вангенгейм

шимые звуки и затем пустить фонограф медленно, тогда звуки стало бы слышно. Уже давно я думал о применении этого способа к изучению ультразвуков, испускаемых бабочками и др. насекомыми.

Стараюсь занять себя работой, по возможности ни о чем не думать и не жалеть, но все думается про вас. Конечно коэф. полезного действия работы в здешних условиях, да еще при общем душевном состоянии, слишком мал, но надо что-нибудь делать. На БАМе было иначе, там открывалось обширное поле деятельности. Много также значит природа. Здесь она, хотя и не кажется суровой, но призрачна и безсодержательна, да к тому же надо сидеть в четырех стенах. Даже Морсплав (Попов Остров), состоящий из гнейсовых скал, пластами выходящих на поверхность, несмотря на свою мрачность (я называл его Чортовым* островом) казался мне содержательнее: какое-то брезгливое отношение к ледниковым наносам, как к засоренной и не подметенной комнате.

Сейчас я занят размышлениями об условиях желатинизации водорослевых продуктов. Мне ясно, что надо получить соединения эстера с кальцием и магнием, т.е. род комплексно-двойной соли, но не могу придумать пока способа этого синтеза. В водорослях имеются два рода слизиобразных веществ. Одни из них (т.н. альгин или альгиновая кислота) растворимы в щелочах, с образованием солей, а другие, слизи (фуцины и фукоидины), растворимы в кислотах и вероятно образуют с ними эстеры, т.е. сами спиртовой природы. Надо, выделив те и другие, соединить их между собою, но пока такого соединения не добился, а желатинировать, надо думать, будет только оно. Возможно, что в водорослевой массе с ними связаны также и протеины, но как именно – неясно. Во всяком случае для желатинизации требуются длинные макромолекулы, очень длинные цепи амфотерной природы, чтобы один конец был положительный, а другой отрицательный, т.е. один конец со спиртовой функцией, а другой – с кислотной. Никто не сообщает мне о твоём здоровье, напиши.

Размышляю, как и прежде, о пространстве в связи с вопросами физики и неевклидовой геометрии; но к сожалению, тут нет никаких книг и потому размышления слишком затруднительны. Крепко целую тебя.

В.А.Зильберминц
(в центре) на полевых
работах (Южный Урал).
Справа сидит рабочий
Кирилл Флоренский.

1929 г.

По сведениям
А.А.Хвалебновой,
внучки В.А.Зильберминца,

в его письме домой
от 22.08.29 есть фраза:

«Письмо передаст
рабочий К.Ф.».

Архив семьи Власовых

Дорогой Кирилл, так я и не знаю до сих пор, где ты работаешь. Мама сообщает, что ты вероятно поедешь в Забайкалье⁸, но не сообщает, от какого учреждения и с кем. Не знаю я также и того, продолжаешь ли ты работать у З., или нет. (Впрочем, я вспомнил, что как будто в Забайкалье намечается поездка от Радиевого Института.) Я писал тебе в прошлом письме о аламбание*. При случае поговори с В.И. об этом вопросе. Мое убеждение, что Ам должен быть спутником иода* и что его следует искать в иодоносных* водах и вообще там, где есть иод*. М.б. он-то, т.е. Ам, и служит причиной заболеваний⁹? Тем более, что он должен быть радиоактивным. Как находить Ам? Думаю, надо было бы воспользоваться, во-первых его весьма высоким потенциалом при потенциметрировании с азотистым серебром (не титровании, а м.б. и при титровании), т.е. по способу, нами разработанному. Во вторых* можно было бы из остатков иодной* промышленности, т.е. после сублимации иода*-сырца, искать его в остатках, где концентрация его д.б.

значительно выше, чем первоначальная, ибо Am значительно менее летуч, чем иод*, а тем более Br. Далее, вероятно окисление аламбанидов до свободного аламбания происходит легче, чем иодидов*, а тем более бромидов и хлоридов. Следовательно, играя на рН среды, можно было бы выделить Am, когда J еще не выделяется. К сожалению, неизвестно, растворяется ли Am в CCl_4 и $CHCl_3$. Если да, то его можно было бы экстрагировать из среды после окисления аламбанида. Необходимо, однако, иметь в виду склонность Am образовывать аламбанаты и др. соединения (известны $NAmO_4$, $NAmO$, $NAmO_2$, $NAmO_3$, $NAmO_4^I$, причем последнее – самое прочное). Открыто, в частности, соединение $LiAm$, м.б. можно было бы воспользоваться им для аналитических целей.

Ты собираешься прислать мне окарино^{II}. Пожалуйста не присылай, дорогой. Мне играть негде, некогда и на душе совсем не до игры, а каждая вещь в моих условиях есть имущество недвижимое, т.к. таскать на себе даже и то немного, что есть у меня, мне не под силу. К тому же при всякой перемене ситуации рискуешь быть обкраденным, и надо всегда быть к этому готовым. Каждая книжка в моих условиях – обуза. Если у тебя есть деньги, то употребляй их на себя и на общую жизнь семьи. Ведь я ничем не могу помочь мамочке и детям, а мне больно думать о том, что вам трудно живется и приходится во всем себе отказывать. Единственная моя радость – узнать, что вам хоть сколько-нибудь хорошо. Но ее-то я и лишен и нахожусь в постоянном беспокойстве.

Сумел ли ты разобраться в работах Д.И.? Я так и не знаю, вышла ли его «Палеонтология». Вероятно с его смертью ты совсем отстанешь от палеонтологии, хотя и то, что уже приобрел в этой области будет полезно тебе. Но жаль, что ты совсем не познакомился с фитопаалеологией, я думаю, при изучении осадочных пород и минералов биолитических эти познания совершенно необходимы.

В «Полн. собр. сочин.» Пушкина, т. 5, Гос. изд. худ. литер., М.–Л., 1933, стр. 428, в «Заметках о Шваниче»¹⁰ я нашел интересное сведение: «Четыре брата Орловы (Екатерининские) (потомки стрельца Адлера, пощаженного Петром В. за его хлад-

I Повтор в тексте.

II От *итал.* osagina – окарина, род свистковой флейты.

нокровие перед плахой), были до 1762 г. бедные гвардейские офицеры, известные буйной и безпутной жизнью»¹¹. Род Орловых меня давно интересует. А сведения о происхождении их от Адлера я, кажется, знал, но как-то не учел¹². Еще меня занимает связь родов Арсеньевых, Разумовских, Васильчиковых, это все Елизаветинские деятели и тоже связанные с Орловыми. Вероятно много сведений можно было бы получить из архива Орловых-Давыдовых. Крепко целую тебя, дорогой. Не забывай. Боюсь, это письмо уже не застанет тебя в Москве.

22.V. Было бы хорошо, если бы мама прожила у нас лето, и для вас и для нее.

Конверт (162×115 мм) кустарный, белый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 01.06.35; Москва – 05.06.35.

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого пер. и Новоколюшениной ул., д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила синие.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. № 1. Д. 1».

Письмо на двойном листе (355×222 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Чернила синие.

1. «Агар-агар, альгинаты (соли альгиновой кислоты – альгина) – фиколлоиды, т.е. получаемые из водорослей гелеобразователи полисахаридной природы. Они содержатся в клеточных стенках микроскопических красных и бурых водорослей и нигде более в природе не встречаются, а искусственному синтезу не поддаются. Это наиболее ценные и дорогостоящие соединения, получаемые из водорослей. Из красных водорослей – агаропитов добывают агар-агар и родственные ему гелеобразователи – агароид, филлофорин, фуцелларан, каррагинаны, которые используются в пищевой, фармацевтической, микробиологической, лакокрасочной и других отраслях промышленности. В России сырьем для получения агар-агара служат виды анфельции – беломорская, *Ahnfeltia plicata* и дальневосточная *A. Tobuchiensis*. В Архангельске действует крупный водорослевый комбинат, где ведется переработка как анфельции, так и бурых водорослей. На Украине на Одесском агаровом заводе для производства агароида используется черноморский агарофит *Phyllophora nervosa*. В Балтийском море растет в промысловых количествах *Furcellaria lumbricalis*. На Дальнем Востоке и на Украине ведутся исследования перспективного продуцента агара *Gracilaria verrucosa*. Всего в мировом океане известно более 80 видов агароносных красных водорослей, обитающих во всех климатических зонах.

Альгинаты натрия, калия и магния получают при переработке бурых водорослей, относящихся к порядкам ламинариевых (*Laminariales*) и

Юлия Александровна
Флоренская.
1940-е гг.
Архив семьи
Флоренских

фукусовых (Fucales) водорослей. Они обитают преимущественно в умеренных и холодных регионах мирового океана. В России промысловые заказы сосредоточены в арктических (Баренцево, Белое) и дальневосточных (Охотское, Японское) морях. Заготавливаются такие виды, как *Laminaria saccharina*, *L. Digitata*, *L. Japonica*, *Fucus vesiculosus*, *Ascophyllum nodosum*. Альгинаты используются как пищевые и технические загустители, в текстильной и бумажной промышленности, в качестве гемостатических средств в медицине. Последние годы (после аварии на Чернобыльской АЭС) особенное внимание привлекает способность альгинатов к сорбции радионуклидов. При пероральном применении альгинатные препараты могут способствовать выведению из организма до 90% радионуклидов, в том числе из костных тканей, где их накопление наиболее активно и особенно опасно. Эти препараты эффективны как в профилактических,

так и в лечебных целях. В настоящее время из-за неумеренного промысла и загрязнения мирового океана запасы промысловых красных и бурых водорослей сокращаются, в ряде случаев катастрофически. Поэтому во всем мире, в том числе в России, ведутся разработки, направленные на искусственное разведение этих видов» («...Словно в мире нет ничего, кроме водорослей». Из писем П.А.Флоренского / Вст., публ. и комм. О.В.Максимовой, П.В.Флоренского // Природа. 1993. № 11. С. 42).

2. Из письма Р.Н.Литвинова: «Скудная весна приходит медленной походкой. Думалось, что зиме конец, но она продержалась до 20-х чисел» (19 мая 1935 г.).

3. Ю.А.Флоренская с 1927 г. руководила Логопедическим отделением Института невропсихиатрической профилактики (позже: Центральный институт психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР). Вокруг нее сформировался коллектив единомышленников. Ее работы, о которых и спрашивает, по-видимому, П.А.Флоренский, выходили в специализированных журналах в Париже (1933), Берлине (1934) и СССР.

Флоренская Ю.А. Логопедия в СССР // Советская невропатология, психиатрия и психология. Т. IV. Вып. 2. 1935.

Флоренская Ю.А., Гринер В.А. Логопедическая ритмика // Советская невропатология, психиатрия и психология. Т. V. Вып. 6. 1936.

Труды Ю.А.Флоренской теперь переизданы: *Флоренская Ю.А.* Избранные труды по логопедии / Сост. Е.Е.Шевцова. Предисл. Е.Н.Винарская. М.: Изд. «Астрель», 2007.

4. Книга Д.С.Мережковского «Будет радость» (Пг., 1916) посвящена О.А.Флоренской. На фронтисписе книги помещен ее портрет.

Сохранилось более сотни писем из переписки О.А.Флоренской с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус. Эти материалы частично опубликованы: *Флоренский П.В., Шутова Т.А.* «Наш тихий светлый ангел». История любви и смерти // Культура и время. 2006. № 3 (21). С. 26–39; Письма

О.А.Флоренской, П.А.Флоренского, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус / Сост. В.П.Флоренский, П.В.Флоренский, А.И.Олексенко, Т.А.Шутова // *Культура и время*. 2006. № 3 (21). С. 40–63; *Флоренский П.В., Шутова Т.А.* Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами // *Наше наследие*. 2006. № 79–80. С. 114–120; Переписка Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова и О.А.Флоренской (1906–1909) / Сост. В.П.Флоренский, П.В.Флоренский, А.И.Олексенко, Т.А.Шутова // *Наше наследие*. 2006. № 79–80. С. 121–135; 2007. № 82. С. 26–47; *Шутова Т.А.* Нечаянная радость // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2008. Кн. 253. С. 140–143; Письма Д.С.Мережковского к О.А.Флоренской (1906–1908) / Сост. В.П.Флоренский, П.В.Флоренский, Т.А.Шутова // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2008. Кн. 253. С. 143–160.

5. Рябина действительно была посажена во дворе и называлась «бабушкина рябинка». Желтые акации растут в саду на Пионерской до сих пор.

6. Любые, даже самые мелкие события, выбивавшиеся из серых лагерных будней, привлекали внимание заключенных и особо отмечались ими. П.А.Флоренский и Р.Н.Литвинов побывали на бывшем конном дворе монастыря, располагавшегося на краю поселка западнее Кремля, и об увиденном рассказали родным (см. письмо Р.Н.Литвинова от 19 мая 1935 г.).

7. *Тананаев Н.А.* Капельный метод качественного химического анализа. Ч. I. Л., 1926.

8. Во время экспедиций в Забайкалье К.П.Флоренский, под руководством А.М.Симорина, а затем самостоятельно, в течение двух полевых сезонов вел сборы образцов почв, растений, представителей фауны для решения загадки тяжелого эндемического заболевания. Сам К.П.Флоренский об этом времени вспоминал: «Уровская (Кашина–Бека, эндемический остеоартроз) болезнь в Забайкалье уродовала кости людей в юности, превращала в инвалидов на всю жизнь. О ее происхождении высказывалось много гипотез: причем было ясно, что суть дела заключается в деталях соотношения организма со средой, в которой он живет. Для этой проблемы медики решили обратиться за помощью к В.И.Вернадскому, который с радостью принял это предложение. Изучением этой особой биогеохимической провинции было по сути дела положено начало практическому применению новой науки – биогеохимии» (*Флоренский К.П.* Незабываемые десять лет. Очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1963. Вып. 11. С. 90–98).

В научной периодике удалось отыскать два упоминания об участии К.П.Флоренского в сборе материала и изучении химического состава почв, вод и пород в Восточном Забайкалье. См.: *Виноградов А.П.* Геохимические исследования в области распространения уровской эпидемии // *Доклады АН СССР*. 1939. Т. 23. С. 64–67; *Виноградов А.П.* О причинах происхождения уровской болезни // *Труды Биогел АН СССР*. 1949. Т. 9. С. 5–29.

Биогеохимические исследования в Восточном Забайкалье показали, что одной из причин распространения уровской болезни может служить недостаток кальция и избыток стронция и бария в почвах, водах и кормовых растениях. Поэтому в настоящее время применение обогащенных кальцием кормов в животноводстве считается вполне надежным способом предупреждения остеоартроза.

Уровская болезнь описана в середине XIX в. врачом Н.И.Кашиным, который обнаружил ее эндемический очаг в районе р. Уров. В начале XX в. изучена другим русским врачом – Е.В.Беком.

9. Возможно, это справедливо: исследуя рост заболеваемости в районе чернобыльской катастрофы, Е.Б.Бурлакова доказала, что малые дозы радиоактивности резко усиливают существующие болезни и провоцируют новые. См.: *Моисеев НА, Бурлакова ЕБ, Флоренский П.В. и др., всего 80 человек.* Заключение экспертов Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по государственным программам РСФСР, УССР, БССР ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990–1995 гг. // М., 1990. № 11. С. 141–149.

10. Правильно *Шванвич*. В указанном П.А.Флоренским издании (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 5: Критика, история, автобиография. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1933) в разделе «Исторические исследования и материалы» опубликована «История Пугачевского бунта» и приведены записи из рабочих тетрадей А.С.Пушкина, сделанные в процессе его работы над этим произведением. Одна из них касается А.М.Шванвича.

Березы на берегу
бухты Благополучия.
Фото В.П.Столяров. 2009 г.

Александр Мартынович Шванвич, немец по происхождению, служил в инженерном и артиллерийском корпусе, а в ноябре 1748 г. был определен в дворцовую охрану императрицы Елизаветы Петровны в звании рядового гренадера (что соответствовало чину армейского поручика). А.Шванвич не раз подвергался дисциплинарным взысканиям за публичные скандалы, уличные и кабацкие драки, где пускал в ход не только кулаки, но и холодное оружие. В трактирной ссоре А.Шванвич нанес рану сержанту гвардии Алексею Орлову. Высланный в Оренбург за учиненный им «непорядочный чести офицерской» проступок, был определен поручиком в расквартированный там Пензенский пехотный полк. Службу закончил командиром 3-го батальона в Кронштадтском гарнизонном полку.

Эти сведения приводит Р.В.Овчинников, доктор исторических наук, автор и составитель источниковедческих монографий о Крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева. См.: *Овчинников Р.В.* Записки Пушкина о Шванвичах // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 235–236.

11. В указанном издании эта цитата выглядит так: «Четыре брата Орловы (потомки стрельца Адлера, пощаженого Петром Великим за его хладнокровие перед плахой), были до 1762 года бедные гвардейские офицеры, известные буйной и беспутной жизнью».

12. Сведения, на которые ссылается П.А.Флоренский, неточны. Вот что по этому поводу пишет Р.В.Овчинников: «Вторая пушкинская запись открывается известием о некоем стрельце Адлере, будто бы предке братьев Орловых, который участвовал в стрелецком восстании. <...> Версия о стрелецком прошлом рода Орловых и об участии одного из них в стрелецком восстании 1698 г. не соответствует истине. Дворянский род Орловых известен с XVI в., никто из представителей этой фамилии не занимал командных постов в стрелецком войске при Петре I; дед знаменитых братьев Орловых – стряпчий И.И.Орлов умер за пять лет до стрелецких казней, в 1698 г., отцу же их Г.И.Орлову исполнилось в том году всего лишь 13 лет. <...>

Из какого же источника почерпнул Пушкин известие о стрельце Адлере? <...> Известие это помещено в книге “Заметки о главных фамилиях в России”, изданной П.В.Долгоруковым за рубежом. Вот как звучит этот текст в переводе с французского языка на русский: “Во время стрелецких казней, на которых Петр I не только с удовольствием присутствовал, но и принимал в них участие, один молодой стрелец по имени Иван и по прозвищу Орел (l’aigle) взошел на эшафот, чтобы сложить голову, но, увидев, что место на плахе уже занято другим осужденным, оттолкнул его со словами: “Отойди, здесь – мое место”. Находившийся возле плахи Петр был поражен хладнокровием молодого стрельца и не только помиловал его, но и определил солдатом в армейский полк. Смелый стрелец, выказавший на новом месте службы отличные способности, был произведен в офицеры, а вслед за тем получил права дворянина.

Его сын Григорий был генералом и губернатором в Новгороде, он имел пятерых сыновей – Ивана, Григория, Алексея, Федора и Владимира”.

Значительное сходство текстов Пушкина и Долгорукова в той их части, где речь идет о стрельце по прозвищу “Адлер” или “Орел”, ставшем будто бы “родоначальником” фамилии Орловых, позволяет предположить, что вторая пушкинская запись в полном ее объеме построена на устном рассказе П.В.Долгорукова. Следует заметить, что П.В.Долгоруков с юных лет занимался генеалогией русского дворянства, проявляя особый интерес к истории аристократических фамилий, возвысившихся в XVIII в., и своими познаниями в этой области мог поделиться с Пушкиным, поведав ему и предание о трагичной ссоре Алексея Орлова с Александром Шванвичем. <...>

Вероятно, П.В.Долгоруков был знаком с изданным на немецком языке в Вене в 1700 г. дневником секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба, очевидца стрелецких казней. В записи от 13 февраля 1699 г. И.Г.Корб поведал, что Петр I с негодованием рассказывал своим вельможам о том, как один из осужденных к казни стрельцов “проявил такую законченность, что, готовясь лечь на плаху, дерзнул обратиться к Царю, вероятно, стоявшему очень близко, с такими словами: “Посторонись, Государь! Это я должен здесь лечь” (*Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*. СПб., 1906. С. 124). Может быть, этой записью И.Г.Корба и воспользовался П.В.Долгоруков, несколько переиначив ее и приспособив для рассказа о стрельце Орле, деде графов Орловых» (*Овчинников Р.В. Записи Пушкина о Шванвичах // Пушкин: Исследования и материалы*. С. 244–245).

Однако Р.В.Овчинников, до которого столь глубоких изысканий никто не делал, проводил и опубликовал свои исследования во второй половине XX в., поэтому П.А.Флоренский знать полученных им выводов не мог.